

Михаил Смирнов

ТРЕТЬЯКОВЫ

Приключенческий роман

16+

Михаил Смирнов

ТРЕТЬЯКОВЫ

Приключенческий роман

Екатеринбург
2021

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
С50

Смирнов М.М.

С50 Третьяковы. Екатеринбург: Издательство
ИП Пиджаков А.В., 2021. — 292 с.

ISBN 978-5-905351-97-6

Неведомые и неразгаданные тайны прошлого!?!

Они всегда порождали легенды, мечты и прекрасные надежды. Надежды порой напрасные и несбыточные. А иногда, при попытке их реализовать, и просто зловещие, кровавые и даже несущие смерть...

Наши дни. Фонд братьев Третьяковых (Павла и Сергея, российских предпринимателей XIX века, меценатов и коллекционеров живописных шедевров), с офисом в Париже, должен выполнить последнюю волю, 120-летней давности, основателя Фонда — Павла Третьякова. Ни много, ни мало — передать тайник с ценностями одному из современных отпрысков семьи Третьяковых!!! Для этого в Россию отправляется эмиссар Фонда в сопровождении офицера Европола. Но и не только они...

Владельцем указанного в завещании тайника неожиданно становится молодой житель Костромы Олег Третьяков, испытывающий в тот момент серьезные жизненные трудности. И вдруг... эта внезапно свалившаяся счастливая и загадочная удача! И она совсем рядом, в ближайшем уездном городе Судиславле...

Многие «друзья», как иностранные, так и российские, очень хотят «помочь» герою в поиске тайника и возможных ценностей в нём. И, разумеется, далеко не бескорыстно. Ведь современный мир так неприветлив, холоден и алчен...

Романтические мысли и планы Олега на использование полученных ценностей из тайника наталкиваются на прозу жизни...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-905351-97-6

© М.М. Смирнов, 2021

Пролог

Братья Третьяковы, Павел (старший) и Сергей, жившие в XIX веке в Российской империи, образованные и трудолюбивые российские предприниматели, общественные деятели, патриоты. Также прославившиеся своим художественным вкусом, меценатством и коллекционированием.

Братья выросли в потомственной купеческой семье, получили хорошее домашнее воспитание и образование. Оба слыли честными, работоспособными и энергичными людьми, не жалеющими себя ради любимого дела. Так, Павел (молчаливый и вдумчивый) с юности до последнего дня — вставал в шесть утра, ложился в полпервого ночи. Время расписывал, как педант, по минутам. Его бизнес успешно развивался, семья росла (жена родила шестерых детей) и богатела. Объединяла братьев и страсть к искусству. Павел свою первую коллекцию живописи стал собирать с детства: покупал небольшие миниатюры, гравюры и литографии на рынке, в маленьких лавочках. Это стало предтечей грандиозной коллекции, которой он обзавелся со временем. Старший брат проявлял интерес к русской живописи, младший — к работам зарубежных художников...

Павел Третьяков занимался не только сборанием картин для своей коллекции. Он также принимал участие в деятельности Московского художественного общества,

Московского училища живописи, ваяния и зодчества, помогал Арнольдовскому училищу глухонемых. Он же делал многочисленные пожертвования на нужды бедных, выплачивал стипендии, оказывал помощь деятелям науки и искусства. Так, например, он был спонсором легендарной и успешной экспедиции ученого-этнографа Н.Н. Миклухо-Маклая в южные моря.

Исполняя волю умершего в июле 1892 года младшего брата Сергея Михайловича, Павел Михайлович решил к его коллекции (84 картины) присоединить и свой музей, передав общую художественную галерею (1287 живописных работ и 518 графических изображений) вместе с особняком в дар городу Москве. В конце августа 1892 года соответствующее заявление было направлено в городскую Думу. В середине сентября Дума постановила: «принять дар братьев Третьяковых и благодарить Павла Михайловича». В августе 1893 года состоялось официальное открытие музея в Москве, именуемого «Московская городская галерея имени братьев Павла и Сергея Третьяковых».

Павел Третьяков был назначен пожизненным попечителем галереи и получил звание почетного гражданина Москвы. Он также являлся действительным членом Петербургской академии художеств. Предприниматель носил титул советника коммерции, являлся членом Московского отделения Совета торговли и мануфактур. От дворянства, пожалованного ему российским императором Николаем II, Павел Михайлович отказался...

Павел Михайлович открыл Фонд братьев Третьяковых в Париже для информирования европейской и мировой общественности о деятельности будущей художественной галереи, продвижении русских художников и русской культуры в Европе, совершения операций

по купле-продаже национальных художественных произведений...

Галерея, созданная Павлом Третьяковым, и сегодня остается одним из главных символов Москвы. Государственная Третьяковская галерея входит в число ТОП-5 самых известных и знаменитых художественных музеев мира. Благодарные соотечественники не забыли одного из лучших сыновей своей земли. Перед входом в галерею будто из каменного постамента вырастает гранитная статуя-глыба основателя. Привычно задумчивый меценат изображен в строгой позе со скрещенными на груди руками...

Глава 1

Вторая половина мая 2017 года

Париж, Франция, банк «BNP Paribas»¹...

В депозитарий банка входят двое в черной одежде: сотрудник банка — мужчина и клиент — пожилая, худая женщина в очках, в вуали и шляпке. Они проходят к стене, состоящей из ячеек, останавливаются возле одной из них. Женщина медленно достает из дамской сумочки небольшой светлый ключ, в руке сотрудника тоже свой ключ.

Вот ячейка уже открыта.

Сотрудник аккуратно достает из ячейки ящик серого цвета, ставит на стол, слегка кланяется и выходит из помещения. Женщина что-то тихо-тихо шепчет, возможно, читает молитву и открывает ящик. Медленно достает из него деревянную лакированную изящную коричневую шкатулку, опечатанную печатью... Несколько

¹ Банк «BNP Paribas» (Бэ-Эн-Пэ Париба) — французский финансовый конгломерат, входит в «большую четвёрку» банковского рынка страны и в число глобально системно значимых банков. BNP ведет свою историю с 1848 года...

секунд внимательно рассматривает шкатулку, затем кладет изящное изделие в сумочку и направляется к выходу...

Месье Дюплесси, первый вице-президент банка «BNP Paribas», курирующий в том числе депозитарий банка, вот уже много лет являлся осведомителем французских секретных служб. Собственно поэтому он и занимал 15 лет свой пост. Узнав об изъятии шкатулки из банка, он, естественно, сразу же проинформировал своих шефов. Первым делом позвонил куратору в обычной контрразведке – DGSE². Банкир сообщил о том, что мадам Третьякова-Лаган, исполнительный директор Фонда братьев Третьяковых и праправнучка П.М. Третьякова, вскрыла находящуюся без движения 120 лет депозитарную ячейку. А затем Дюплесси проинформировал и финансовую разведку – TRACFIN³...

Париж, особняк на улице Вожирар...

Старый, но в хорошем состоянии симпатичный дом. На входе небольшая, но изящная табличка на французском и русском языках – Фонд братьев Третьяковых.

² DGSE – Главное управление внешней безопасности Минобороны Франции, объединенная служба внешнеполитической и военной разведки Французской Республики. Осуществляет также и контрразведывательную деятельность, занимается экономическим шпионажем.

³ TRACFIN – Управление разведки и противодействия подпольным финансовым схемам Минэкономики и Минфина Франции, отвечает за борьбу с отмыванием денег и незаконными финансовыми операциями.

Первый этаж арендуют фирмы под офисы, третий – под съемные квартиры (в одной из них проживает мадам Третьякова-Лаган). Помещения Фонда занимают весь второй этаж старинного особняка. Аренду сроком на 150 лет оформил в свое время еще сам Павел Михайлович. В просторном зале заседаний, с высокими потолками, отделанными декоративной лепниной, шло экстренное заседание исполнительного комитета Фонда. Три больших окна были закрыты специальными, алюминиевыми жалюзи (очевидно, защищающими от технической прослушки и наблюдения снаружи). На одной стене находятся в красивых рамках два больших красочных мужских портрета (Павла Михайловича и Сергея Михайловича Третьяковых). На другой – еще

несколько интересных художественных полотен. На третьей — огромное красочное генеалогическое древо⁴ Третьяковых с различными и многочисленными в разных цветах ответвлениями (но в перевернутом виде, то есть с основателями семьи наверху). Почти бесшумно работает кондиционер.

Овальный полированный стол. Во главе его в кресле располагалась пожилая, худая женщина в очках и шляпке. По правую сторону от нее находились двое мужчин, по левую — мужчина и женщина. Все они, на разных уровнях потомки братьев Третьяковых, соблюдая традиции, одеты в строгую черную одежду.

— Уважаемые члены исполнительного комитета нашего Фонда, — вымолвила хорошо поставленным голосом пожилая, худая женщина в очках и шляпке, рукой придерживая лежащую на столе деревянную лакированную изящную коричневую опечатанную коробочку. — Мы должны выполнить последнюю волю основателя нашего Фонда, прапрапрадеда нашего — Павла Михайловича Третьякова. По одному образному выражению, Россия в конце XIX века была «беременна» революцией. Очевидно поэтому в 1897 году, за год до кончины, прозорливый Павел Михайлович совершил тайный вояж в Париж и оставил в банке свое послание нам, своим потомкам. Как он писал позже в своем дневнике, в этом письме-послании, по сути — завещании, указано место тайника в России и будущий

⁴ Генеалогическое (или родословное) древо — схематичное представление родственных связей, родословной росписи в виде условно-символического «дерева», у «корней» которого указывается родоначальник, на «стволе» — представители основной (по старшинству) линии рода, а на «ветвях» — различных линиях родословия, его потомки — «листья».

владелец его содержания. Вскрыть завещание он просил через 120 лет, что мы сейчас и сделаем.

Окинула пристальным взглядом присутствующих. После смерти 40 лет назад предыдущего директора, своего отца, она возглавила Фонд и неизменно им руководила. Эта хорошо сохранившаяся, 79-летняя женщина привлекала своей невероятной харизмой, силой духа и властным, чарующим голосом. А еще для нее были характерны: современная модная и дорогая одежда, очки правильной формы, легкий макияж на лице, безупречный маникюр... Никакие внешние дегенеративные (возрастные) процессы в ее организме не прослеживались... Хотя никто не знал, как ей порой тяжело, старческие недуги идут по пятам: потеря вкуса, обоняния, отеки и онемение, ломкие ногти, ноющие кости и выпадающие волосы... А по ночам ее сильно тянуло к родным, любимым с детства местам. Хотелось снова побывать там, где она когда-то бродила, молодой, наивной, полной веры в прекрасное. Там, где она любила и была любимой...

— Я, как исполнительный директор Фонда, попрошу исполнить волю Павла Михайловича, то есть отправиться в Россию с посланием к будущему владельцу тайника, самого молодого друга нашей большой семьи, г-на Даниэля Дюбуа.

Все в Фонде знали, что престарелая директриса души не чаяла в племяннике, рыжеволосом молодом человеке. Она любила на него смотреть и слушать. И действительно, было чем любоваться: по-мужски красивое лицо, великолепный бархатистый голос, неповторимая лукавая белозубая улыбка, не по годам мудрый взгляд, море обаяния, стройный, интеллигентный. А еще симпатичные рыжие кудряшки на голове... Злые языки утверждали,

что они любовники. Но это было не так. Третьякова-Лаган любила Даниэля по-матерински. К тому же она являлась серьезной православной христианкой. И всё же, отправлять любимца, почти сына, в непредсказуемую Россию — это большой риск. Ведь Дюбуа мог вернуться как «на коне», так и с позорной неудачей. Решение директора было определено неожиданно для всех. Но все присутствующие промолчали.

Со словами: «Я готов!», решительно поднимается сидящий по левую сторону молодой, улыбающийся рыжеволосый молодой мужчина.

Выглядел он контрастно-привлекательно: светлый костюм, черная рубашка с расстегнутым воротом, красный шейный платок.

— Я не сомневалась в вас, — изрекает пожилая худая женщина в очках и шляпке. — Всем спасибо, вы свободны, господа. Месье Дюбуа, оставайтесь, пожалуйста. Нам есть что обсудить. Да, и попрошу всех, господа, в наше беспокойное время соблюдать конфиденциальность полученной информации.

Присутствующие члены исполкома хорошо знали устав Фонда, права и обязанности исполнительного директора. Да и соответствующие материальные стимулы для членов исполкома. Поэтому никаких дополнительных вопросов не последовало. Троица с серьезными лицами поднялась и дружно покинула помещение...

Кострома...

Промозгло-осенняя первая половина мая сменилась на июльскую погоду во второй половине месяца.

Центральная площадь города, Сусанинская площадь⁵, или в просторечии горожан — сковородка. Симметричная по форме она похожа на сковородку, а широкий бульвар к Волге — на ее ручку. Доминанта площади — знаменитая пожарная каланча. Сегодня в ней музейные помещения.

Настроения у Олега не было никакого. В яркий солнечный день он бесцельно шел вдоль старинных торговых рядов. В лицо дул теплый ветер. Вот, не глядя, автоматически свернул на проспект Текстильщиков. Подал сигнал его сотовый телефон, он решительно сбросил звонок.

⁵ Сусанинская площадь — центральная площадь города. Возникла по регулярному плану развития Костромы первоначально как Екатеринославская. Застройка площади представляет собой целостный, образцовый в своем роде архитектурный ансамбль конца XVIII—XIX веков. Площадь похожа на распушенный веер, к ней прилегают девять улиц. Является одной из визитных карточек города.

Ощутил чувство голода. Прошел к ларьку, купил хот-дог и направился дальше. Взглянул на часы, они показывали — 15:36.

Май в этом году выдался особенным. Пешеходов по улице курсировало немного. Кто-то уже начал принимать солнечные ванны, кто-то уехал в деревню, кто-то — просто на природу.

На ходу, не спеша разжевывая безвкусную пищу, Третьяков размышлял о своей неудачной в последнее время жизни:

«С работы грубо попросили, без премии и выходного пособия. Подруга просто выставила за дверь. Плюс еще долги... И это, называется, современная рыночная жизнь с неограниченными возможностями!? — вяло выругался, грустно вспомнил, что уже второй год, как его мама, папа и сестра погибли в автокатастрофе. — Да еще машина (Renault LOGAN) в ремонте, взнос за кредит вчера не внес... Все несчастья свалились как-то разом! Повеситься что ли? Или уехать куда-нибудь?.. Но куда?.. И, главное, на что?.. Что ждет меня впереди? — У него была небольшая «подушка безопасности» (накопления), возможно, ее хватит на месяц-два. — А что дальше, спрашивается?.. Бедность, серость, беспросветность... Начать свою жизнь «с чистого листа», отбросив в прошлое все проблемы и невзгоды... Но как это сделать?..»

Верхотурье, бывший затерянный в уральских лесах старинный острог...

Построенная на месте деревянного острога, заложенного казаками в XVI веке, старая кирпичная крепость по праву считалась гордостью Верхотурья.

По мере освоения новых сибирских территорий, смещения торговых путей на юг и восток, утраты своего оборонительного значения в XVII—XIX веках, крепость понемногу разрушалась, ветшала и забывалась. Вспомнили, власть предержавшие, о ней лишь в XIX веке. В то время в России очень не хватало тюрем для уголовников и вольнодумцев. Вот и решили из крепостного материала на этом месте построить тюрьму...

Стоял 1907 год, шел месяц июнь.

Вот уже который день лил сильный дождь. В камерах арестантского корпуса было непривычно тихо и невероятно промозгло. Рядом на нарах лежали в арестантской робе двое худых мужчин и, коротая время, вели незатейливый разговор о своей бывшей вольной жизни.

— ...и все же ты, Николай Гриценко, вроде как получивший неплохое образование, — дурак, — рассуждал один из парочки. — Тесть твой, Павел Третьяков — миллионщик, владелец заводов и картин. И ты, взяв в жены его дочь, не смог прижиться в его семье?

— Да говорю тебе, Митрий, скупердяй он и жмот первостатейный, — отмахивается второй мужчина. — Он сам в одном сюртуке ходил по 20 лет, всю семью держал в своем жилистом кулаке. Никаких лишних трат! Экономия во всем, дабы потом с гордостью купить лишнюю картину. Я тоже думал, что закреплюсь в семье, заживу припеваючи. Ан нет, он прямо сказал — зарабатывай на свою семью сам. Я — всего-то тогда молодой безвестный художник, специализирующийся в портретном жанре. У меня ни практики, ни заказов, ни связей. Положение грянь. Вот и поддался уговорам одного товарища, начал заниматься художественными подделками картин больших мастеров. Богатеющие, вышедшие из низов, плохо образованные и мечтающие войти в дворянскую элиту русские купцы потянулись к изящному искусству. С угодольствием, и не жалея денег, покупали живопись известных художников. Я тут и развернулся с различными подделками. Но чистоплюй Третьяков каким-то образом прознал про это мое занятие и сдал меня полиции. Да еще дал показания...

Олег шел уже по улице Островского, изрядно забитой машинами. В последние годы они интенсивно «размножились» на дорогах города.

Вокруг — вроде интересные такие старинные здания с красивыми наличниками и фасадами. Вот симпатичное двухэтажное полукаменное здание с жилыми деревянными мансардами. Только голову вниз опустишь и... тоска. Очень плохие тротуары — с разбитым асфальтом и ямами, забитыми ливневками...

Но Олег любил свой родной город со всеми его плюсами и минусами. Кострома — почти ровесник Москвы,

разница всего лишь пять лет, эти два города имели одного основателя — Юрия Долгорукого. Да и Олег здесь родился и вырос. Он был развитым и достаточно начитанным молодым человеком. Он, например, знал, что люди, живущие в спешке и постоянно ждущие чудес, будут неминуемо в итоге разочарованы. Те, кто не научился ожиданию, рушит свою жизнь собственноручно. Только терпеливый человек становится сильнее с каждым днем. Кто научился ждать, будет самостоятельно строить свою жизнь, по крупицам, воплощая в жизнь самые заветные цели...

В невеселом раздумье он шел вперед...

Париж, улице Вожирар...

У стены, рядом с изображением генеалогического древа, стоят Третьякова-Лаган и Дюбуа. Они уже внимательно прочитали два находившихся в деревянной лакированной изящной коричневой шкатулке изрядно выцветших документа, на писчей бумаге, написанные перьевой ручкой отменным каллиграфическим почерком. Документы были подписаны Петром Михайловичем. В первом была изложена его воля о тайнике и его возможном владельце. Во втором — описывалось местонахождение тайника, его точные координаты и схема. Оба были искренне удивлены волеизъявлению своего прародителя.

— Итак, Даниэль, — вымолвила директор Фонда, — мы с вами должны определить точное имя будущего владельца содержимого тайника.

Рукой она вела по одной крайней левой «ветке» древа.

— Почему наш великий родственник на склоне лет решил оставить тайник левой, по сути, незаконнорожденной своей родне? — рассматривая древо, спросил Дюбуа.

— Павел Михайлович был благородным человеком и всю жизнь видимо испытывал комплекс вины перед женщиной, родившей от него дитё вне брака. Ведь ей приходилось ой как не просто в те далекие времена. Вот и решил отблагодарить напоследок, — ответила Третьякова-Лаган.

— Но ведь известно, что он ей помогал при жизни.

— Да, помогал. Но видимо считал, что недостаточно. И вообще, мы не вправе осуждать Павла Михайловича. Я тебе, Даниэль, сейчас расскажу историю жизни этой «ветки» древа. Ты должен это знать, запомни ее, пожалуйста. Поскольку современные живущие ее отпрыски могут толком и не знать всей семейной истории.

В течение примерно 10–15 минут Третьякова-Лаган рассказала Дюбуа, можно сказать, часть занимательной жизненной истории Павла Михайловича Третьякова:

...в 1850 году, когда не стало отца (Михаила Захаровича Третьякова), старший сын Павел принял дела. Торговля расширялась и процветала. Если купец Михаил Третьяков владел пятью лавками, то его сыновья (Павел и Сергей) стали настоящими промышленниками. Они с малых лет продолжали и развивали семейный бизнес. Через 16 лет на паях с еще двумя купцами Павел и Сергей Третьяковы не поскупились, открыли оснащенную по последнему слову техники льняную мануфактуру в Костроме. Вложения оправдались, фабрика приносила стабильный высокий доход. Возглавил это предприятие Павел. Братья обзавелись доходными домами в Костроме и Москве, большими

земельными наделами в Костромской губернии. В 33 года Павел вступил в законный брак с Верой Мамонтовой, двоюродной сестрой коллеги-промышленника...

Дюбуа внимательно слушал и, очевидно, запоминал. Хотя многое из того, что говорила Вера Ивановна, он знал. Одновременно в его голове возникали самые противоречивые замыслы и помыслы, порой ревнивые, порой зловещие...

Закончив рассказ, директор немного помолчала и вымолвила:

— Вернемся в день сегодняшний. Касательно схемы нахождения тайника, мы должны твердо ее запомнить и, дабы уберечь от каких-либо случайностей и соблазнов, сжечь.

Дюбуа напряженно раздумывал. То ли над непростой историей «ветки» генеалогического древа, то ли над предложением директора сжечь второй документ с местонахождением тайника, то ли еще над чем...

— Даниэль?

Молодой человек встрепенулся.

— Да, согласен.

— В Россию ты, Даниэль, должен выехать как можно скорее и по возможности скрытно. Думаю, разного рода шакалы уже наверняка нацелились на наш семейный тайник. Я договорюсь со своими знакомыми из Европола⁶, они выделят тебе толкового офицера, со знанием русского языка, для сопровождения.

⁶ Европол — полицейская служба Европейского Союза, расположенная в Гааге. Основными задачами Европола являются координация работы национальных служб в борьбе с международной организованной преступностью и улучшение информационного обмена между национальными полицейскими службами.

— Зачем мне офицер полиции? — удивленно спросил Дюбуа.

Директор слегка улыбнулась.

— Друг мой, я слежу за жизнью в России. Там сейчас полукриминальный капитализм, у них там свои особые порядки. Тебя на каждом шагу могут ожидать сюрпризы, характерные только для России. А офицер Европола, определенно, сможет тебя оградить от излишнего интереса российских правоохранительных служб, возможно, даже от русских мафиози, а также наездов одиночных бандитов. Ты, Дюбуа, должен теперь постоянно помнить, что ты находишься под прицелом. За тобой могут следить, средства связи прослушивать. Мне шли краткие сообщения, слово «тайник» не должно вообще нигде упоминаться. Прямой разговор по телефону — в экстренных случаях. Тебе могут потребоваться деньги, не стесняйся, сообщи. Я переведу их на твою пластиковую карту.

— Это не перебор?

— Увы, это объективная реальность, Даниэль. Поверь мне, друг, и будь, пожалуйста, предельно внимателен и осторожен. Я хочу, чтобы ты вернулся обратно целым и здоровым.

— Да, госпожа директор, я тоже этого хочу.

— Между прочим, ценности тайника наверняка будут относиться к историко-культурному наследию России. И они по закону подлежат передаче государству. А государство, если сочтет нужным, поделится с нашедшим его человеком. Но эти вопросы пусть решает наследник тайника, тебе, как гражданину Франции, в это не стоит вступать. Ты просто должен его проинформировать и сориентировать.

— А я думаю: что может находиться в тайнике? Ведь его изначально закладывали на очень длительное время. Искали специальное, надежное место. Наверняка в тайнике нет, скажем, ценных книг или картин, они бы просто не сохранились так долго...

— Правильно мыслишь, Даниэль. Даже алмазы и бриллианты за такое время без должного ухода и микроклимата утратят свою ценность и превратятся в простые никчемные стекляшки. После смерти Павла Михайловича враги и злопыхатели распускали слухи о его несметных богатствах. О разного рода тайниках и скронах в Москве, Петербурге. Кое-кто даже искал их, моему, даже выходила литературная беллетристика о поисках несметных «третьяковских» ценностей. А Павел Михайлович выбрал такое место, что никому и в голову не могло прийти.

— Точно.

— Необходимо придумать легенду прикрытия вашей поездки, так сказать, официальную версию. Мудрить не будем, пусть это будет обычная туристическая поездка. Скажем, с целью ознакомления с жизнью русского предпринимателя, филантропа и коллекционера Павла Михайловича Третьякова, нашего дальнего-дальнего родственника. Это не должно ни у кого вызвать подозрений. И пожалуйста, Даниэль, без глупостей там — в России. Только дело.

— Я понял вас, — ответил Дюбуа и украдкой взглянул на часы.

Блин!.. Его уже ждала огненная хохотушка Грета. Последнюю неделю Даниэль отрывался с ней по полной.

— В Москве во французском посольстве у меня есть надежный человек, атташе по культуре Триаль, —

продолжала Третьякова-Лаган. — Он мне очень многим обязан. Даниэль, только ему в посольстве можешь доверять, и более никому. Запросто продадут, все сейчас зарабатывают деньги. В дипломатии вообще жуткий мир: интриги, подлости, продажа информации конкурентам, шкурные карьерные интересы, улыбка в лицо — проклятье в спину. Я сброшу тебе по электронной почте еще некоторый материал, касающийся поездки. Внимательно его изучи...

На следующий день, прощаясь перед дорогой, Третьякова-Лаган крепко обняла Дюбуа. Затем поцеловала в лоб, перекрестила и проникновенно вымолвила:

— Да храни и оберегай тебя бог. Я буду за вас молиться. Наше дело правое...

Из отстраненного, задумчиво-философского состояния Олега вывел методичный тихий колокольный звон. Он читал, что колокольный звон считается чудотворным, потому что оказывает во многом до конца необъяснимое наукой влияние на всё живое — от микробов до человека. Звук, издаваемый колоколом, вызывает у человека ощущения, которые необычны и несоизмеримы ни с чем, к чему мы привыкли.

На Олега колокольный звон определенно влиял положительно.

Впереди, на другой стороне реки Кострома, словно из какой-то сказки показался с золотыми куполами монастырь, окруженный мощными белыми стенами. И всё это в солнечных лучах на фоне голубой водной глади и бирюзового неба!!!

«Просто дивная, сказочная картина! — воскликнул Олег. — Когда я там был в последний раз?.. — припомнил. — А... кажется, в 10-м классе ходили на экскурсию. Это там... Свято-Троицкий Ипатьевский мужской монастырь, — он со школьной поры также знал, что помимо него в городе еще 30 православных храмов. — Монастырь считается одним из древнейших в нашем Отечестве, основан предположительно в XIV веке. В святой обители начиналось славное трехсотлетнее царствование Дома Романовых в России. Кострома, как колыбель династии Романовых, входит в историю русского государства. Давно, давно я не был в монастыре. Надо сходить...»

Двинулся вперед к мосту через реку. Миновав его, подошел к монастырю. У мощных стен кипела, в расчете на прибывающих туристов, бойкая сувенирная торговля. Особенно активными были торговцы поделками из бересты и с лосиной символикой.

Олег купил входной билет. Он был атеистом. Но православие уважал и чувствовал себя неотъемлемой частичкой русского православного мира.

Перекрестившись, не спеша прошел Святые ворота с надвратной церковью и вошел уже на территорию обители...

Париж, штаб-квартира DGSE...

Начальник Управления исследований полковник Бернар обсуждал со своим ведущим сотрудником майором Морелем информацию, полученную от осведомителя из банка «BNP Paribas».

— Надо же! 120 лет шкатулка с неким завещанием или ценностями пролежала в банке! — восклицал полковник. — Уму непостижимо. Ох уж эти русские!? Что же там могло быть? Какие тайны? Какие ценности? А может некие разведанные?

— В любом случае мы должны быть в курсе всех этих событий. А для этого нужно установить постоянную слежку за Фондом, — решительно вставил майор. — Это безусловно актуально в свете ухудшающихся отношений Европы и России.

— Я уже распорядился, — бросил полковник. — Причем следить за людьми Фонда не только во Франции, но и за ее пределами. Всё это будет происходить в рамках вновь открытой операции «Фонд»...

Очень красиво было и внутри обители. Всё четко продумано, спланировано, облагорожено и ухожено.

Олег с удовольствием прогулялся по монастырской территории, осмотрел памятник — колонну XIX века, заглянул и в Квасную башню. Зашел в тихий действующий Троицкий собор, поставил свечки за усопших. Людей в храме было немного, витал запах ладана.

В итоге он примерно час ходил по зеленой, убранной и обустроенной территории монастыря. На одной из дорожек ему повстречался двухметровый, широкоплечий священнослужитель. Просто красавец-мужчина: длинноволосый, с аккуратной бородкой «а-ля Иисус», в черной рясе до пят и красивым православным крестом на груди. Олег невольно засмотрелся на него, уступая место для прохода, сошел с дорожки.

«Живут красивые люди и в обители. И живут красиво», — подумал.

Гражданских мирных посетителей было не очень много, встречались священники, монахи в черных одеж-

дах, паломники, прихожане, изредка убогие попрошайки.

Во время прогулки, на Олега что-то постоянно давило. Он не мог понять, что именно и почему?..

Изрядно устав физически и морально, он направился к выходу. Вышел вообще каким-то разбитым. Никак не мог понять, почему?..

Париж, улице Вожирар...

Предварительно позвонив по телефону, на встречу пришел курирующий Фонд старший инспектор TRACFIN месье Фабиш.

— Чем вызвано внимание столь уважаемой и занятой сложными делами организации к нашему скромному Фонду? — спросила Третьякова-Лаган, когда они разместились в креслах за небольшим столиком.

Она прожила всю жизнь во Франции, в том числе 30 лет с мужем-полицейским, погибшим от бандитской пули, и хорошо понимала истинную цель визита финансового разведчика. Особенно в свете непростых сегодняшних отношений между Европой и Россией.

Старший инспектор не стал говорить, что в силу общественной значимости русский Фонд находился в их службе в картотеке важных юридических лиц. А сама Третьякова-Лаган — в картотеке важных персон. Разумеется, не стал говорить Фабиш и о полученных из «BNP Paribas» данных.

Слегка улыбаясь, старший инспектор внимательно осматривал скромный кабинет. Бросил взгляд

на старинную черно-белую фотографию в рамочке, на которой был запечатлен серьезный мужчина с аккуратной бородкой в белогвардейском кителе и с погонями, кажется, полковника. Возможно отец или дед хозяйки. В углу висела икона с богатым окладом, очевидно из эмали, с возможно драгоценными камнями. Гость принялся рассматривать картины на стенах. Их было пять, пять пейзажных холстов.

Хозяйка снисходительно смотрела на гостя.

— Исключительно высокохудожественные работы, эти ваши картины! — напыщенно изрек гость. — Цвет, колорит, сюжет... Разрешите поинтересоваться мадам Третьякова-Лаган, это всё оригиналы?

— Я думала, что весь Париж знает, что в нашем Фонде только копии картин, — строго ответила хозяйка. — Ведь их оригиналы хранятся в Третьяковской галерее Москвы.

Пожирая ее взглядом, старший инспектор неопределенно кивнул. Эта ухоженная с прически на голове до элегантных туфель женщина всегда словно магнитом притягивала его, да и многих в Париже. Он ее знает уже... лет 15 или 17. И она всё также хороша собой все эти годы. Привлекательная и слегка таинственная женщина!? И всегда себе на уме...

Хотя, по долгу службы он, несомненно, знал и знаменитые слова психоаналитика Зигмунда Фрейда:

«Чем безупречнее человек снаружи, тем больше дьяволов у него внутри».

Но его, тем не менее, всегда тянуло, если не сказать нечто притягивало к этой женщине.

Гость обратил свой взор на рабочий стол. Задержал внимание на стоявшей на нем деревянной лакированной

изящной коричневой шкатулке. Хозяйка кабинета следила за мужским взглядом.

— Интересная и редкая вещица, — весело бросил Фабиш, кивая на коробочку. — Там наверняка хранятся старинные ценности, — широко улыбнулся.

Третьякова-Лаган лишь слегка улыбнулась и промолчала.

— Я э... извините, ехал мимо и просто решил заглянуть к вам.

Женщина широко улыбнулась.

— Вы очень любезны, месье Фабиш.

— Какие у вас успехи в Фонде?

— Всё как обычно, трудимся, живем скромно. Вам хорошо известен баланс Фонда, его доходы и расходы. Мы ничего не скрываем и дружим с законами Франции.

— Да-да...

Внешне обычная светская беседа, с определенно внутренним напряжением, продолжалась около часа.

Третьякова-Лаган, выпроводив офицера финансовой разведки, для успокоения выпила рюмку коньяка...

Глава 2

Нижняя Калифорния, Мексика...

По шоссе на большой скорости мчится большой пикап цвета раскаленного чугуна с различными внешними наворотами. За рулем горделиво восседал бородачтый мужчина средних лет, судя по одежде (шляпа

с загнутыми полями, платок на шее, клетчатая рубаша, кожаная жилетка, синие джинсы, сапоги на каблуках) — ковбой. По салону разносилась веселая музыка в стиле кантри.

Раздается резкий сигнал сотового телефона. Водитель-ковбой сбрасывает скорость и останавливается у обочины. Выключает музыку и отвечает на звонок.

— Привет, Кристобаль.

— Привет, Отто. Ты из Парижа?

— Да. А ты всё гоняешь на своем огненном мустанге по прериям с зарослями кактусов, да горным серпантинам? Или на своем ранчо пьешь текилу (мексиканский крепкий алкогольный напиток)? А может ты на Карибском море с белоснежным песком и неподражаемыми раскрепощенными девочками, метисочками-шоколадками...

Отто был старинным другом и собутыльником Кристобалья. Он работал в одной парижской правоохранительной структуре.

— Точно друг, гоняю. Что хотел?

— Ты был прав, старик Павел Третьяков действительно в свое время припрятал ценности в тайник. Старуха-директриса из Фонда вскрыла банковскую ячейку, нашла послание-завещание.

— О! Мой отец всегда говорил, что наш известный предок что-то припрятал! — воскликнул ковбой. — А ему, в свою очередь, говорил его отец. После революции 1917 года дети Павла Третьяковы с семейными ценностями и деньгами сбежали в Париж. А моему деду, сыну Сергея показали фигу. От нищеты он, бедняга, был вынужден бежать в Мексику, трудно устроившись

и обосновываться в этой стране... — грязно ругнулся. — Ты знаешь, и я верил в существование тайников. Во-первых, всё имущество и ценности из России в то время было просто невозможно вывезти. Во-вторых, старший Третьяков был большим хитрецом и выдумщиком. Ну, что там, давай, друг, рассказывай подробности?

— Пока новостей мало, Кристобаль. Но Дюбуа собирается лететь в Москву.

— Так... получается тайник в России. Этот пройдоха, рыжий Дюбуа? Лживая брюзжащая старуха Лаган отправляет его? Да он же жалкий эгоист, всё заберет себе! Я срочно лечу в Москву! Я жажду расплаты с семейкой! За тобой информация о тайнике и всей движухе по теме.

— Ты летишь в Москву? Россия — это же исчадие ада!

— Исчадие ада — это США, умирающая, разлагающаяся и смердящая империя. Пора бы тебе это знать. А Россия — это страна моих предков и страна будущего. Вот так!

— О'кей, я в принципе не против. Ты только оденься прилично, по-европейски, сбрей бороду, чтобы выгладеть обычным человеком. Кстати, ты полетишь через Париж?

— В данный момент мне сподручнее будет другой самолетный маршрут: Сан-Франциско — Владивосток — Москва.

— Ну, удачи тебе, Кристобаль. Пиши, звони, жду с кушем.

— К черту! Увидимся в аду! Ха-ха-ха...

— Сплюнь. Если на то пошло, то уж лучше в раю...

Бородатый мужчина его уже не слушал. Он мысленно строил грандиозные планы на свое ближайшее будущее...

Олег шел «на автомате». Он понимал, что все его сегодняшние невзгоды возникли из-за него самого. Было ужасно плохое настроение и почти депрессионное состояние.

Вдруг вспомнил услышанные или прочитанные где-то слова:

«Научись причины всех своих проблем находить в себе. Тогда и проблем меньше станет».

Точно сказано! Где-то он сам не доработал, не доглядел, не додумал...

Зазвонил сотовый телефон. Он нехотя ответил. Школьный друг приглашал на веселую вечеринку.

«Какая мне веселая вечеринка!?» — воскликнул Олег, и сразу решительно отказался.

Закончив разговор, остановился и осмотрелся. Он оказался в этнографическо-ландшафном музее «Костромская слобода», который находится рядом с Ипатьевским монастырем.

«Ба! — воскликнул, обозревая округу. — Какие места! Деревянные церкви, бани, избышки, амбары, конюшни и даже своя мельница! Волшебное место, где ощущается дух древней старины! Еще натуральные пруды, луга, рощицы, птички чирикают! Как будто в машине времени перенеслась в прошлое. В старую, древнюю Русь. Здесь я не был еще. И здесь я точно должен расслабиться и отдохнуть душевно. Здесь просто теряешь связь с настоящим жестоким временем».

**Москва,
Большая Ордынка, 1927 год...**

Художественная лавка «Третьяков и К^о» занимала большое помещение на первом этаже двухэтажного здания.

Все помещение было завешено и заставлено художественными картинами. Старинные, уже потускневшие и блестящие новенькие, написанные маслом и рисованные графитом, акварельные и карандашные наброски, огромные по размеру и совсем небольшие... Разобраться в этой художественной какофонии мог далеко не каждый специалист.

В помещение с большим пакетом в руках буквально ворвался полный мужчина в возрасте.

— Ты меня обманул, Гриценко! — крикнул посетитель и стал разворачивать пакет.

Стоящий за прилавком худой мужчина средних лет мило улыбался.

— Ты сказал, что этот натюрморт написан в XVIII веке и является единственным, — выставляя на прилавок картину, громко изрек посетитель. — А вчера я был у одного знакомого и увидел у него на стене такой же натюрморт. Он сказал, что это работа какого-то крепостного художника и висит у него уже 25 лет. Это как понимать, милейший? Ты нагло обманул меня!

— Это нагло врет ваш знакомый, у него поддельный натюрморт, — отрезал продавец.

— Я этого человека знаю 40 лет, а тебя с неделю. Я ему верю! Забирай свое барахло и верни мне мои деньги.

— Гражданин, проданные вещи лавка обратно не принимает.

— Проходимец! Да я тебя...

— Пошел вон! — громко кричит сотрудник за прилавком. — Иначе я вызову милицию.

— Ты трупак...

Олег решил посидеть на берегу водоема, рядом с белоствольными березами. Присев, вздохнул полной грудью. Сразу ощутил аромат чистейшего воздуха. Зачарованный природный спокойный пейзаж, давно забывшийся в свете современных потрясений и бурь.

Вспомнились и стихи своего любимого вологодского поэта Николая Рубцова.

*Я люблю, когда шумят березы,
Когда листья падают с берез...*

И еще:

*Надо мной
Между березой и сосной
В своей печали бесконечной
Плывут, как мысли, облака,
Внизу волнуется река,
Как чувство радости беспечной...*

Внезапно услышал отменное птичье пение, похожее скорее на звуки флейты. Олег стал искать птичьего солиста. Вскоре увидел недалеко на одной ветке парочку... черных дроздов. Самец, похоже, имел черный окрас и яркий оранжево-желтый клюв. Самочка выглядела гораздо скромнее, нося буроватое оперение.

Какое-то время Олег слушал пение птиц, он их любил.

Любовался естественными природными видами, дышал полной грудью ароматами чистейшего воздуха.

Настроение, да и здоровье головы налаживалось...

Борт авиалайнера А-330, следующего по маршруту «Париж–Москва»...

Когда в самолете офицер Европола сняла с головы клетчатую кефи, темные очки и рюкзак из-за спины, Дюбуа рассмотрел ее. Вполне фигуристая молодая женщина с несимпатичным, грубоватым лицом. Дополняла ее облик и короткая, мужская стрижка, скромная цепочка, очевидно золотая, с крестиком на шее, резкие движения. Ее внешность точно не позволяла играть роковых особ и, вообще, любовные роли. К ее облику явно не подходило и ее имя – Мариз (в переводе – возлюбленная).

«Интересно, — усмехнулся Дюбуа, — ее груди и ягодицы — с силиконом? Впрочем... полицейскому это может и помешать».

Окинув в зале вылета опытным взглядом своего напарника — Дюбуа, офицер сразу решила, что перед ней типичный альфа-самец. От него даже, кажется, исходил специфический запах, этакий — терпкий, мускусный, тяжелый. Он конечно не картинно хорош собой, как Ален Делон. И не Аполлон во плоти! Но всё равно хорош, хорош: со своей белозубой улыбкой, стильной стрижкой своих рыжих волос. Модный костюм, строен, интеллигентен. В силу своей работы она была знакома с работами известного в 70-е годы прошлого столетия зоологом Давид Мехом, придумавшим и описавшим в те годы термин «альфа-самец». Дюбуа вполне соответствовал современным требованиям альфа-самца: смазлив на лицо, хорошо сложен и физически привлекателен, неплохо воспитан и образован, очевидно, успешен в делах и, особенно, в любовных похождениях. Эгоистичен и самоуверен в стремлении получить желаемое, не обращая внимания на других людей.

«Главное для меня в этой поездке, — решила, — поженски не запасть на этого красавчика, не растаять... Ведь к 33 годам моей жизни сколько уже было сожалений, страхов и разочарований. Я не могу забыть свое прошлое, раз за разом вспоминая те моменты, когда меня отвергали, предавали и отталкивали любимые. Особенно жестоко обошелся со мной последний друг, Жан. Рана от разрыва с ним еще ноет и кровоточит... И вот — альфа-самец. Как он смотрит на меня! Просто раздевает глазами!.. Определенно, любитель чувственных наслаждений».

Мариз не считала, что принадлежит к числу экзальтированных особ, впадающих в ажитацию при виде

привлекательного мужчины. Поэтому решила соблюдать с Дюбуа дистанцию, создать по возможности ареол таинственности и некой загадочности, чтобы ему было над чем ломать голову. Если, конечно, в ней есть мозги...

Уже на борту самолета Дюбуа весело изрек:

– У вас прекрасное имя – Мариз.

Офицер полиции сразу жестко отрезала:

– Господин Дюбуа, прошу обращаться ко мне по фамилии – Клеман. Для простоты в общении предлагаю сразу перейти на «ты». И запомните, на службе я занимаюсь только служебными делами.

«Страшилище, сухарь и солдафон, – подумал о напарнице Дюбуа. – Но для дела это может и хорошо. Мы, похоже, примерно ровесники по возрасту. Да и еще, очевидно, она не курит. Нет характерной для курящего отдышки, и нет специфического «треска» в тембре голоса», – ответил:

– О'кей. Хотя я, как романтик в душе, не буду возражать, если ко мне ты будешь обращаться по имени.

– И не верти по сторонам головой, романтик, – бросила Клеман. – За нами следят, но ты не увидишь слежку профессионалов, а только покажешь свою слабость.

Дюбуа было неприятно это слышать, но он промолчал.

В России он уже бывал дважды. Но это были обычные туристические, краткосрочные поездки. А сейчас он ехал по очень серьезному делу на неопределенное время. Вернее, на время проведения операции. Но когда она закончится, он не знал. После высказанных предостережений мадам Третьяковой-Лаган он немного

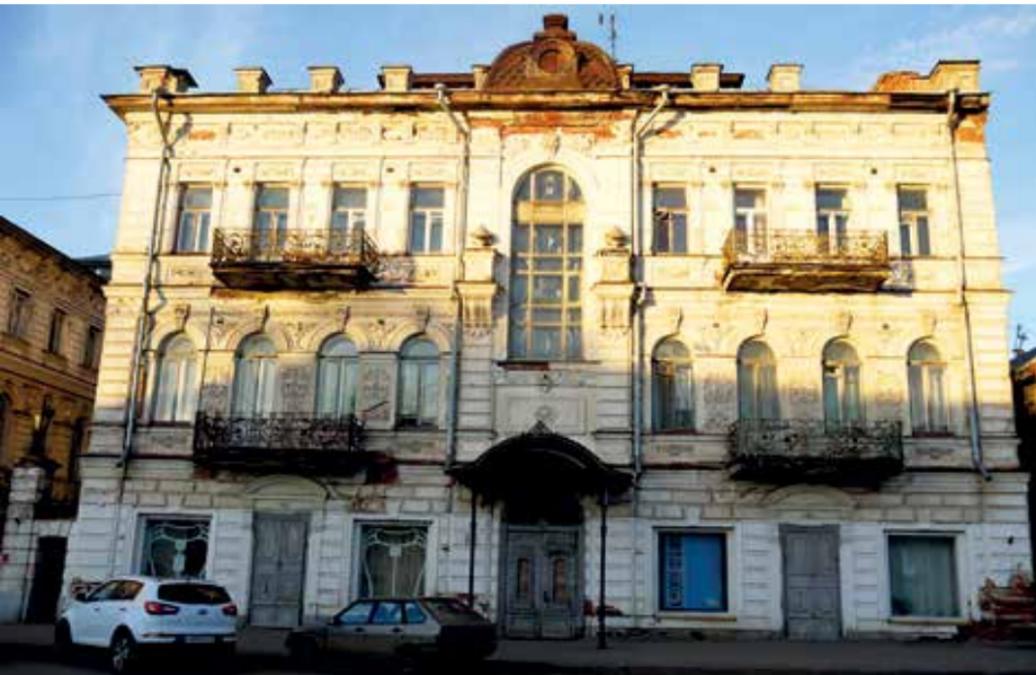
волновался. К тому же, он боялся забыть схему расположения тайника...

Стояли в голове и сказанные при расставании жесткие слова директора Фонда:

«Всецело помогай владельцу тайника. Вернешься только тогда, когда полностью решится вопрос по тайнику и его содержимому. Но не дай бог тебе, Дюбуа, подвергнуться искушению, запустить руку в тайник и его ценности. Несмотря на доброе мое к тебе отношение, будешь точно отлучен и проклят всей нашей семьей...»

А Дюбуа ведь получал неплохую стипендию от Фонда. Да и вся его жизнь по сути была завязана на Фонд...

Олег проживал в центре города, в выдавшем виды, слегка обшарпанном старом трехэтажном доме, на улице Симановского, дом 22, на втором этаже.

Отец, Серафим Федорович, когда-то говорил, что в XIX веке дом принадлежал купцу первой гильдии Третьякову. Вроде как нашему дальнему-дальнему родственнику по какой-то там линии. Олег тогда, да и сейчас считал, что отец шутил о родстве с купцом. Квартиру на втором этаже дома уже давно получал именно отец. Олег помнил, что, когда они заезжали, дом находился в прекрасном состоянии: внешняя облицовка была идеальной, слои штукатурки нанесены плотно и равномерно, вертикальные и горизонтальные линии были отчетливыми, металлические изделия на балконах и крыльце отменными. И вообще, дом казался исключительно прочным и функциональным. Сейчас он, конечно, несколько обветшал и поблек, требовал, как минимум, косметического ремонта.

Олег в целом хорошо прогулялся, расслабился и отдохнул. Можно сказать, домой он вернулся полным впечатлений и почти счастливым.

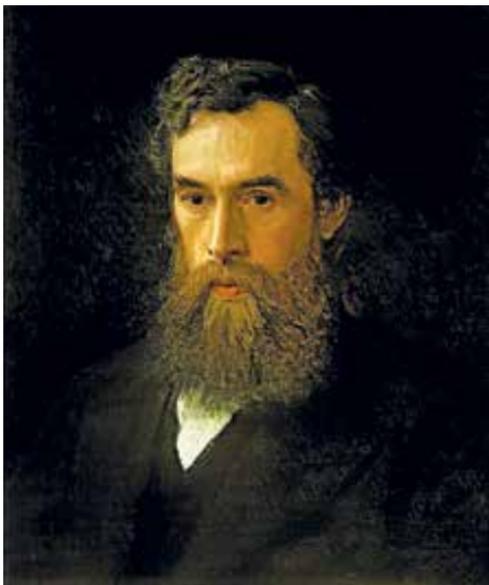
Но, зайдя в квартиру, снова окунулся в свои проблемы. Квартира была просторной, с высокими потолками, и нравилась ему. Но она находилась в слегка запущенном состоянии. До конца года он хотел сделать ремонт. Но, были и другие варианты. Сейчас коммунальные платежи отнимали у Олега изрядную долю его зарплаты менеджера торговой сети. Он прикидывал и обмены квартиры на меньшую. Тем более, что вчера его уволили с работы. А школьный друг — строитель Еремей Вершинин, еще год назад приглашавший работать в свою компанию, сославшись на сегодняшние трудности в бизнесе, отказал в трудоустройстве.

Олег прошел в гостиную. Сразу бросилась в глаза пустая птичья клетка умершего полгода назад попугая Гоши. Очень жаль было птичку. Прошел к тумбочке, на которой стояла фотография мамы, папы и сестры.

Их внезапная смерть потрясла и глубоко запала в его душу. По сути, после их смерти Олег впал в депрессивное состояние: всё делал, да и жил автоматически, ни к чему не имел интереса, ни с кем не хотел глубоко и по-настоящему общаться... Он понимал, что такая жизнь — это тупиковый путь. Но не знал, как изменить свою жизнь, как наполнить новым смыслом... Растерянность и непонимание в завтрашнем дне...

— Как мне вас сейчас не хватает! — громко воскликнул. — Не хватает вашей поддержки! Семейного ощущения света, теплоты и искренности, щемящей нежности и любви близких, родных людей! — хотелось рыдать, кричать и лезть на стенку.

Но вот взгляд Олега упал на висевший на стене мужской портрет в деревянной рамке. Картина осталась еще от отца. Он относился к ней очень бережно.

Олег подошел к картине ближе, внимательно рассмотрел, даже потрогал поверхность пальцем.

«Серьезный, волевой дядя, — подумал. — Красив и вдумчив. Написан портрет, похоже, масляными красками. Интересно, если продать этот холст, сколько за него можно выручить?..»

Подал сигнал сотовый телефон. Олег взглянул, пришла очередная рекламная рассылка. Он удалил ее...

Париж, штаб-квартира DGSE...

В кабинет начальника Управления исследований стремительно вошел майор Морель и вымолвил:

— Господин полковник, Дюбуа из Фонда братьев Третьяковых вылетел в Москву.

— Я в курсе, майор, в курсе. Я также знаю, что хитрая директор Фонда отправила с ним для подстраховки или охраны капитана Клеман из парижского отделения Европола.

— А что же мы? Неужели мы не будем заниматься этим делом?

— Успокойся, будем. У нас всё под контролем, Морель, — усмехнулся полковник. — Я уже выдал указания нашему резиденту в Москве. Он будет держать руку на пульсе, выделит на эту операцию опытного агента. К работе в рамках операции «Фонд» подключено наше ведущее морское разведывательное судно «Дюпюи-де-Лом». Я чувствую, из этой операции мы что-то извлечем. И как минимум — информационную бомбу...

Из прихожей раздался звонок.

Олег только что попил чаю на кухне и готовился смотреть телепередачи. Он лениво пошел открывать дверь.

В дверях стояла улыбающаяся, размалеванная Эля, коллега, теперь уже бывшая, по работе. В одной руке она держала бутылку вина, в другой, кажется, торт.

— Олечка, меня тоже уволили! — махая руками, воскликнула девушка.

Ее дешевенькая бижутерия под серебро (на запястье рук, на шее и в ушах) издала легкий звон.

«Она слегка пьяна», — сразу подумал Олег.

Эту неприхотливую девчонку он знал больше года, правда поверхностно. Ей не хватало женского изящества и шарма, выглядела она очень провинциально. Часто кого-то копировала, следовала чужим идеалам и чужому мнению. Он был о ней невысокого мнения и никогда серьезно не относился. Ни о какой близости: духовной, интеллектуальной... с ней не могло быть и речи. Она — типичный лузер, а он сейчас... Впрочем, сейчас ему было не до жиру...

— Проходи, подруга, — целуя-чмокая бывшую коллегу в щеку, забирая бутылку и торт, изрек хозяин квартиры и весело добавил. — Мой дом — твой дом.

— Этот Мамедов (управляющий супермаркетом, где работали Олег и Эля), со своей бандой земляков-охранников, совсем озверел, — громко изрекла гостя. — Мне надоело отбиваться от этих наглецов и подлецов. И я ушла совсем из сети.

— Молодец, Элечка! — весело изрек Олег. — Мы это сейчас и отметим. Устроим праздничный ужин!

— Назло врагам?

— Вот именно!..

Париж...

В свои уже достаточно серьезные годы Третьякова-Лаган сама водила машину. Кроме экономии средств Фонда на водителя, она просто не хотела элементарно стареть и была всегда в тонусе.

Увидев магазин очков, она вспомнила, что ей надо заменить солнцезащитные очки. С трудом она припарковала машину.

Третьякова-Лаган осмотрела пару десятков очков, провела в магазине примерно 25 минут. Но так ничего и выбрала.

На выходе у кассы ее попросили остановиться.

— Мадам, — изрек охранник. — Вы ничего не купили?

— Нет.

— Можно посмотреть вашу сумочку?

— Разумеется, — ответила женщина и открыла свою дамскую сумочку...

Отделение полиции...

Небольшая душноватая комната для задержанных.

Находящаяся в помещении сердитая мадам Третьякова-Лаган звонит своему юристу. Она сбивчиво говорит, что в магазине ей кто-то подбросил очки, и ее задержала полиция...

В это время с комнату заходит улыбающийся месье Фабиш, старший инспектор TRACFIN.

— Здравствуйте, мадам Третьякова-Лаган. Я ознакомился с вашим делом и предлагаю сделку. Полиция за-

бывает об инциденте, вы спокойно едете домой. Взамен вы отвечаете на один мой вопрос.

— Это вы организовали эту провокацию!?! — закончив говорить по телефону, эмоционально восклицает женщина.

— Мне думается, — спокойно продолжает Фабиш, — шум в прессе не нужен ни вам лично, ни памяти господ Третьяковых и их галерее, ни, тем более, России. Если вы согласны с моим предложением, предлагаю немедленно пройти в ближайшее кафе и всё обсудить.

Какое-то время Третьякова-Лаган раздумывала. Она прекрасно понимала, с чем связана эта провокация. Она также понимала, что «шила в мешке не утаишь». Что ни сегодня, так, условно, завтра, о шкатулке и ее «якобы содержании» будет известно многим «заинтересантам». А эту конкретную провокацию с помощью юриста Фонда она могла бы легко отразить. И, тем не менее... она решила — пусть лучше все «заинтересанты» знают ее точку зрения, чем выдумывают всякие небывлицы и мифы.

Она ответила:

— Хорошо, я согласна...

Небольшое кафе...

— А вы уверены, что после того, что произошло со мной по вашей вине в магазине, я вам честно отвечу на ваши вопросы? — запальчиво спросила Третьякова-Лаган.

Она и Фабиши сидели за небольшим столиком.

— Давайте успокоимся. Повторяю, мне нужно, чтобы вы ответили честно на один мой вопрос. В вашей честности и порядочности, мадам, я не сомневаюсь.

Кажется, женщина сменила гнев на милость.

— Да, я спокойна. Задавайте свой вопрос.

— Что было в шкатулке, изъятой вами в банке, и зачем Дюбуа поехал в Россию?

— Я сразу поняла, с чем связана эта комедия, господин старший инспектор. Честно отвечаю. Павел Михайлович Третьяков 120 лет назад, будучи в Париже, выкупил эту ячейку. Он завещал нам, своим потомкам, вскрыть ячейку именно через 120 лет. Что я, как исполнительный директор Фонда, и сделала. В ячейке было письмо, в котором он завещал одной семейной ветви Третьяковых клад, спрятанный им в России. Конкретно, что за клад, по понятным причинам конспирации, в письме не написано. Член исполкома Фонда месье Дюбуа был направлен в Россию искать ныне живущих членов мужского рода этой ветви.

Старший инспектор виновато улыбнулся.

— Я вам безоговорочно верю, мадам Третьякова-Лаган. И прошу меня извинить за мою магазинную импровизацию.

На самом деле Фабиш был очень доволен — его провокация полностью удалась. Теперь он точно знает, что русские тайники с возможными ценностями находятся в России, а не на его земле. Пусть у русских органов болит голова...

Олег и Эля с энтузиазмом приступили к приготовлению праздничного ужина. Хотя содержимое холодильника не блистало разнообразными и изысканными продуктами и напитками. Но ведь главное для

праздника — настрой и желание присутствующих! А его у молодых людей было предостаточно.

— Видела сегодня Светку, твою бывшую подругу, с каким-то бородатым парнем, — вымолвила вскоре гостя. — Они так мило беседовали, обнимались, веселились...

Со Светой Олег познакомился случайно в кафе и встречался около года назад. Симпатичная, миниатюрная и внешне, казалось, беззащитная. Он с открытым сердцем бросился к ней: чувства, жесты, поцелуи, деньги, услуги, подарки. Казалось, у них большая, настоящая любовь! Но, как близок любовный рай от любовного ада! Сначала он как-то внезапно и беспричинно ощутил холодок в их отношениях. А дальше, по мере продолжения встреч, больше. Появилась неискренность, фальшь. В результате последующих встреч с ней он практически установил, что Светлана имеет исключительно негативное мышление, которое навязывается и передается окружающим как паника или вирусное заболевание. Такие люди, как правило, подвержены стрессу, депрессии, беспокойству и, конечно, любят жаловаться, никому не доверяют. Последнее время рядом с ней были конфликты и напряжение. Она даже устраивала истерики. А у Олега и так жизнь была не сахар. А недавно он узнал, что параллельно с ним Света встречается еще с другим парнем, именно неким бородатым. Поэтому разрыв с ней встретил относительно спокойно и не скучал по ней.

— Она знает себе цену...

— Светка — отрезанный ломоть. И давай не будем более о ней, — быстро бросил Олег.

— Давай, дорогой...

Москва, аэропорт Внуково...

Из зала прилета пассажиров вместе с другими людьми вышла колоритная парочка с сумками в руках. Мало-симпатичная, с короткой стрижкой женщина, примерно 30 лет, в коричневом брючном костюме, и молодой рыжеволосый мужчина в синем костюме. Они были примерно одного роста, среднего для мужчины (примерно 180 сантиметров) и высокого для женщины.

К ним подошел солидный мужчина в возрасте, тихо сказал:

— Здравствуйте, госпожа Клеман и господин Дюбуа. Я атташе по культуре посольства Франции Триаль. Поздравляю вас с прибытием в столицу России город Москву.

— Спасибо, — изрекла Клеман, подала руку для рукопожатия.

Улыбаясь, Триаль аккуратно ее пожал, затем уже с силой пожал руку Дюбуа.

— Я на машине, господа, прошу следовать за мной, — вымолвил атташе по культуре.

— Спасибо.

Они все вместе направились к выходу...

Темно-синий «Ситроен» г-на Триалья сразу набрал приличную скорость. Замелькали улицы, дома. Гости, сидевшие на заднем сидении, следили за окружающими видами.

— А вот и быстроразвивающаяся современная Москва с 13-миллионным населением, — бросил Триаль. — Крупнейший, после Стамбула с 15-миллионным населением, мегаполис Европы. Город растет и развивается не по дням, а буквально по часам.

— Какая сила и мощь! — восхитилась Клеман. —
Какие смелые архитектурные решения! И их успешная
реализация!

— Верная констатация, — согласился Триаль.

— Господин Дюбуа, — тихо продолжал он, — по убе-
дительной просьбе г-жи Третьяковой-Лаган, я сбросил
вам на телефон информацию на Олега Третьякова. Как
я понял, главного объекта вашего внимания.

— Не могу сказать утвердительно в части главного
объекта внимания, — уклончиво ответил Дюбуа. — Но,
в любом случае, большое спасибо.

Достал свой смартфон и стал рассматривать входя-
щие sms. Быстро нашел нужное сообщение и стал вни-
мательно читать:

*Олег Серафимович Третьяков, 28 лет, проживает
в городе Кострома, улица Симановского, г. 22, кв. 3.
Окончил среднюю школу, торгово-экономический кол-
ледж, служил в армии в морской пехоте на Дальнем
Востоке, сейчас работает менеджером в торговой*

розничной сети «Мы+». Олег спокоен, хладнокровен, обладает физической и психологической выносливостью, хорошо сложен, наделен крепким здоровьем и нервами. Рост 186 см, вес 85 кг. Холост. Родители, мать и отец, а также младшая сестра полтора года назад погибли в автокатастрофе. Не имеет личной страницы в инстаграме и других социальных сетях. Телефон – 8-9...

– Господа, вот мы и приехали в посольство Франции, – раздался голос Триалья.

– О нашем приезде не должно быть никаких сообщений в российских и прочих СМИ, – строго вымолвила Клеман.

– Разумеется, – ответил Триаль. – Соответствующие должностные лица получили указания...

Клеман и Дюбуа рассматривали оригинальное старинное здание-посольства.

— Это бывший дом купца Игумнова, — продолжал Триаль, — московский архитектурный памятник, выполненный в русском стиле. Расположен в районе Якиманка на улице Большая Якиманка. Построен в 1895 году по проекту архитектора Николая Поздеева. Здание использовалось для различных нужд, с 1979 года в нём располагается резиденция посла Франции в России. Особняку присвоен статус объекта культурного наследия России.

— Красота, конечно, — вымолвил Дюбуа. — И во что это обходится для бюджета Франции?

— Уверю, суммы незначительные, — ответил Триаль. — Русские дают скидку. Господа, в посольстве есть просторные гостевые комнаты на уровне отеля 3-х звезд, где вы можете остановиться. Хотя на другой стороне улицы имеется фирменный отель с уровнем 5 звезд, европейским обслуживанием и, соответственно, ценами. Вам решать.

— С точки зрения безопасности мы однозначно остаемся у вас, — отчеканила Клеман.

— Хорошо, — изрек Треаль. — Вас, кстати, ждет второй секретарь посольства. Сам посол сейчас находится в поездке по стране. А за ужином, в столовой посольства, мы сможем обговорить ваши предстоящие дела.

— Кто еще будет на ужине? — спросила Клеман.

— Ограниченный круг лиц. Приглашен еще шеф службы безопасности посольства, полковник Рамо, пресс-секретарь посольства мадемуазель Диана Шерези-Шико и ваш покорный слуга.

Выходя из машины, уже во дворе посольства, Клеман незаметно шепнула Дюбуа:

— Имей в виду, посольство нашпиговано скрытыми видеокамерами и микрофонами...

Праздничный ужин в квартире Третьякова проходил весело. Гремела музыка, Олег и Эля с энтузиазмом ели и пили, болтали на самые разные темы, а также энергично танцевали, обнимались.

— Этот Али Мамедов со своими деревенскими земляками-азербайджанцами совсем обнаглели, не дают прохода нашим девчонкам, — эмоционально говорила, очевидно, о давно наболевшем гостя. — Уже двоих обрюхатили. А Дашку помнишь? Она полгода как уволилась?

— Припоминаю, такая миниатюрная, молоденькая.

— Да. Вот ее они, эти нелюди алчные «мамеды», вообще посадили на наркотики, — гостя ругнулась. — Два дня назад видела ее. Она, бедняга, дошла, кожа да кости, старуха-старухой. Понаехали, блин, из своих горных деревень... И куда смотрят наши власти?..

Пьяненькая девушка была излишне многословна, раскована и очень даже доступна. Но Олег пытался соблюдать приличия и не переходил грани.

— Мир полон людей, которые считают себя этакими паиньками, пацифистами. И ты, Олежка, такой, — рассуждала гостя. — Раз они так миролюбиво относятся к другим людям, то последние вроде как должны отвечать тем же. Однако на самом деле всё выходит наоборот. Мир в лице общества не столь справедлив, более того — он очень жесток. Он «сожрет» человека, даже не подавившись...

«Скажи пожалуйста, какие притчи эта пигалица разводит», — ухмылялся Олег.

В какой-то момент он понял, что подруга совсем, совсем сморилась. Если не сказать — отключилась. Олег взял ее на руки и осторожно отнес в спальню. Затем он навел относительный порядок в гостиной и на ночь расположился на диване...

Москва, посольство Франции...

— Я получил указание содействовать вам, — вымолвил Рамо. — Но я не понимаю, в чем вам содействовать. Уважаемые капитан Клеман и эксперт-культуролог Дюбуа, как я понял, вы прибыли в качестве туристов, дабы ознакомиться с жизнью русского филантропа Павла Третьякова. Она, вообще говоря, хорошо общеизвестна. Так в чем собственно должна проявляться моя вам помощь? — спросил, размахивая руками.

Помимо полковника, за сервированным и накрытым столом присутствовали второй секретарь посольства, атташе по культуре, смазливая пресс-секретарь посольства и гости — Клеман и Дюбуа.

— Чтобы ответить на ваш объемный вопрос, господин полковник, мы должны провести в ближайшие сутки-двое своего рода исследование, — витиевато ответил Дюбуа.

Полковник улыбнулся.

— Понял. И всё же, чем я могу вам помочь в вашем исследовании?

— Не мешать, — строго бросила Клеман.

На ней эффектно смотрелось классическое черное платье-футляр с глубоким декольте и нитью белого жемчуга на шее.

— Bravo! — весело воскликнула Шерези-Шико и громко захлопала в ладоши.

Рамо явно недовольно развел руками.

— Давайте успокоимся, господа, — изрек второй секретарь посольства. — Здесь нет никакой политики и экономики, и никакой внутренней подоплеки. Историко-культурные вопросы мы должны решать исключительно в правовом поле Франции и России.

— Третьяковы — это весьма чувствительная тема, и тема небесспорная для современной Российской художественной культуры, — вставил атташе по культуре. — Например, мировоззренческие аспекты деятельности собирателей — тема, почти не разработанная в науке, многоаспектная. И мы не должны здесь сделать ошибку, поспорить наши страны...

Ужин в целом прошел спокойно, без жарких дискуссий и споров. Гости лишь поддерживали общий разговор. Только пресс-секретарь, мадемуазель Шерези-Шико, молодящаяся особа средних лет, с излишним количеством макияжа на лице, была многословна. В ее речи очень много «пафоса», и она всем видом старалась показать свою крутизну. Помимо этого, не обошлось и без настоящих дефектов ее речи. Порой она бросала откровенные, заинтересованные взгляды на Дюбуа. Она также явно хотела привлечь внимание к себе с помощью красного цвета — красная помада цвета фуксии, красная цепочка на шее, красное платье со смелыми разрезами, красные туфли...

По окончании ужина второй секретарь посольства предложил гостям покататься по вечерней Москве. Но гости, сославшись на усталость, отправились по своим комнатам...

Кабинет начальника службы безопасности посольства...

После ужина Рамо какое-то время раздумывал о прибывших гостях. Его подчиненные IT-шники из информационно-аналитической группы посольства

предоставили обширную информацию на Дюбуа и Клеман. Вроде бы, ничего особенного. Общение за ужином показало, что они, во-первых, не доверяют ему. И, во-вторых, будут действовать самостоятельно и изолированно. Он раздумывал, стоит ли организовывать наблюдение и слежку за гостями, особенно за офицером Европола? Это могло закончиться для него печально, а возможно и крахом карьеры...

«Это типы точно добавляют мне много головной боли», – ругнулся полковник.

По закрытой связи он доложил о прибытии гостей и предстоящих их исследованиях своему прямому начальнику в МИДе Франции.

Затем Рамо по долгу службы позвонил в Париж в DGSE полковнику Бернару и также доложил о прибытии гостей и их планах.

Третий звонок в Париж по тому же вопросу полковник сделал уже по личной инициативе, так сказать, с коммерческой целью...

Глава 3

Москва, посольство Франции...

В номер Дюбуа громко постучали.

Он уже разделся до плавок и хотел немного отдохнуть и обдумать ситуацию на день завтрашний. Явно недовольный, накинув халат, подошел к входной двери.

— Кто там?

— Добрый вечер, месье Дюбуа. Это ваша поклонница, которая весь вечер за ужином взирала на вас. Рыжий пупсик, у меня для тебя кое-что имеется. Не пожалеешь!

«Пресс-секретарь, накрашенная бабенка, — вспомнил Даниэль — Она пьяна».

— Э... Прошу прощения, я устал.

— Какого черта, Дюбуа!? — раздался женский крик. — Это Диана! Шерези — Шико! Я тебя услажу так, как еще никто не был нежен с тобой! Я тебе расскажу такое, что ты не услышишь никогда ни здесь, ни в своем протухшем фонде со старухой во главе. Открывай, Даниэль... — далее следовала непереводаемая тирада на непонятном языке. — Открывай! Иначе я высажу дверь и устрою вселенский скандал.

«Только скандала мне не хватает», — ругнулся Дюбуа и пошел открывать дверь.

Влетевшая в номер женщина с горящими глазами принесла с собой какофонию всевозможных запахов. Она буквально сразу повисла на шее Дюбуа.

— Красавчик! Я устрою тебе полный сексуальный комфорт...

Олег проснулся от шума, доносившегося из прихожей. Похоже, кто-то барабанил во входную дверь. Он взглянул на часы, они показывали половину шестого утра. Болела голова, настроения не было никакого.

Мысленно вспомнил, как они вчера оттянулись с Элей...

Ругаясь, Олег нехотя поднялся, накинул халат и пошел-попелся в прихожую.

Взглянул в «глазок», увидел какого-то крепкого мужчину в костюме, рядом второго.

— Вы кто?

— Открывай, Третьяков, иначе выбьем дверь, — слышался грубый мужской голос.

«Наглецы! — воскликнул Олег. — В принципе, с двумя я могу справиться», — приосанился, открыл дверь, принял боевую стойку.

Из-за двери виднелись три мужские фигуры в темных костюмах и галстуках. Фигуры крупные, взгляды решительные. Олег откровенно загрузил...

Одесса, Украина...

На рейде порта находилось новейшее разведывательное французское судно «Дюпюи-де-Лом». Просто молочно-белый корабль-картинка.

Этот стометровый корабль спроектирован и построен специально для ведения радиоэлектронной разведки (РЭР) в интересах управления военной разведки страны. Радиоэлектронное оборудование «Дюпной-де-Лом» включало в себя две навигационные РЛС, станции спутниковых систем связи, станцию предупреждения о радиолокационном облучении и идентификации, комплексы радио- и радиотехнической разведки. Последние позволяют обнаруживать, пеленговать и проводить технический анализ излучений различных РЛС в диапазоне частот от 300 МГц до 90 ГГц. Кроме того, перехватывать, пеленговать и прослушивать сигналы систем связи (включая спутниковые) в диапазоне частот от 30 кГц до 100 ГГц на значительном расстоянии. Аппаратура корабля способна перехватывать самые современные виды передач, включая сообщения электронной почты и разговоры по мобильным телефонам.

Корабль находился в круглосуточном рабочем состоянии. 80 постоянно находившихся на борту

IT-специалистов непрерывно занимались анализом перехваченных всех типов данных. Судно работало в связке со спутниками французской орбитальной околоземной системы и наземными центрами разведки...

— Расслабься, Третьяков, мы не бандиты. Мы из банка «Горожанин», — бросил один из троицы. — Пришли узнать о твоих планах на погашение кредита. Ведь просрочка у тебя есть.

После смерти родителей Олег взял кредит 1,5 млн рублей на 2 года, купил машину. Поначалу платил исправно, внес 500 тыс. рублей. А тут случилась авария на машине, пришлось отдать ее в ремонт, появились дополнительные расходы. Пошли и задержки с возвратом кредита...

«Не бандиты... Блин... банк узнал, что я уволен с работы, и засуетился», — хмуро прикинул Олег.

— А что в такую рань притащились? — спросил он.

— Приходили вчера днем, ждали 3 часа. Не дождались.

Троица бочком-бочком протиснулась в прихожую, аккуратно отодвигая хозяина.

— Как будешь гасить кредит, Третьяков?

Внезапно в дверях прихожей показалась заспанная Эля, одетая в халат мамы Олега.

— Немедленно уходи! — бросив грозный взгляд на нее, крикнул Олег. — Уходи!

— О! — воскликнул один из троицы. — Какая девушка! Это наш размер!

— Поосторожнее, мужчины! — крикнул Олег. — Она девушка, у вас должно быть чувство такта, уважение достоинства...

В это время один из троицы поднес к его лицу остро пахнущую тряпку...

Москва, Большая Лубянка, штаб-квартира ФСБ...

Начальник второго отдела Департамента контрразведывательных операций (ДКРО) подполковник Новов вел разговор с ведущим специалистом отдела майором Зарембо. Второй отдел занимался контрразведывательной работой против западноевропейской разведывательной деятельности в России.

Утренний доклад делал майор. Как обычно, он начинался с освещения работы ряда зарубежных посольств, в которых находилась непосредственно резидентура, скрывающаяся под дипломатическим прикрытием посольств в Москве. А также действующие и «спящие» агенты разведок, также скрывающиеся под дипломатическим прикрытием посольств в Москве.

— ...наш источник из французского посольства сообщил: из Парижа прибыли официально два туриста. Но фактически они приехали по неким наследственным делам давно усопшего русского филантропа Павла Третьякова, основателя одноименной московской галереи. Прибыл член Фонда Третьякова г-н Дюбуа в сопровождении сотрудника Европола Клеман.

— Мне доложили, — изрек Новов, — что Европол проинформировал наши правоохранительные органы

России о том, что по личным делам к нам направилась капитан Клеман.

— Предусмотрительно и любезно со стороны Европола, — улыбнувшись, бросил майор, поправил рукой свои богатые каштановые волосы. — Впрочем, было еще более любезно официально информировать и о настоящей цели поездки капитана.

— Иван Егорович, тогда нам с вами было бы нечего делать! — воскликнул подполковник. — А наследственные дела Павла Третьякова, в силу давности его смерти и, несомненно, историко-культурной ценности для страны, представляют служебный интерес для нашего ведомства. Ставлю задачу: плотно поработать в архиве по семьям Павла и Сергея Третьяковых, по детям, внукам, вплоть до сегодняшнего дня. Я подключу наших аналитиков, можешь ими располагать. Чувствую, затевается интересное дело, отнесись к нему серьезно.

— Слушаюсь, — ответил майор и продолжал свой ежедневный служебный доклад...

Олег очнулся и сразу понял, что находится в машине. Конкретно — на сидении микроавтобуса с затемненными стеклами. Рядом сидела полусонная, тихая Эля. Впереди, лицом к ним, сидели двое из троицы «гостей» в костюмах. Третий тип восседал за рулем.

«Крепкие и похоже подготовленные ребята, — подумал Олег о своих похитителях. — Наверное, в каком-то охранном ЧОПе работают. Очевидно, хлороформом они меня вырубали», — спросил:

— Куда вы нас везете?

— В одно место, где вы спокойно обдумаете свою жизнь и долги, — ответил один парочки. — Там с тобой поговорят уважаемые люди.

Олег обреченно усмехнулся. Он только что заметил, что на нем, как и на Эле, халат.

— Нельзя было дать нам нормально одеться? — бросил Олег. — Ведь сам сказал — предстоит серьезная встреча.

— Ты и так красив, — изрек один из парочки и раскатисто рассмеялся.

— Дебил, — выдавил Олег.

— Еще одно оскорбление, и мы тебя хорошо уделаем, — угрожающе прошипел второй из парочки...

Москва, посольство Франции...

Дюбуа проснулся от настойчивого сигнала своего смартфона.

Он нехотя приподнялся, взял аппарат.

— Да.

— Ты еще дрыхнешь? — раздался злой голос Клеман. — Времени уже 8 часов, у нас на сегодня серьезные планы. Через полчаса я тебя жду в столовой посольства, — пошли короткие сигналы.

Дюбуа окончательно проснулся. Стал вспоминать, как вчера вечером, да и ночью уже, кувыркался с расслабленной Шерези-Шико в постели. Что она вытворяла!? Была до безобразия агрессивна и развязна в сексе. Порой неприятна и излишне натуралистична. Не исключено, что это происходило под влиянием одурмани-

вающих веществ. Ну просто дикарка какая-то!? Да... она о чем-то его еще расспрашивала. Он отвечал... Но ничего лишнего, кажется, не сказал...

«А вообще, зря я ее впустил к себе, — подумал. — Но... что случилось, то случилось», — поднялся и отправился в душ...

Всматриваясь сквозь затемненные окна микроавтобуса, Олег пытался понять, где они едут. Ровное загородное шоссе, лес. Вот проскочила небольшая деревенька...

«Это шоссе, похоже, на север, на село Сусанино, — вскоре невесело решил он. — Там дальше глухие, болотистые места, — ругнулся. — И еще эти предстоящие неприятные разговоры о кредите...»

И совсем загрустил.

Грустила и рядом сидящая Эля.

— Прости меня...

— Я всё понимаю, — решительно перебила Олега девушка. — Это судьба, от нее не уйдешь...

Москва, посольство Франции...

Дюбуа зашел в столовую, осмотрелся. Клеман уже сидела за дальним столиком и завтракала.

Он поздоровался и сел напротив. Клеман быстро достала из своей дамской сумочки небольшой черный прибор, провела им по часам Дюбуа, рубашке.

— Что это? — удивленно спросил Дюбуа.

— Проверяю, не установила ли твоя ночная потаскушка «жучков» на тебя. Встань, пожалуйста, и подойди ко мне.

Дюбуа нехотя подчинился. Клеман прибором провела по мужскому ремню брюк, затем спустила прибор по джинсам вниз и обследовала туфли.

После этого, вымолвила:

— Кажется, прослушивающих «жучков» нет. Присаживайся.

Дюбуа вновь присел к столу, а капитан начала читать мораль.

— Даниэль, ты дал обещание мадам Третьяковой-Лаган, что не будешь глупить во время поездки в Россию. И что? В первый же день ты запускаешь незнакомую девку в свой номер! Никак не можешь отказаться от своей любвеобильности!..

Дюбуа хотел что-то сказать. Но Клеман не позволила это сделать. Она энергично продолжала, благо хоть тихим голосом.

— Ты в порыве страсти проболтался о нашем деле?

— Да нет же. Я прекрасно понимаю, что секс — это секс, а закрытая информация есть табу для всех.

— Жизнь покажет, насколько это так. Так вот, красавчик, у меня есть полномочия закончить дело одной, без тебя. Да! Ты хоть представляешь, что для тебя будет означать срочный отзыв в Париж? Тебя сразу выгонят из Фонда, лишат стипендии и всех благ. Ты останешься ни с чем и совершенно один! У тебя нет хорошего образования, ты нигде не работал и не знаешь, что такое работа. Ты станешь сутенером и будешь жить на подачки девочек и баб, которых будешь вынужден трахать. Пока

не заболеешь какой-нибудь заразой и не умрешь под забором!

Дюбуа было неприятно всё это слышать. Да и поверить во многое, сказанное напарницей, в частности, что старуха-директриса променяла его на мужеподобную капитаншу, он не мог.

Тем не менее, виновато выдавил:

— Я обещаю...

— Решили, это первый и последний раз, — строго отчеканила Клеман. — Ставим на этом точку. Внимание, к нам идет Триаль.

— Доброе утро, господа, — вымолвил улыбающийся подошедший атташе по культуре. — Разрешите к вам присесть?

— Доброе, присаживайтесь.

— Спасибо, — присаживаясь к столу, изрек Триаль. — Как мы и договаривались, машина с дипломатическими номерами и водителем для поездки в Третьяковскую галерею ждет вас во дворе.

— А можно сделать так, чтобы за рулем авто были вы сами? — спросила Клеман.

— Думаю, можно, — в раздумье ответил Триаль. — На это уйдет еще минут десять.

— Прекрасно. Мы весь день пробудем в галерее?

— Да, там есть что посмотреть и день, и два, и три... Кстати, непосредственно в Третьяковской галерее расположен ресторан «Братья Третьяковы». Это одна из изюминок галереи, мы там можем запросто пообедать.

— Замечательно! — воскликнула Клеман. — А завтра с утра мы с Дюбуа выезжаем по любимым местам

Павла Михайловича Третьякова. Этот маршрут сейчас является классическим маршрутом Золотого кольца России. Мы поедем по его западной части: Сергиев Посад — Переславль-Залесский — Ростов Великий — Ярославль — Кострома. Вы нам, пожалуйста, выделите неброскую машину, — выложила на стол исписанный бумажный лист. — Здесь перечень необходимых нам инструментов и принадлежностей. Приобретите и положите в багажник нашего автомобиля.

«Получается, она знает, что может понадобится при нахождении и вскрытии тайника? — подумал Дюбуа. — Ну, тогда директриса ее действительно проинформировала...»

— Сделаем, — забирая лист, изрек Триаль. — На кого оформлять доверенность на машину?

— На обоих, — быстро бросил Дюбуа.

Триаль кивнул, взглянул на Клеман. Капитан молчала.

— Да, конечно, господа, — изрек атташе. — С вашего разрешения я пошел решать автомобильные и прочие вопросы.

Триаль ушел. Клеман и Дюбуа молча и не спеша закончили завтракать. После этого отправились во двор посольства.

Клеман шла впереди. Дюбуа с интересом рассматривал женщину: брюки «бордо» из экокожи с элементами лазерной перфорации, светлый пиджак на голое тело, шейный платочек, в руке эффектная золотисто-бежевого тона сумочка «кросс-боди»...

«И прикид, и она сама — ничего-ничего, — весело раздумывал Дюбуа. — Вот только лицо мужицкое...»

Думал он и о том, что если директриса Фонда действительно ввела в курс дела Клеман, то это означало, что она ему не доверяет...

Вскоре Триаль уверенно вел машину по улицам города. Клеман и Дюбуа с интересом рассматривали открывавшиеся городские виды. Москва пестрела архитектурными стилями, их разнообразием: дома старые, дома новые, ультрасовременные, некие гибридные, прогрессивной формы и с инновационными материалами...

Вот показался интересное сооружение: трехэтажный каменный дом в стиле позднего ренессанса с элементами произведений искусства Востока в отделке.

— Какой необычный красивый дом! — воскликнула Клеман.

— О да. Это главный чайный дом Москвы, — ответил Триаль. — Фасад здания из темно-фиолетового мрамора был отделан обилием скульптурных деталей и керамических плиток, выполненных на заказ китайскими мастерами. Украшают здание декоративные мифические животные. Фронтон дома венчает двухъярусная башенка-пагода, увешанная маленькими колокольчиками. Чайный магазин занимает первый этаж. Внутренний интерьер магазина оформлен соответственно фасаду. Там находятся фарфоровые китайские вазы, китайская скульптура и мебель, громадный напольный ковер работы китайских мастеров и прочие восточные произведения. Говорят, там можно купить все существующие в мире виды чая. Продают здесь и различные сорта кофе. Цены, нужно признать, слегка завышенные. Запах стоит в магазине, — причмокнул, — потрясающий.

— Великолепно! — изрекла Клеман.

«А наш культурный атташе неплохо подкован сведениями о Москве», — подумал Дюбуа.

Интересное здание быстро миновали.

А Триаль тем временем подытожил разговор:

— Мне очень нравится этот магазин и сам дом. При наличии времени советую вам его посетить, хотя бы ради красивой архитектуры.

Гости промолчали.

Машина повернула на 90 градусов. Ее стало трясти, она сбросила скорость.

«Съехали с шоссе на проселок, — всматриваясь в окно, решил Олег. — Как-то невзрачно кругом, кустарники, хилый лес...»

Вскоре авто остановилось. Распахнулась дверь. Один из похитителей взял Олега за руку и стал выволакивать из машины.

– Эй, повежливее можно?..

Олег получил резкий, болезненный удар в бок. Он вскрикнул и зло ругнулся.

– Прекратите! – крикнула Эля.

Ее и Олега похитители затолкали в какое-то полутемное помещение. От бессилия и злобы хотелось выть...

Москва, Государственная Третьяковская галерея...

Дюбуа один раз был в галерее, правда, почти бегом обошел несколько залов. Клеман – ни разу не посещала. Они были приятно удивлены внешнему виду галереи, внутренним блестящим интерьерам и просто поражены красотой и изяществом залов с экспонатами.

Триаль взял на себя роль экскурсовода по объекту культурного и духовного наследия России федерального значения. Он сразу сообщил, что в коллекции галереи насчитывается более 180 тысяч экспонатов. Это картины, скульптуры и ювелирные изделия. Что они постоянно пополняются и обновляются.

– Российское государство серьезно относится к деятельности и развитию галереи. По сообщениям СМИ, сейчас строятся филиалы галереи в Калининграде, Самаре и Владивостоке...

Они посетили зал древнерусского искусства, в частности, собрание иконописи XII—XVII веков. Удивительный зал. На всех произвела неизгладимое впечатление икона Андрея Рублёва «Троица». В зале искусства XVIII века большинство произведений имели мифологические и религиозные сюжеты. Клеман долго стояла у скульптуры Михаила Козловского «Амур со стрелой». В зале XIX века красовались произведения И. Айвазовского, И. Шишкина, И. Левитана, В. Поленова, А. Саврасова, В. Верещагина, В. Васнецова, И. Репина, К. Брюллова. Большинство полотен отличались выразительным реализмом. Всех буквально ошеломила картина Валентина Серова «Девочка с персиками». Незамысловатый обыденный сюжет, портрет девочки с персиками был

выполнен так живо и солнечно. Картина Ивана Шишкина «Рожь» поразила своим природным натурализмом и погибшим вдали деревом. А в зале работ мастеров советского периода Дюбуа никак не мог оторвать взгляд от картины Кузьмы Петрова-Водкина «Купание красного коня».

— Вы знаете, — прокомментировал интерес Дюбуа к картине Триаль, — Кузьма Петров-Водкин — художник-самородок из российской глубинки, который объехал пол-Европы на велосипеде, подверг критике великих мастеров Возрождения, посочувствовал русским женщинам и возвел простые человеческие ценности на иконостас. Своим творчеством он пытался объять необъятное, измерить и структурировать бесконечность Вселенной и показать, что все живущие существа — части огромной космической системы, пульсирующего в едином ритме организма.

«И отчасти это ему удалось», — подумал Дюбуа.

Все произведения галереи, и огромная картина, и небольшой этюд, и икона, все-все работы художественные музея были пропитаны изяществом и талантом создателя.

В ходе осмотра Дюбуа заметил, что многие мужчины-экскурсанты разных возрастов бросали взгляды, порой похотливые, на Клеман. И, главным образом, на формы ее тела...

Зарядившись прекрасным, немного уставшие Триаль, Клеман и Дюбуа направились в ресторан «Братья Третьяковы». Он занимает флигель дома и сводчатый подвал, который был обустроен еще в средние века. Ресторан оформлен в старинном купеческом стиле, конечно с элементами современности.

За трапезой обменялись мнениями. Они у всех оказались как минимум — благоприятные, как максимум — восторженные. Клеман удивила Дюбуа своим пассажем, заявив: «Для меня каждое посещение художественного музея — это эмоциональный всплеск, духовный взрыв, шаг в непознанный мир».

— В силу своей профессии, — вымолвил Триаль, — я бывал во многих прекрасных художественных музеях мира. Это «Метрополитен-музей» в Нью-Йорке, «Уффици» во Флоренции, «Прадо» в Мадриде, Kunsthistorisches Museum в Вене, «Эрмитаж» в Санкт-Петербурге, конечно «Лувр» в Париже. Заявляю ответственно — Третьяковская галерея стоит в одном с ними ряду.

Обратно в посольство они направились другим маршрутом. Триаль провез гостей мимо объекта культурного наследия России — православного Новодевичьего женского монастыря.

— Какая успокоительная прелесть! — восхищенно изрекла Клеман. — Тишина и покой!

— Будет у вас время, рекомендую посетить эту православную жемчужину, — вымолвил Триаль, — в том числе и его некрополь. Там покоятся многие известные церковные и государственные деятели, с царских времен и до сегодняшнего дня.

— Сколько в Москве органных залов? — спросила Клеман.

— Э... — слегка замялся с ответом Триаль, — полагаю, три-четыре десятка духовых, в том числе церковных. Знаю, что крупнейшим в Москве по количеству труб является орган Концертного зала имени П.И. Чайковского, а по количеству регистров — орган Светлановского зала Дома музыки.

— На обратной дороге мы с Дюбуа хотим посетить московский орган. Пожалуйста, подумайте о билетах.

— Хорошо. Любите духовой орган?

— Обожаю, — ответила Клеман. — Впрочем, как и электронный его вариант, — женское лицо преобразилось. — Орган — уникальный музыкальный инструмент. Его возраст — около 28 веков. Выразительный ресурс органа позволяет создавать для него музыку широчайшего объема содержания: от размышлений о Боге и космосе до тонких интимных отражений человеческой души. Кто хоть раз услышит орган «живьем» в концертном зале, тот получит впечатление на всю жизнь, звучание его завораживает и никого не оставляет равнодушным. Создается ощущение, что музыка изливается с поднебесья, и что это творение кого-то свыше. Даже внешний вид инструмента, который является неповторимым, вызывает ощущение неудержимого

восторга, поэтому недаром орган называют королем музыкальных инструментов...

Мужчины с интересом слушали восторженные и страстные женские слова о музыкальном инструменте.

«Она еще и увлекающаяся натура», — подумал Дюбуа...

Олег и Эля стали осматривать помещение, в котором они оказались. Старый бревенчатый сарай с полами из прогнивших досок, два небольших застекленных и зарешеченных окошка. В одном углу копна сена. И... затхлый запах с привкусом сена и, почему-то, лопухов.

«Хоть и старое здание, но капитальное, — хмуро подумал Олег. — Похоже, слабых мест нет».

Дверь со скрипом отворилась, показался один из похитителей. Он бросил, кажется, два одеяла, бутылку воды. Весело крикнув:

— А это для параша, — катнул пустое ведро.

— Подождите...

Но на крик Эли он никак не отреагировал и с силой захлопнул дверь.

— За что мне всё это? — воскликнула девушка и громко разрыдалась.

«А мне за что? — подумал Олег. — Хотя... видимо, есть за что».

Он уже бегло обследовал помещение и грустно решил, что бежать из него нет никакой возможности. Копну сена он разложил более-менее ровно, положил на него одеяла. На одно села Эля, на другое — Олег.

— Теперь это наше временное пристанище, — выдавил он.

Бутылку воды передал подруге...

Москва, посольство Франции...

В вестибюль здания вошел крупный, загорелый, коротко стриженный мужчина с брутальной внешностью.

— Вы к кому? — спросил охранник в парадной форме французского пехотинца.

— Позови сотрудника посольства, — изрек неизвестный.

Охранник нажал на кнопку вызова. Через секунду из соседней двери вышел мужчина в светлой одежде.

— Здравствуйте. Кто вы?

— Моя фамилия Третьяков. Вчера в Москву прилетел из Парижа г-н Дюбуа. Вы его наверняка зарегистрировали и можете сказать мне, где он остановился.

— Дюбуа, — медленно вымолвил сотрудник. — Сейчас я посмотрю по базе данных. Одну минуту.

Он удалился, а гость стал осматривать небольшой вестибюль.

Вот сотрудник появился.

— Господин Третьяков, должен вас огорчить, Дюбуа у нас не вставал на учет. У нас нет о нем никакой информации.

— Не может быть! — мгновенно взорвался Третьяков. — Вы просто его не стали регистрировать? Скажите, где он?

— Я не знаю.

Негодующий, если не сказать свирепый, загорелый мужчина вплотную приблизился к сотруднику.

— Ты всё знаешь, гнида! Он тебе заплатил? Купил? Ну, говори гнида! Раздавлю...

— Охрана! — шарахаясь от него в сторону, закричал сотрудник. — Выведите этого господина. Это провокация...

Выбежал второй охранник. Вместе с первым они стали выталкивать сопротивлявшегося загорелого мужчину на улицу. Но сделать это было непросто...

Дверь со скрипом отворилась, вошли два улыбающихся охранника.

— Живые? — спросил весело один.

Сидящие на одеялах в «сенном» углу хмурые Олег и Эля ему не ответили.

В это время второй охранник поставил на пол две пластиковые коробки с лапшой «Доширак» и бутылку воды.

— Отдыхайте пока, господа должники, и цените заботу. Думайте о своей жизни, вызревайте для серьезного разговора...

— Мне надо позвонить, — крикнула Эля.

— Перебьешься.

— Отпустите меня, я ни в чем не виновата, — не унилась девушка. — За что меня сюда притащили?

— За компанию.

Охранники громко рассмеялись и вышли, скрипнула дверь. Эля громко разрыдалась. Утешая ее, Олег приобнял девушку.

— Успокойся, Элочка, не стоят они наших слез...

Москва...

В сквере на лавочке сидел крупный, загорелый мужчина и эмоционально разговаривал по сотовому телефону.

— ...я тебе говорю, они меня нагло послали и силой выставили из посольства.

— Какого черта ты вообще поперся в посольство?

— Мне была нужна информация про Дюбуа. Ты же молчишь!

— Я занимаюсь делом, добываю информацию. А тебе просто нужно немного подождать. Дубина...

— Не могу я ждать, Отто, когда, можно сказать, решается моя судьба! Кровь во мне бурлит!

— Кретин! Ты, Кристобаль, такими действиями всё запорешь. Ты выдал себя! Эффекта неожиданности уже не будет. Да и вообще, они тебя могут нейтрализовать.

— Меня!? Ха-ха, выкусят. Да я им... (ненормативная непереводимая лексика).

— Не забывай, ты не в Мексике. Если спалишься, не смей сдавать меня...

— Пустое говоришь...

Глава 4

Москва, Большая Ордынка...

На первом этаже старинного дома размещался художественный салон под названием «Художественная лавка Третьякова и Гриценко». На стене висели два мужских портрета: хорошо узнаваемого мецената П.М. Третьякова и незнакомого для многих художника Н.Н. Гриценко.

В салон вошел мужчина средних лет, поздоровался и стал рассматривать картины, в избытке висевшие на стенах помещения.

Не спеша обойдя помещение, посетитель подошел к прилавку и спросил у улыбающегося лысого сотрудника:

– А кто такой Гриценко?

– О!.. Это известный российский художник конца XIX и начала XX веков.

– Уж не он ли за художественный подлог получил при царе 10 лет каторги?

Сотрудник изменился в лице.

– Нет-нет. Это клевета его бесталанных и завистливых коллег-художников.

– Но он же был осужден?

— Да. Но за активную революционную деятельность. Он был прогрессивным человеком и всегда стоял на острие нового и революционного, как в искусстве, так и в жизни.

— А после отсидки по уголовной статье занялся старыми криминальными делишками? И, очевидно, за это был убит перекупщиком-спекулянтом в период НЭПа⁷ уже в Советской России. Или я что-то не так изложил?

Лицо сотрудника приобрело серый цвет.

— Извините, мне нужно идти...

— Ты знаешь, Олежа, я тут подумала и поняла. Тебя банку мог сдать торгаш Мамедов, — вымолвила Эля.

— Это как? — спросил сидящий рядом Третьяков.

— Посуди сам. У вас с ним были не самые лучшие отношения, это раз. Он знал, что у тебя кредит. Это два. Вот он, мерзопакостная и жадная его душонка, и решил на тебе заработать. Он предложил банку схему, что уволит тебя, чтобы банк взялся за твою квартиру. А банк ему за это выдаст льготный кредит на развитие его торговли.

Олег прикинул: те два года, что он работал в сети у Мамедова, тот пытался его сломать, подчинить, превратить в некоего бессловесного юридического.

— Теоретически такое возможно, — осознавая слова подруги, медленно выдавил он. — Но... как-то это сложно для деревенщины Мамедова, ему бы что попроще.

⁷ Новая экономическая политика (сокр. НЭП) — экономическая политика, проводившаяся в 1920-е годы в молодой Советской России. Главное ее содержание — использование в экономике рыночных механизмов и различных форм собственности.

— Вполне, вполне мог сподобиться торгаш. Подличать с выгодой — это его как раз стиль. У него черная завистливая душа.

Олег раздумывал.

— И еще, коль мы здесь взаперти, выслушай меня, — продолжала подруга. — Ты хороший, но немного наивный и несовременный человек, Олег. Товарищество и дружба сейчас полностью обесценено. Стоит только такому человеку оказаться в трудной жизненной ситуации, бывшие дружки побегут от него, словно крысы с тонущего корабля. Жрать и пить на халяву горазды многие, а вот выручить и поддержать — сейчас способны единицы...

«А эта пигалица, похоже, говорит дело», — хмуро прикидывал Олег...

Франция, Верхняя Савойя, небольшой особняк в пригороде Анси...

Очевидно с возрастом, а также ухудшающейся городской экологией, ростом количества цветных мигрантов, в последние годы жизнь в Париже Третьякову-Лаган всё больше угнетала и била по здоровью. Частое учащенное сердцебиение, тяжелое дыхание и слезящиеся глаза, не имеющие ничего общего с любовными переживаниями...

Поэтому, отправив племянника в Россию, женщина сразу поехала на отдых в Альпы. Лет тридцать назад она купила домик в пригороде небольшого города Анси́ (это приблизительно в 40 км от Женевы). Два-три раза в год она приезжала в эти глуховатые, но дивно-сказочные,

экологически чистейшие края отдыхать и расслабляться. Слушать по утрам бой колокола расположенной недалеко церкви, дышать чистейшим, прозрачным воздухом, кушать вкусные натуральные продукты, пить местное вино...

Альпы – это главная горная цепь Европы, занимающая центральное место между ультраструктурными и географическими регионами западной, восточной, южной и северной Европы. Простираясь дугой примерно на 600 миль (1000 км) с запада на восток, этот хребет охватывает части Франции, Италии, Швейцарии, Лихтенштейна, Австрии и Словении, а затем простирается на Германию, Хорватию и Боснию. В течение многих столетий хребет практически пустовал. Постепенно горы были исследованы, а долины заселены.

С развитием альпинизма, как вида спорта в XIX веке, и инженерных чудес длинных туннелей XX века, Альпы перестали быть угрожающим тупиком, страной лавин и злых духов, а вместо этого стали местом отдыха, местом красоты...

Раздался сигнал сотового телефона. Времени было 5 часов утра, Третьякова-Лаган только что встала с постели. Она любила по утрам гулять по окрестностям, дышать чистейшим, прозрачным горным воздухом.

Телефон абонента не определялся.

Немного подумав, женщина ответила:

— Слушаю.

— Здравствуйте, мадам Третьякова-Лаган. Хорошо, что я вас застал. Это Триаль.

— Здравствуйте, уважаемый. Что-то случилось? Вы звоните с обычного телефона?

— Я звоню с закрытого телефона посла, из его кабинета. Он сейчас вне Москвы.

— Хорошо. Что-то случилось?

— Похоже. У меня неприятная новость: в посольстве объявился загорелый, здоровый мужчина. Он представился Третьяковым и потребовал дать координаты Дюбуа. Работники посольства ничего ему не дали и пытались его культурно выставить. А этот тип устроил скандал. Я сбросил вам его фото. Вы не знаете его?

Две-три секунды Третьякова-Лаган рассматривала мужское фото.

— Да, я узнаю это лицо, — медленно вымолвила женщина. — Это действительно Третьяков, Кристоаль Третьяков, из Мексики. Острохарактерный мужчина.

— Этот наглый, грубый тип не испортит всё дело? И вообще, кто он? Что ему надо?

— Может испортить, этот вечно недовольный мужлан. Видите ли, Триаль... для ясности ситуации я посвящу вас в некоторые семейные дела. После революции в России в начале XX века, во Францию перебрались родственники Павла Михайловича и Сергея Михайловича Третьяковых. Родственники Павла Михайловича устраивались, обосновывались, вели нормальный образ жизни, занимались Фондом. А один из родственников Сергея Михайловича связался с бандитами, попал на крючок полиции и был вынужден бежать в Америку. Он обосновался в Мексике, но там тоже были проблемы. Просил денег у родственников по линии Павла Михайловича, ругался, скандалил. В общем, их пути радикально разошлись. Но Кристоаль получается — прапраправнук Сергея Михайловича. Человек, выросший в бедности и бездуховности, плохо воспитанный, обиженный на всех, и который точно может нам навредить. Кто-то ему из Парижа сообщил о нашем деле, и он, решив хорошо пожить, махнул в Россию. Всё бросил и махнул за тысячи миль. Одно слово — авантюрист. Авантюрист чистой воды.

— Похоже так. Но что будем теперь делать мы?

Две-три секунды Третьякова-Лаган раздумывала.

— Всё должно идти по плану. А Кристоаля надо нейтрализовать и вывести из нашего дела.

— Как?

— Э... Вы говорили, что он устроил скандал в посольстве. Раздуйте до небес этот скандал, подключите русскую полицию. Надо сделать так, чтобы его выслали из России, чтобы он нам не мешал.

— Интересное предложение, — медленно вымолвил Триаль. — Я попробую, совместно с начальником

службы безопасности посольства, это организовать и проверить.

— Да, и постарайтесь скрыть от Клеман и Дюбуа появление этого Кристобая. Иначе они могут занервничать и сорвать наше дело. Кстати, когда они выезжают?

— Сегодня...

Ночью Олег и Эля изрядно продрогли. Он крепко обнял девушку, прижал к себе. В какой-то момент она спросила:

— Олежа, я вчера опьянела, а ты не трахнул меня. Почему? Я тебе очень неприятна?

— Прекрати, ты мне очень даже приятна. Просто я не стал использовать твою беспомощность. Да и вообще, пьяный секс — это не по мне.

Эля широко улыбнулась.

— Не обижайся, пожалуйста.

— Это ты не обижайся, что из-за меня оказалась в такой вот переделке с неясным концом.

— Всё утрясется.

— Безусловно. Нам надо поспать, силы нам еще пригодятся...

— Нам надо бежать, — утром изрек Олег.

Сидящая рядом, с усталым, болезненным и безразличным лицом Эля медленно вымолвила:

— У меня нет ни сил, ни желания.

«Странно, она так быстро и сильно сдала, — подумал Олег. — Выглядит уныло и вяло. Она еще совсем молодая... Похоже, она действительно не здорова».

— Элочка, мы здесь можем дойти вообще «до полной ручки», — бросил он. — Они этого и хотят — сломить нас физически и еще психологически. Тогда, по их мнению, мы на всё согласимся и всё подпишем. Нам нужна уверенность в себе, активность, оптимистическое мироощущение. Может, попробуем убежать? А, Эля?

— Я пас...

Олег тихо и беззлобно ругнулся.

— Хорошо. Тогда я, пока есть еще силы, попытаюсь убежать и потом спасти тебя...

Москва, ресторан «Шардам»...

За столиком этого уютного ресторана на берегу Москвы-реки, в пятистах метрах от посольства Франции, располагалась изрядно накрашенная молодая женщина и лысый мужчина средних лет. Молодая женщина изящно-грациозно и с аппетитом поглощала мороженое с клубникой. Рядом стоял бокал с вином, лежала пачка сигарет с зажигалкой.

Мужчина заинтересованно взирал на женщину и тихо говорил:

— ...турпоездка по местам Павла Третьякова — это для отвода глаз. Необходимо установить истинную причину приезда Дюбуа и Клеман.

— А что это может быть? — спросила женщина.

— Возможно, поиск некоего тайника...

— С сокровищами! — воскликнула женщина и сделала несколько добрых глотков из бокала.

Мужчина осмотрелся по сторонам.

— Спокойно, Диана, спокойно. За нами могут наблюдать и подслушивать наш разговор. Но, в принципе, да, возможен тайник с сокровищами. Поэтому, пожалуйста, постарайся, мне интересно абсолютно всё. Награда будет щедрой...

— Девушке плохо! Девушке плохо! Она умирает! Помогите! — громко закричал Олег.

Эля в это время лежала на одеяле с закрытыми глазами.

Олег подбежал к двери, стал колотить по ней руками, ногами и громко кричать.

Вот, наконец, дверь зашевелилась, скрипнула и стала медленно открываться. В проеме появился заспанный крупный мужчина. Олег нанес ему серию сильных резких ударов в корпус и в голову. Явно не ожидавший этого охранник упал на пол. Олег выскочил из помещения на улицу и бросился бежать по траве.

Но... вскоре остановился. Перед ним простиралась пугающая и наводящая неподдельный ужас природная картина.

«Ба!? Просто аномальные и мистические места!? — воскликнул Олег. — Может, здесь когда-то упал метеорит!? Полный мрак...»

Он когда-то что-то об этом читал. В таких местах творятся непонятные вещи. Птицы, пролетающие над этой местностью, падают и тут же умирают. Такая же участь постигает животных, которые по неосторожности заходят в эти места. Деревья хиреют и словно обожжены

невидимым огнем. Местные жители здесь не ходят. Многие случайно забредшие сюда люди лишаются разума, погибают.

Эти места еще иногда называют Долиной смерти...

«Куда меня привезли!? — воскликнул Олег. — На гибель!?»

— Ну что, Иван Сусанин⁸, пойдешь дальше за смертью своюю мученической? — раздался мужской голос. — Здесь люди пропадают раз и навсегда. Или всё же останешься у нас и с нами? Там и подруга твоя ждет — не дождетя.

⁸ Иван Сусанин — русский национальный народный герой, крестьянин из села Домнино (ныне в Сусанинском районе Костромской области), прославившийся спасением Михаила Романова от польско-литовского отряда во время русско-польской войны в XVII веке, заведя захватчиков в лесную чащу и глухие болота.

«Эх, жизнь ты моя беспросветная! — в сердцах воскликнул Олег. — Даже убежать не удается».

Медленно повернулся и увидел двоих охранников с пистолетами в руках. Они слегка и как-то лениво побили пленника, при этом совсем не трогая его лицо. Затем опустошенно-безразлично, как мешок, бросили в старый сарай к подруге.

— Тебе плохо, тебя били? — стала расспрашивать Эля.

Злой Олег просто угрюмо молчал...

Москва, Большая Лубянка, штаб-квартира ФСБ...

— ...г-н Дюбуа и капитан Клеман, как и положено туристам, в сопровождении атташе по культуре Триалья, с утра отправились в Третьяковскую галерею, — докладывал майор Зарембо. — Наслаждаться высокохудожественным искусством.

Его слушал, одновременно читая лежащий на столе документ, начальник второго отдела подполковник Новов.

— А в это время, — продолжал майор, — в посольство Франции вломился гражданин Мексики Кристобаль Третьяков. Он потребовал предоставить ему информацию о Дюбуа. Сотрудник посольства ему культурно отказал, а мексиканский гость устроил скандал. Охрана с трудом выставила его из посольства.

— У меня, Иван Егорович, на столе только что полученные два донесения, — вымолвил Новов. — Первое, посольство Франции официально обратилось

в ближайшее отделение полиции Москвы с заявлением о неправомερных действиях в стенах посольства гражданина Мексики Третьякова. И второе, от коллег из внешней разведки. О том, что три дня назад мадам Третьякова-Лаган, исполнительный директор Фонда братьев Третьяковых и праправнучка П.М. Третьякова, вскрыла лежавшую без движения 120 лет депозитарную ячейку в одном парижском банке. В ячейке хранилась шкатулка с некими, предположительно важными, бумагами или даже ценностями. Что теперь скажете?

— Вот как всё закручивается! — весело воскликнул майор. — Парижская шкатулка... и срочный приезд в Москву разношерстной публики... Мы были правы...

— Вы, Иван Егорович, изучили подноготную семьи Третьяковых?

Подполковник открыл лежащую на столе папку. В ней оказалось несколько фотографий мужчин и женщин. Рассматривая их, он вымолвил:

— Воистину сказано не помню кем. Красивые молодые люди — это природная случайность, а красивые старики — это произведения искусства, — и сразу изрек. — Иван Егорович, вы не ответили на мой вопрос.

— Так точно, Федор Федорович — ответил майор, — изучил. Казалось бы, благообразная верующая семья. Но и там есть своя червоточинка, — положил на стол подполковника письменную докладную. — Так сказать, свой скелет в шкафу.

Подполковник бегло, очевидно по диагонали, прочитал документ и вымолвил:

— Я так и предполагал.

— Мы открываем новую операцию, Федор Федорович?

– Да, Иван Егорович. Я согласовал с руководством операцию под кодовым названием «Шкатулка». Руководство считает, что начать ее надо с официального разговора с мадам Третьяковой-Лаган. Она вполне лояльный человек к современной России. Публикует в целом позитивные статьи о России, в нашей прессе и в иностранной. Где-то соглашается с проводимой нашей страной политикой, где-то нет, дает советы. Решено, разговор с ней о последнем тайнике Павла Михайловича Третьякова должен провести ты. Давай, готовься к поездке во Французские Альпы, она сейчас там. Времени у тебя 24 часа. Тебе будет предоставлена вся необходимая информация.

– Мне предстоит поездка во Французские Альпы?

– Да, именно там сейчас находится на отдыхе мадам Третьякова-Лаган. И имей в виду, там за тобой будут наблюдать десятки глаз иностранных разведок мира. Ибо современная Женева — это абсолютно свободный «гадюшник» всех разведок всего мира...

Дверь со скрипом отворилась, вошли два улыбающихся охранника в костюмах и галстуках. Олег и Эля в это время лежали на одеялах в «сенном» углу.

– Встать, Третьяков, — грозно бросил один из парочки.

Олег не спеша поднялся. Болело тело, по которому после неудачного побега «поработали» охранники.

В сарай вальяжно вошел лысый мужчина в светлых брюках и рубашке, спортивного телосложения. А также профессиональными, боксерскими травмами лица (поломанный нос, рассеченные брови). И еще, у него был

пронзительный, неприятный мрачный взгляд. В руке он держал за хвост большую рыбину. Судя по запаху и виду — копченого леща.

Мужчина почти вплотную подошел к Третьякову и вымолвил:

— Знаешь меня?

Олег видел его в банке «Горожанин» и знал, что он начальник службы безопасности банка. И фамилия его то ли Волк, то ли Волков. Точно, фамилия Волков.

— Вы — «безопасник» банка, — тихо выдавил Олег.

— Правильно. Ты, друг, решил, как будешь рассчитываться с банком за кредит?

— Как обычно, отчислять с зарплаты.

«Безопасник» улыбнулся-оскалился.

— Ответ неправильный, Третьяков. Ты — безработный, и никто тебя с миллионным долгом на нормальную работу в Костроме точно не возьмет. Уразумел?

— Тогда переоформить кредит и сдвинуть сроки погашения.

— А может еще и списать твой кредит? Правда, полсотни сотрудников банка квартал будут сидеть без зарплаты.

«Нагло врет!» — подумал Олег.

— Отдам вам свою машину.

— Не смейся. Кому нужна твоя развалюха?

Олег молчал. Он понимал, что банк нацелился на его квартиру. Но его квартира в центре города тянула на 3–4 миллиона...

— Подумай, — изрек «безопасник», взглянул на свои навороченный ручные часы. — За ответом я приеду

завтра во второй половине дня. Если сам не придумаешь, то придумаем мы.

Он бросил в сторону Олега рыбину. Олег поймал, а «безопасник» взглянул на Элю и изрек:

— Поднимайся, я отвезу тебя домой.

— Одна я не поеду! — крикнула девушка. — Я боюсь вас! — начала сильно кашлять.

«Безопасник» взглянул на Третьякова.

— Может, ты ей скажешь?

— Эля, ты больна. Поезжай, пожалуйста, и ничего не бойся, — сказал Олег. — Со мной всё будет нормально.

Эля медленно поднялась и, пошатываясь, направилась к выходу.

За ней проследовали «безопасник» и охранники. Дверь скрипнула и закрылась.

«Похоже, влип я основательно. Что теперь будет дальше?» — хмуро подумал Олег...

Москва, посольство Франции...

В своем номере Дюбуа спокойно готовился и собирался к поездке на задание.

Внезапно в номер тихо постучали.

Не обращая внимания на стук, Дюбуа продолжил свои дела.

Стук повторился уже более настойчиво.

— Месье Дюбуа, это ваша поклонница, — раздался приглушенный женский голос. — У меня для тебя подарок.

Дюбуа вспомнил проведенное с этой, по словам Клеман, «ночной потаскушкой» время. Вспомнил и жесткую критику капитанши и возможные, озвученные ей, санкции.

Ругнувшись и на капитаншу, и на пресс-секретаря посольства заодно, он решил не открывать дверь.

— Дюбуа, открывай! Иначе я вынесу дверь!

«Сейчас тебе, Диана, не удастся меня одурачить», — решил Дюбуа и крикнул:

— Уходи. Иначе я вызову охрану!

Поклонница (Шерези-Шико) еще пару раз тихо постучала и, видимо, ушла.

Кабинет начальника службы безопасности посольства...

Шерези-Шико вошла в помещение и сразу капризно выпалила:

— Он меня не впустил! Я ничего не узнала! При первом нашем кувыркании я просто не стала форсировать события и расспрашивать рыжего. А сейчас он не пустил меня.

— Милочка-Дианочка, теряешь квалификацию, — изрек лежащий в одежде на диване полковник Рамо.

— Ты умеешь успокоить.

— Конечно. Иди ко мне, я тебя успокою, расслаблю и удовлетворю не хуже этого Дюбуа.

— Сомневаюсь, — раздеваясь на ходу, бросила молодая женщина. — У тебя кокаинчик есть?

— Не сомневайся, у меня всё есть. И он твой, если ты мне доставишь несравненное удовольствие...

Внутренний двор посольства...

Перед тем, как сесть в серый «Фиат» с московскими номерами, Клеман тихо вымолвила:

– Машина наверняка нашпигована жучками и маячками. Поэтому, для серьезного разговора в поездке будем выходить из машины.

– Может проще обработать автомобиль твоим прибором? – спросил Дюбуа.

– Машина – очень сложный и объемный объект. Чтобы ее обследовать, уйдут может сутки или даже больше.

«Пожалуй», – согласился Дюбуа.

Поблагодарив Триалю, они выехали из ворот посольства. Причем за рулем находилась капитанша, а Дюбуа, по ее же настойчивому совету, тихо лежал на заднем сидении...

Глава 5

Париж, штаб-квартира DGSE...

В кабинете начальника Управления исследований находился его хозяин, полковник Бернар и ведущий сотрудник подразделения, майор Морель.

Последний докладывал о ситуации вокруг Фонда братьев Третьяковых, вернее, о реализации операции «Фонд».

— ...отправив Дюбуа и Клеман в Россию, директор Фонда Третьякова-Лаган улетела в Женеву. И далее направилась в Анси, во Французских Альпах у нее имеется небольшое поместье. Мадам решила отдохнуть на природе от праведных трудов. Тем временем Дюбуа и Клеман, как туристы, отдыхают в Москве, катаются по городу, посетили Третьяковскую галерею. Туда же прибыл из Мексики Кристобаль Третьяков, один из членов большого клана Третьяковых. Мы запросили на него информацию в Мексике. Но пока еще не получили ответа. Сегодня Дюбуа и Клеман выезжают на машине по Золотому кольцу России. По пути этого классического туристического маршрута находится порядка 10 – 12 старинных русских города. Я считаю, что именно в одном из них и находится тайник.

– Получается, Дюбуа и Клеман работают под туристов. Как мы будем знать об их передвижении? – спросил полковник.

– Я порекомендовал полковнику Рамо установить хороший маяк на машину Дюбуа и Клеман.

– Автомобиль можно было бы вообще нашпиговать самой различной техникой.

– Рискованно, шеф. Ведь Клеман – достаточно опытный офицер. Она легко может что-то найти и, вообще, поменять машину.

Полковник усмехнулся.

– Тоже верно. Что по линии радиоэлектронной разведки?

– Ничего существенного, обычная рутина. Но необходимая работа ведется...

Олег задумался о своей, в общем-то пока достаточно короткой жизни. Рождение, садик, школа, колледж, всё это как-то не интересно. Вспомнил родителей, сестру... И было всё это, кажется, так давно-давно. Словно в совсем другой жизни...

Вот служба на военном флоте на Дальнем Востоке – совсем другое дело. Вспомнил, буквально с придыханием, учебку. Затем, как он в составе десантно-штурмового подразделения на флагмане Тихоокеанского флота, гвардейском ракетном крейсере «Варяг» бороздил 3 месяца Тихий и Индийский океаны. Вот это были дни и недели! Воинской реальной подготовки и воинских реальных операций! Вместе с друзьями по службе! Как ловили контрабандистов в Малаккском проливе и похитителей судов в Аденском заливе, как ответили на провокацию британского фрегата...

Ярославское шоссе (или федеральная автомобильная дорога М-8 «Холмогоры»)...

Они уже миновали Москву.

Впереди открывалась лента дороги, но кругом стояли камеры-ловушки. Клеман, соблюдая скоростной режим, уверенно вела машину по двухполосному шоссе с разделительной полосой и хорошим дорожным покрытием. На выезде из столицы асфальтобетонная автомагистраль М-8 шестиполосная, затем количество полос уменьшается до четырех, а после — двух.

Отъехав от посольства с километр, Дюбуа принял нормальное положение на заднем сидении. И сейчас он с беззаботным видом взирал в окно. Хотя на самом деле он был серьезно озабочен, слова капитанши о том, что она сама всё сможет сделать, его капитально задела.

А за окном леса и поля. Мелькали дорожные указатели и различные надписи, небольшие поселения.

Вот вдали показался большой населенный пункт. Вскоре они въехали в город Сергиев Посад. Среди городских построек показался православный храм, второй... А затем и белокаменный грандиозный комплекс лавры с золотыми куполами...

Готовясь к поездке, Дюбуа кое-что прочитал об этом старинном русском городе. Например то, что главной достопримечательностью 100-тысячного города является ставропигиальный мужской монастырь Русской православной церкви, объект Всемирного наследия ЮНЕСКО — Троице-Сергиева лавра. Крупнейший в России монастырь с многовековой историей, одновременно крупнейший центр образовательной и издательской деятельности Русской православной церкви...

...что в стенах Лавры находится более пятидесяти архитектурных сооружений, 10 из них — православные храмы. Здесь Андрей Рублёв написал всемирно известную икону «Троица». В этих стенах крестили наследников престола. Во время стрелецкого бунта 1682 года здесь укрывался юный Пётр I. В стенах Троице-Сергиевой лавры находится Московская духовная академия — крупнейший центр богословского образования в Русской православной церкви. Лавре принадлежат с десяток разбросанный в окрестностях скитов и подворий...

— Многие старинные русские города, не выдерживая современного ритма, просто медленно умирают, — вымолвила Клеман. — Но я, анализируя полученный материал о городе, считаю, что Сергиев Посад наоборот, развивается. В городе имеется общеобразовательный институт и несколько научно-исследовательских, еще имеются колледжи, музеи и с десяток крупных промышленных предприятий. Молодежь вовсе не покидает город...

Олег с раннего детства любил читать. Сейчас, лежа на одеяле в «сенном» углу, он почему-то вспомнил немецкого писателя Ремарка и его одно знаменитое изречение:

«Кто ничего не ждет, никогда не будет разочарован. Вот хорошее правило жизни. Тогда все, что придет потом, покажется вам приятной неожиданностью».

«То, что я нахожусь в этом сарае — приятная неожиданность. Спасибо, конечно, Ремарку за яркую и интересную фразу, — раздумывал Олег. — Которая позволяет не слишком рассчитывать на чужую благосклонность или благоприятное стечение обстоятельств. Особенно мне в моем настоящем положении. Эксплуататоры и алчные хапуги-банкиры не простят мне долг и не пойдут навстречу по его переоформлению в части погашения. Тогда, что остается мне!?. Тем более в этом сарае...»

Как-то незаметно он заснул...

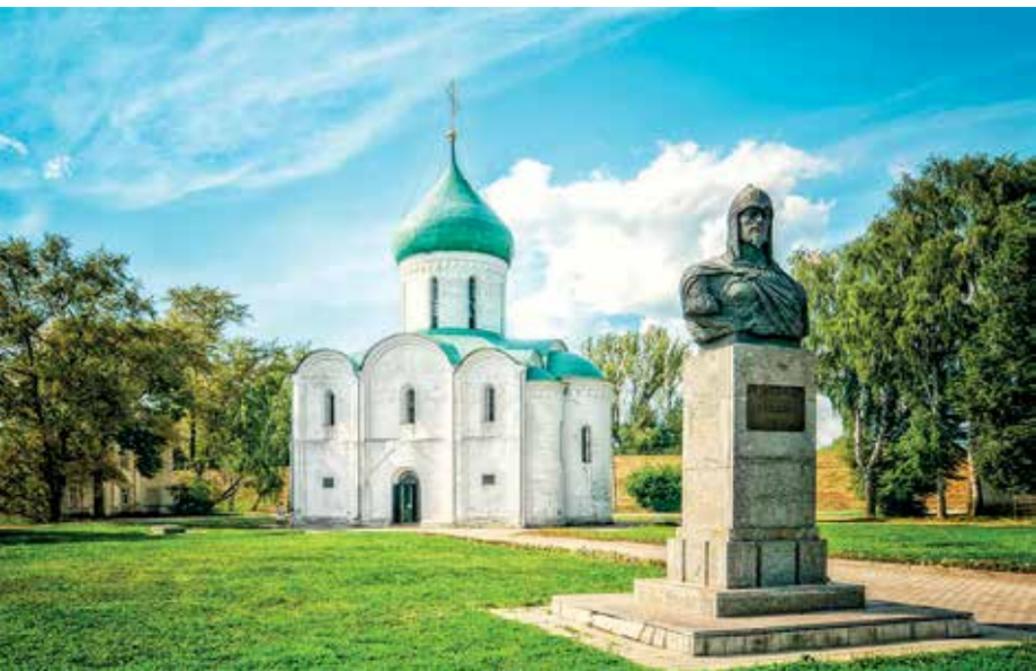
Ярославское шоссе...

Почти сразу за Сергиевым Посадам состояние автодороги ухудшилось. Во-первых, пошло множество спусков и подъемов и однополосная дорога. Хотя на некоторых участках и было две полосы. Плюс сильное движение грузового транспорта (больших фур), что, безусловно, сдерживало маневренность.

Снова замелькали небольшие населенные пункты, красивые пейзажи. Но вот впереди, судя по карте, город Переславль-Залесский. Как читал Дюбуа, Переславль-Залесский позволяет прочувствовать атмосферу старинного русского города, чья история насчитывает

более 10 веков. В нем сохранились земляные валы древних оборонных сооружений, белокаменные храмы, где крестили великих князей, шедевры древнерусского деревянного зодчества. Одно из самых интересных мест – древнее Плещеево озеро. Вокруг него расположено множество старинных храмов и археологических памятников. А вот показалось нечто невообразимое.

– Смотри, Даниэль, и наслаждайся, – изрекла Клеман. – В Париже, да и во всей Европе ты такого не увидишь. Соль земли русской! Душа Руси! – увлеченно продолжила. – Спасо-Преображенский храм – символ города, именно с него и началась история Переславля. Единственный белокаменный собор Северо-Восточной Руси, сохранившийся до наших дней. Сооружение уникально. Оно построено в середине XII века. Здесь были крещены многие русские князья, в том числе, Александр Невский, родившийся в Переславле. В XIII–XV веках

собор использовался как усыпальница. Храм одноглавый, крестово-купольный, сложен из прекрасно обтесанных и положенных почти насухо белокаменных блоков. Фасад лишен каких – либо украшений, его украшают только узкие прорезы окон-бойниц. Сегодня он является филиалом городского музея-заповедника...

«Капитанша обстоятельно подготовилась к поездке», – весело подумал Дюбуа.

Одновременно он заметил немного в стороне от центральной улицы рушащиеся дома и покосившиеся заборы...

Дверь в сарай со скрипом отворилась, вошел хмурый охранник и следом «безопасник» банка. Олег в это время лежал на одеяле в «сенном» углу.

– Встать, Третьяков, – грозно бросил охранник.

Олег не спеша поднялся.

– Ты решил, как будешь рассчитываться за кредит с банком? – спросил «безопасник».

– Я уже высказал свои соображения, – медленно ответил Олег. – Новых вариантов у меня нет.

«Безопасник» громко рассмеялся...

Москва, ресторан «Шардам»...

– ...я узнала только то, что Дюбуа и Клеман отправляются по Золотому кольцу России, – отпивая вино из бокала, изрекла молодая женщина.

За столиком уютного ресторана на берегу Москвы-реки, в пятистах метрах от посольства Франции располагалась изрядно накрашенная молодая женщина и лысый мужчина средних лет.

— А что говорят по их поводу люди из посольства и, особенно, полковник Рамо? — спросил собеседник.

— Полковник только отшучивается, люди несут всякую чушь. Но за ними он точно следит.

Женщина приступила к поглощению мороженого с клубникой.

Мужчина заинтересованно взирал на женщину. Одновременно он пристальным взглядом осматривал ближайшее окружение.

Вот он тихо вымолвил:

— Диана, г-да Дюбуа и Клеман несомненно поддерживают с кем-то из посольства тесные отношения. Надо выяснить, с кем.

— Уже. Это атташе по культуре Триаль.

— У нас остается один путь. Это через Триалья узнавать о деятельности Дюбуа и Клеман. Ты такая красивая, Дианочка...

— Бесполезно.

— Надо попробовать и дерзать.

— У тебя кокаинчика не найдется?

Мужчина улыбнулся. Но вот глаза... глаза его остались напряженно-серьезными. Возможно, он раздумывает, что пора заканчивать отношения с этой дамой. Кокаин — это самый дорогой и «благородно-элитный» наркотик. И он хорошо знает, что наркоман при ломке, дабы получить дозу, сдаст всё и всех.

— Для такого дела, незабвенная Диана, найдется. Принесу на нашу следующую встречу. Созвонимся...

– Зато у нас есть, – весело продолжал «безопасник», – сейчас расскажу. Так вот, ты можешь рассчитаться с банком своими органами, например, почкой или еще чем-то.

«Новое предложение банка», – невесело подумал Олег.

– Слушай, тебя положат в медцентр, обследуют, и спецы решат, каким органом ты можешь поделиться. Что скажешь на это предложение, Третьяков? Если согласен, то мы сегодня отвезем тебя в медцентр.

«Изверги и нелюди!», – ругнулся Олег и решительно бросил:

– Это не мой вариант.

– Категорически нет?

– Категорически нет.

«Безопасник» самодовольно улыбался.

– Мы, конечно, можем это проверить и без твоего желания. Скажем, усыпить тебя. Но пока вопрос так не стоит. Думай Третьяков, думай.

Парочка вышла, а Олег действительно серьезно задумался:

«Куда же моя жизненная кривая занесла меня?.. И что же мне так в жизни не везет?..»

Ярославское шоссе...

Клеман продолжала уверенно вести машину.

Но после трехчасового пути захотелось немного отдохнуть и перекусить. И, по предложению Дюбуа, Клеман остановилась у попавшегося на пути небольшого дорожного трактира «Верста».

Вскоре Дюбуа и Клеман заходили в заведение. Сразу бросилась в глаза уютная внутренняя обстановка, в оформлении царил почти музей русской старины. Тихо лилась какая-то старинная, душевная тягучая русская мелодия.

Рослый официант в домотканой русской рубахе-косоворотке, с православным крестом на открытой груди, предложил присесть за столик, предоставил папки с меню.

На слова Дюбуа:

— Мы изрядно голодны. Может, вы нам сами что-то предложите? Но мы за рулем... — официант предложил блюда русской кухни: овощной салат, жареный сыр,

рыбную солянку, котлету из медвежатины и холодный квас. На этом и остановились.

Заказ был выполнен быстро, Дюбуа и Клеман с удовольствием поглощали хорошо приготовленную пищу.

На десерт официант предложил сырники с чаем. Французы не отказались.

Уже выходя из заведения, Дюбуа спросил напарницу:

— Ну и как тебе придорожный трактир?

— Весьма понравился. Обстановка уютная, внутри почти музей русской старины, качество блюд достойное, сложилось ощущение домашней хорошей кухни, вежливый персонал.

— Клеман, разреши мне сесть за руль?

— Разрешаю...

Олег хорошо понимал, что человеческому телу нужна динамика. Он должен двигаться, не зря же движение называют жизнью. Поэтому маршировал по сараю и одновременно упорно думал о своей дальнейшей судьбе. Думы были мрачными... Но что, что он мог предпринять, находясь в этом сарае взаперти? Ни-че-го. Нужно было выбраться. Но как?.. Мобильный телефон остался дома...

«Сколько я уже здесь нахожусь?» — спросил себя.

Подошел к зарешеченному окну. На улице был день, правда какой-то пасмурный.

«Значит, уже идут вторые или третьи сутки... Эти безжалостные банкиры — страшные люди, способные на всё. Они могут проверить какую-нибудь операцию, пока я здесь в заточении...»

Вспомнились ему и слова Эли о том, что его теперешнее положение — это результат комбинации Мамедова и банка. Тогда он ей как-то сразу не поверил. А вот сейчас был склонен поверить. Вспомнились и ее слова о Мамедове: «У него черная, завистливая душа»...

Женева, Швейцария, аэропорт...

Из зала прилета выходит стройный мужчина средних лет, в светлом костюме и с кейсом в руке. К нему подходит встречающий, лысый полный мужчина.

— Добрый день. С прилетом в Женеву, Иван Егорович. Я сотрудник службы безопасности российского посольства в Швейцарии Петров Петр Петрович.

- Здравствуйте, товарищ Петров.
- Вы сразу на виллу к мадам Третьякова-Лаган? Или...
- Сразу, – ответил прилетевший мужчина, поправляя рукой свои богатые каштановые волосы.
- Хорошо. Прошу за мной к машине. До места назначения нам примерно 45 километров...

Франция, Верхняя Савойя, небольшой особняк в пригороде Анси...

– Не удивлена появлению в моем доме человека из вашей организации, – внимательно рассмотрев служебное удостоверение майора Зарембо, строго вымолвила Третьякова-Лаган. – Хотя и думала, что это произойдет гораздо позже.

– Спасибо за комплимент моей организации, – слегка улыбаясь, изрек майор, поправляя рукой свои богатые каштановые волосы, галантно добавил. – Вы прекрасно выглядите, – вручил букет цветов.

Действительно, хозяйка никак не выглядела уставшей от жизни пожилой женщиной.

– Спасибо. Я давно не напрягаюсь из-за своей внешности и формы. В жизни главное совсем не это. Главное – любить свое дело и близких людей, смеяться и радоваться каждому дню. Тогда с любой внешностью будешь прекрасен.

Директор фонда обитала в небольшом доме баварского стиля из темно-коричневого кирпича. Хозяйка встретила гостя в гостиной. Майор быстро окинул взглядом помещение. Задержал взгляд на висевшей на стене

одной необычной картине. Эмоциональная жутковатая вещь... то ли женская, хотя скорее, пожалуй, мужская отрубленная голова в окружении растревоженных рептилий, ядовитых змей...

— «Медуза» — картина итальянского художника Караваджо, создана в 1597 году, оригинал находится в галерее «Уффици» во Флоренции, — заметив взгляд гостя, вымолвила хозяйка. — У меня — неплохая копия.

— Картина на щите производит неизгладимое впечатление,

— вымолвил майор. — Так кажется естественно и страшно, просто мурашки по телу идут.

— Совершенно верно. Картина ужасающе прекрасна и пугающе привлекательна. Гениальный художник использовал сюжет из древнегреческой мифологии. Персонажем стала Медуза Горгона — женщина-чудовище, на голове которой вместо волос был шипящий и шевелящийся клубок змей. Караваджо проектирует обезглавленную голову Медузы и ставит свое собственное лицо, чтобы захватить все эмоции женского монстра. Последний взгляд, брошенный уже отрубленной головой. Этот миг запечатлен на картине Караваджо, это основной сюжет картины: отрубленная острым

мечом голова, хлесткие струи крови, судорожный танец змей и предсмертная гримаса Горгоны с перекошенным в крике ртом и распахнутыми в ужасе глазами. Предсмертная агония, мимика и эмоциональный накал Караваджо переданы в совершенстве. Легендарный живописец! «Медуза» — одна из моих любимых работ. Ведь я искусствовед по специальности.

— Поразительная работа! А как в те далекие времена Караваджо рисовал сам себя? — спросил гость.

— С помощью обычного зеркала.

— Просто и эффективно, — автоматически бросил майор.

«Странное полотно. Странная симпатия для женщины к картине с окровавленной, отсеченной головой в окружении гадов, — подумал он. — Впрочем, о художественных вкусах не спорят...»

Майор перевел взгляд на висевшую на другой стене картину, похожее с русским пейзажем.

— Холст кисти одного из лучших русских пейзажистов, Семена Федоровича Федорова, — вымолвила хозяйка. — Всё исключительно натурально и естественно. Его в свое время открыл для широкой публики, затем сотрудничал с ним, покупал картины, Павел Михайлович Третьяков. Вообще, он помогал многим молодым и ныне известным живописцам России. Известно, что с большим уважением к Третьякову относились и сами художники. Существует даже версия про некий негласный договор среди художников о предоставлении Третьякову права первого выбора нарисованной картины. Так что, благодаря Павлу Михайловичу, многие художественные творения были созданы, пережили свое время и дарят наслаждение и радость нам сейчас.

— Гений Павла Михайловича — на века, — бросил майор.

— Не уверена, — тихо изрекла мадам Третьякова-Лаган. — Существует достаточно обоснованное мнение, что наше поколение последнее, кто читает бумажные книги и наслаждается живыми художественными произведениями. Да и кинематографом тоже. Вы обратили внимание, что последнее время нет талантливых шедевров? Современную абстрактную мазню и прочие новаторские изыски я не считаю высоким искусством.

— Пожалуй, — согласился майор. — Но я очень надеюсь, так как мода циклична, что скоро вновь популярным станет чтение, хорошая музыка, талантливая живопись, настоящее кино...

По предложению хозяйки они прошли на открытую деревянную веранду. В голубом платье миди она выглядела очень женственно и элегантно. Плюс еще цепочка белого жемчуга на шее и жемчужные, в тон сережки-подвески. Майор внутренне восхищался женщиной.

Сразу за верандой начинался симпатичный, аккуратно подстриженный ландшафтный парк. И вообще, вид на окружающую яркую, сочную природу был просто фантастический. Они разместились в креслах вокруг небольшого столика. Майор обратил внимание на лежащую на столике старинную книгу в кожаном переплете. Определенно ручной работы и с медной застежкой (ремешком) сбоку. Оклад ее (обложка) были покрыты гравированными пластинами с разноцветными камнями.

«Старинный и наверняка дорогой раритет и антиквариат», — подумал о книге Зарембо.

— Есть ли аналогичные горные виды сейчас в России? — обозревая округу, спросила хозяйка.

— Да, — отрываясь от книги, ответил майор. — И на Кавказе, и на Алтае. Кроме этого, сейчас действует программа развития туристических международных горных кластеров на Урале и Камчатке, в Западных Саянах и на Байкале. И даже на Сахалине.

— Громадъём планов всегда отличалась Россия, — весело бросила женщина. — Не так ли, Иван Егорович?

— Естественно, Вера Ивановна, — улыбнувшись, ответил майор. — Ведь Россия — самая большая страна мира, и у нее, естественно, должны быть самые большие планы.

Хозяйка хитро улыбнулась и не ответила.

Подошла пожилая женщина-домработница в желтой униформе. Со своего подноса она составила на столик тарелку с несколькими видами сыра, в том числе с плесенью, тарелку с устрицами, колбасную нарезку, тарелку с фруктами, две бутылки воды и два бокала. После этого быстро и бесшумно ударилась.

— Чем конкретно вызван ваш приезд ко мне, господин майор? — спросила хозяйка.

Гость мило улыбался. Он безусловно понимал, что, несмотря на внешнюю благостность и вежливость, им предстоит сложный разговор. Возможно даже, разговор-битва.

— Исключительно благими намерениями, мадам Третьякова-Лаган. В России помнят и чтят всё, что связано с Павлом Михайловичем Третьяковым и его семьей.

Женщина чудно улыбнулась и воскликнула:

— Приятно слышать. Ведь Павел Михайлович — это вечный пленник. Он оказался в плену очарования шедевров живописного мирового искусства. Хотя какое-то время в России тема Павла Михайловича Третьякова была закрытой для публики, оваянной некими романтическими легендами и таинственными слухами.

— Да. Но сейчас всё встало на свои исторические круги. Павла Михайловича почитают и считают творцом, созидателем, новатором и борцом за свои идеи.

— Приятно слышать вполне заслуженные слова о нашем прапрадеде от человека вашей организации.

Вернулась невозмутимая пожилая женщина-домработница в униформе, с ведерком для шампанского в руках. Она поставила ведро на стол, ловко открыла бутылку и наполнила пенистым напитком бокалы. После этого быстро и бесшумно ударилась.

— Шампанское-брют — сухое игристое вино с минимальным содержанием сахара, — беря в руку бокал и весело смотря на гостя, изрекла хозяйка. — В моем доме крайне редко бывают гости из России. Предлагаю, майор, отметить ваш приезд бокалом шампанского.

— Премного благодарен, мадам Третьякова-Лаган, за оказанную честь...

— Иван Егорович, прошу без церемоний. Можете обращаться ко мне по имени и отчеству — Вера Ивановна.

– Спасибо. А вы, Вера Ивановна, следите за жизнью в современной России?

Они сделали по несколько глотков из своих бокалов, слегка закусили.

– Да. И по западным СМИ, и по российским.

– И каково ваше мнение?

– Видите ли... Если честно... то не всегда радостное, – медленно, очевидно подбирая слова, ответила женщина. – И это вполне естественно, ведь Россия сравнительно недавно вышла на капиталистический путь развития со всеми его изъятиями. Причем не на демократический капиталистический, а на олигархический капитализм.

– Это как? Не совсем понимаю.

– Всё решают не закон, а деньги и связи. Вот в России вроде законодательный парламент, даже двухпалатный. А в сенат не выбирает народ, а назначает президент. Например, сняли плохого губернатора, а затем его отправили в сенат. Почему? Да потому, что он свой человек для власти, да и многое знает. Или вот Государственная Дума. Есть там такой депутат, 30 лет сидит и 5 или 6 партий уже сменил. И еще собирается 30 лет просидеть. Он, кажется, возглавляет комитет по законодательству. Обласкан властью, награжден многочисленными орденами и прочими наградами. Спрашивается: какие он будет принимать законы? Те, которые нужны народу и стране? Или его начальству, дабы сохранить кресло? Или вот еще пример: в лихие 1990-е годы один адвокат защищал за деньги бандитов и преступников. А сейчас он депутат, сидит в Думе и распределяет бюджет страны! Триллионы рублей делит! В искренности его деления лично я не уверена. А что получается с законами по жизни? Обкуренный мажор на лихом спорткаре

сбивает на переходе женщину с ребенком и получает условный срок. Пенсионерка в магазине по забывчивости не оплачивает взятый ею сырок и тоже получает условный срок...

Майор слушал и удивлялся — не в глаз, а в бровь. И возразить было нечего.

— Меня очень многое удивляет в современной России, — продолжала хозяйка.

— Интересно, — вставил майор.

— Пожалуйста. Например, банковская система и странно большой банковский процент. Ссудный процент, устанавливаемый по произволу, — это параметр бесструктурного управления, а потому в истории практически всех государств прослеживаются весьма отчетливые периоды во взглядах на ростовщичество, связанные с особенностью управления государством. Так, если ведущая роль принадлежала собственному субъекту управления, то ростовщичество расценивалось как тяжкий грех и законодательно ограничивалось либо осуждалось, вплоть до смертной казни. Если же доминирующая роль принадлежала внешнему оператору управления, то законодательство изменялось, и запрет на ростовщичество упразднялся. При ныне действующем в России банковском проценте экономика не разовьется. Будут жиреть только банкиры и финансовые спекулянты. Это же элементарно, но это делается. После этого с высоких трибун делается заявление, что в России социальное государство.

«Поразительно!» — восхищался майор.

— Не могу не сказать о русской интеллигенции, — энергично продолжала хозяйка, — поскольку по сути сама являюсь ее продуктом. Интеллигенты — это носители богатой личной духовной культуры страны. В 1990-е годы, поддержав капиталистический путь развития России, они протоптали дорожку в посольство США. Бились

за гранты, были заметны и активны в поливании грязью СССР и всего советского. А что сейчас? По большому счету тишина. Весенние обострения в умах рыночных интеллигентов выливаются разве что только в уличные бои с мусоросборниками и в облаживание газонов.

Зарембо не переставал удивлялся хозяйкой:

«Какое одухотворенное лицо у этой прекрасной и уже пожилой женщины! Как она грациозна, глубока и мудра!»

— Считаю, демократический капитализм в мире закончился с распадом СССР. В современном западном буржуазном обществе процветают лень, ложь, обман, недоверие, глупость, легкомыслие, беспечность, порочность и прочие другие негативные пороки, — запальчиво и, очевидно, о наболевшем продолжала Третьякова-Лаган. — Я убеждена, у России должен быть свой особый, евроазиатский путь. Чисто западный путь для России — это тупиковый путь, путь морально-нравственного разложения и страшный, кровавый распад великой страны. Разрешите, Иван Егорович, я прочту вам одно характерное четверостишие?

— Пожалуйста, Вера Ивановна.

Хозяйка хитро улыбнулась и продекламировала:

Я знаю современный мир: в нём вор сидит на воре.

Мудрец всегда проигрывает в споре с глупцом.

Бесчестный — честного стыдит.

А капля счастья тонет в море горя...

«Как она образованна, современна и умна!» — продолжал восхищаться майор...

Глава 6

Ярославское шоссе...

Дюбуа уверенно вел машину по автомагистрали со свежеположенным асфальтом. По салону разносилась легкая мелодия. Погода стала портиться, небо заволокли тучи.

После сытной трапезы в трактире «Верста» у него, да и у Клеман, было вполне благодное настроение. Километры, километры... Слегка клонило в сон.

Миновали небольшой городок Петровск. Прямо на трассе стоял старинный собор с часами на многоярусной колокольне.

В деревне Львы, стоящей на берегу озера Неро, по обочинам — бойкая торговля: продают выловленную в озере рыбу, репчатый лук местного производства в больших связках, гусей, кур и кроликов.

А вдали, словно из сказки, вырастал город, судя по навигатору — Ростов Великий. Летопись которого насчитывает более тысячи лет, он настоящая жемчужина исторической России. Дюбуа читал в интернете, что главные достопримечательности города — красивейший кремль и Спасо-Яковлевский монастырь на берегу озера Неро.

— Один из древнейших городов России! — изрекла Клеман. — Симпатичный старинный городок со множеством нерешенных современных вопросов. Как то: дороги, тротуары, канализация, освещение, ветхое жилье, свалки...

Шоссе огибало город с левой стороны. Поэтому Дюбуа и Клеман лишь издали насладились видами старинного русского города. А также открывающейся великолепной панорамой озера Неро...

Подал сигнал сотовый телефон Клеман. Она быстро ответила и стала слушать абонента. Затем сказала:

— Спасибо, я вас, господин Триаль, поняла, — отключила аппарат.

— Какие новости у атташе? — спросил Дюбуа.

— Никаких. Всё идет по плану, — ответила Клеман.

Она не стала говорить Даниэлю о конкуренте в лице Кристобая Третьякова. Именно о нем сообщил Триаль и выслал фото агрессивного мексиканца...

Олег снова и как-то незаметно уснул:

...вот он вроде как приехал устраиваться на работу. Заходит в офис, где, как ему показалось, находится знакомый человек, примерно его возраста. Он нервно решает какие-то вопросы по телефону. Заметив вошедшего Олега, мужчина резко обрывает собеседника, отключает аппарат и кивает ему на дверь. В его глазах читалась некая надежда. Воодушевившись, Олег смело открывает дверь, заходит и оказывается в полутемном подсобном помещении. Как-то это всё не очень... Следом заходят два крепких охранника, в их руках резиновые палки. Ухмыляясь, они их разминают и весело смотрят на Олега. Что это значит!? Ловушка!? Возмущенный ситуацией, он бросается в атаку на охранников. И...

Франция, Верхняя Савойя, небольшой особняк в пригороде Анси...

— ...я предполагаю, что вас конкретно привело в мой дом, — вымолвила хозяйка. — Неужели всё очень плохо?

За шампанским и легкими закусками Третьякова-Лаган и майор Зарембо продолжали беседу.

— Пока нет, Вера Ивановна. Я как раз и прибыл для того, чтобы не допустить плохого, тем более трагического сценария для миссии Дюбуа и Клеман. Но для этого вы должны быть со мной искренни.

Хозяйка мило улыбалась.

- Я только «за», если это будет на паритетной основе.
- Со своей стороны я обещаю быть откровенным.
- Хорошо, Иван Егорович. Задавайте свои вопросы?
- Начну с главного вопроса. Что ищут в России Дюбуа и Клеман?

Третьякова-Лаган широко улыбнулась.

— Семейные реликвии.

— И всё же?

— О времена! О письме в шкатулке из банка вам, полагаю, известно?

Майор утвердительно кивнул.

— Так вот, в своем послании к нам Павел Михайлович Третьяков четко не обозначил ни место нахождения тайника, не назвал конкретные ценности в нем. То есть, содержание тайника узнаем только, когда вскроем его. Это было в стиле Павла Михайловича — устраивать сюрпризы.

— Интересная головоломка, — обдумывая услышанное, изрек майор.

Судя по его строгому лицу, было трудно понять, верит он хозяйке или нет.

— А имя будущего владельца ценностей тайника известно, Вера Ивановна?

— Весьма расплывчато, Иван Егорович. Мы его сейчас выясняем и вычисляем.

— Всё это очень интересно, — слегка улыбнувшись, вымолвил майор. — Надеюсь, вы, Вера Ивановна, понимаете, что помимо Дюбуа и Клеман на тайник сейчас нацелены и другие силы. Например, разведслужбы ряда стран, включая французские, да и ваши внутрисемейные недоброжелатели. Наша служба не может стоять в стороне.

Женщина покачала головой.

— Увы, да, понимаю. В качестве внутрисемейного недоброжелателя вы имеете в виду Кристобая Третьякова?

— Да. Но не только его.

Хозяйка пожала плечами.

— Не понимаю. Кто еще?

— Я имею в виду родственников по линии дочери Павла Михайловича — Любови Павловны. Вернее даже, по линии ее бывшего мужа, художника Николая Гриценко.

Хозяйка снова покачала головой.

— После его осуждения на 10 лет каторги, она развелась с этим проходимцем, и мы не в курсе его дальнейшей жизни. Это для нас чужой, отрезанный ломоть.

— Понимаю вас, и прошу выслушать его историю, ибо это имеет отношение к главной теме нашего разговора. В 1915 году Николай Гриценко, отбыв срок, вышел из Верхотурской тюрьмы. После революции 1917 года он объявился в Москве, женился. В годы НЭПа в Советской России он развернул бурную экономическую, вернее сказать, спекулятивно-художественную деятельность. Крутил, вертел, обманывал. За что в итоге и поплатился своей жизнью.

Третьякова-Лаган что-то тихо прошептала.

— Его жена, — продолжал майор, — практически одна воспитывала сына Николая. Он не захотел честно жить и работать, пошел по уголовной кривой линии. На склоне его лет одна его подруга родила ему тоже сына, его тоже назвали Николаем. Сейчас ему 40 лет, он ведет сомнительный образ жизни, представляется экспертом живописи. Вкупе с одной преступной группировкой открыл в Москве художественный салон, где торгуют подделками антикварных картин. Салон расположен на улице Большая Ордынка, это буквально в трехстах

метра от Третьяковской галереи, — достал из кармана пиджака смартфон, провел несколько манипуляций и передал его хозяйке.

Третьякова-Лаган посмотрела на фото мужчины, передала аппарат обратно и воскликнула:

— Судя по фото в вашем телефоне, этот отпрыск гаденыша спекулирует и прикрывается именем Павла Михайловича!

— Увы, да, Вера Ивановна. Кстати, как мы выяснили, этот «эксперт» Гриценко интересуется вашим Фондом и всем, что связано с семьей Третьяковых. Мы всерьез опасаемся, что во время проведения вашего мероприятия может пролиться кровь...

Олег проснулся. Перед глазами пробежали отрывочные фрагменты сна, сна неприятного и до конца не понятного.

«Черт-те что снится, — подумал. — И, вообще, сны о прошлом или будущем — это плохо или...»

Какое-то время еще полежал в «сенном» углу, затем снова стал маршировать по сараю. Он думал, вернее, пытался думать о своей дальнейшей судьбе. Но мысли постоянно путались...

Ничего конструктивного не приходило на ум. Вспомнил он и недавние слова подруги по несчастью, Эли, о современной дружбе. Начал перебирать своих товарищей и друзей, которые бы смогли ему помочь. И... остановился на первом и... последнем... Но подставлять его вовсе не хотелось...

Франция, Верхняя Савойя, небольшой особняк в пригороде Анси...

— ... Вера Ивановна, давайте будем реалистами, — строго продолжал майор Зарембо. — Существует три варианта развития вашей операции по исполнению наказа Павла Третьякова. Первый — вы заканчиваете, то есть сворачиваете свою операцию и полностью доверяетесь нам. Второй — вы продолжаете свою операцию, но в 100%-ной кооперации с нами. Третий, — слегка улыбнулся, — вы культурно отправляете меня домой и продолжаете свои автономные действия. Естественно, мы не прекратим свои автономные действия, другие конкуренты — думаю, также не остановятся. Пожалуйста, хорошо подумайте. Я вам обрисовал ситуацию — многие силы хотят поживиться за счет наследия Павла Третьякова. Уверен, что при реализации всех трех вариантов наверняка прольется кровь. И эта кровь, Вера Ивановна, частично будет на вашей совести...

Третьякова-Лаган находилась в глубоком раздумье. Безусловно, когда она принимала решение об отправке Дюбуа в Россию, она не предполагала и не думала обо всех возможных опасностях. Хотя для страховки и пригласила офицера Европола. Но даже сейчас, после всего услышанного от майора, давать отбой операции по исполнению желания Павла Михайловича она не могла. Ее бы не поняли в самом Фонде, да и себя бы она никогда не простила за малодушие.

— Прошу, Вера Ивановна, пожалуйста, серьезно обдумать мои слова, — поднимаясь, произнес Зарембо. — Завтра, скажем в 10 часов, я могу подъехать к вам. А в 14 часов у меня уже самолет на Москву, — положил

на стол визитную карточку. — Если хотите, можете мне позвонить. Еще раз большое спасибо за возможность пообщаться и угощение.

- А вы где остановились, Иван Егорович?
- В Женеве, в российском консульстве.
- Хорошо...

Дверь со скрипом отворилась, вошли два улыбающихся охранника.

- Живой? — весело спросил один.

Сидящий на одеялах в «сенном» углу, хмурый Олег не ответил.

В это время второй охранник поставил на пол пластиковый контейнер с лапшой «Доширак» и бутылку воды.

- Подкрепись, — весело бросил он.
- Что с моей подругой Элей? Ее доставили домой? — спросил Олег.
- Не ссы, мальчиша, всё у нее идет пучком, — весело ответил один из парочки.
- Ты лучше думай о себе, — усмехнувшись, добавил второй.

Охранники вышли, с шумом закрыли дверь. Олег остался один со своими невеселыми мыслями...

Ярославское шоссе...

Тучи как-то незаметно рассеялись.

Из-за леса показалась деревня с десятком заколоченных и заваленных домов возле самой дороги. Какие-то

из них буквально утопали в зеленых зарослях бурьяна, да крапивы с человеческий рост. У большинства давно рухнула крыша. На пригорке — деревянная покосившаяся часовня, представляющая грустное зрелище. И ни одного живого человека. Грустно и тоскливо было на всё это смотреть. Ведь когда-то здесь бурлила жизнь, игрались свадьбы, бегали дети...

Вскоре впереди вдали, в легкой дымке показался город Ярославль, раскинувшийся на берегах Волги и небольшой реки Которосль. Вот и панорама стрелки, слияние этих двух рек, откуда давным-давно собственно и начинался город.

— Я читала, — вымолвила Клеман, — что в 2010 году Ярославль отметил свое 1000-летие. Солидно. Ярославль вовсе не случайно получил титул столицы Золотого кольца России. В городе находится 140 архитектурных памятников, охраняемых ЮНЕСКО. Между прочим, Ярославль — родина русского театра. В 1750 году здесь

был создан Федором Волковым первый русский национальный общедоступный театр.

Не заезжая в город, Дюбуа свернул направо, на федеральную трассу Р-132, ведущую в Кострому.

Быстро проскочили какой-то поселок.

По обе стороны от дороги простирались густые зеленые леса.

Несмотря на хорошую физическую форму Дюбуа, усталость давала о себе знать. Но, судя по навигатору, до Костромы осталось совсем уже немного.

Вот показалась машина дорожно-постовой службы (или ГИБДД).

Но что это, стоящий с ней рядом полицейский жезлом приказывает остановиться!?

— Спокойно, спокойно, — изрекла Клеман. — Надо вести себя естественно и дружелюбно. Тормози.

Машина остановился рядом с полицейским, судя по погонам, капитаном.

Дюбуа опустил стекло дверцы машины и, улыбнувшись, вымолвил:

— Здравствуйте, господин полицейский. Я что-то нарушил?

— Капитан Орлов, здравствуйте, — козырнув, бросил полицейский. — Не нарушили. Просто обычная рутинная проверка. Пожалуйста, предъявите ваши документы?

«Остановил машину... Требуется документы? Черт-те что? — вспыхнул про себя Дюбуа. — Из машины я точно выходить не буду! — попытался успокоиться. — Впрочем, Клеман права, надо вести себя естественно», — передал паспорт и документы на машину.

Капитан полистал документ, медленно спросил:

- Цель поездки?
- Туристическая.

Полицейский внимательно взглянул на Дюбуа и сидевшую рядом Клеман и спросил:

– Господа, может вам помощь какая нужна? Вы куда конкретно едете?

– Спасибо, господин капитан, мне ничего не нужно, – ответил Дюбуа. – Простите, но я в данный момент спешу.

Полицейский кивнул, вернул документы, изрек:

– Счастливого пути, – козырнул и отошел в сторону.

«Фиат» продолжил путь. Клеман достала свой сотовый телефон и стала проводить некие манипуляции...

Между тем, проводив взглядом авто, капитан Орлов взялся за свой сотовый телефон. Сначала доложил своему начальнику о появлении иностранца. После этого сделал еще один личный звонок...

Олег понимал, что как бы ни было ему тяжело, он должен сохранять хорошую физическую форму. Это залог жизни и победы! Поэтому делал в небольшой избе-сараяе различные физические упражнения.

Закончив с ними, еще раз неспешно обошел всё помещение, осмотрел стены, пол, окна. Всё было хоть и старым, но достаточно еще крепким и надежным. Что-то сломать просто руками, без инструментов, было невозможно...

Женева, Швейцария, консульство Российской Федерации...

Сотовый телефон майора Зарембо подал сигнал. Он взглянул на дисплей, высвечивалось — Третьякова-Лаган.

— Слушаю вас, Вера Ивановна.

— Прошу меня извинить, но я, Иван Егорович, хотела бы ответить на ваш вопрос и не заставлять вас мотаться еще раз в нашу глушь.

— Ну что вы...

— Да-да. Так вот, и Фонд, и лично я всегда были законопослушны и остаемся ими. Давайте мы второй и третий предложенные вами варианты объединим и продолжим деятельность по исполнению завещания Павла Михайловича. Как мое предложение?

«Хитрая дамочка, — раздумывал майор, поправляя рукой свои богатые каштановые волосы. — Перехватила инициативу в свои руки, вносит свои гибридные предложения... Но, чтобы не встать на путь конфронтации, придется смириться... Начальство будет недовольно, что не смог убедить...»

— Предложение интересное, Вера Ивановна. Хорошо, давайте, так и поступим. Надеюсь, мы с вами будем поддерживать постоянную телефонную связь.

— Безусловно.

Закончив разговор, Зарембо стал звонить в аэропорт Женевы. Он надеялся, что возможно улетит в Москву более ранним рейсом, нежели забронированным...

Глава 7

Автотрасса Р-132...

Ярко светило солнце. За окнами «Фиата» мелькали лес, поля, изредка — населенные пункты.

Но вот справа за лесополосой показались большие производственные корпуса. Промелькнуло и название организации — «Мотор-дизель».

— Завод по производству авто-компонентов и автомобильных запасных частей, — вымолвила Клеман. — Крупнейшее предприятие Костромы, да и всей области.

А вскоре Дюбуа и Клеман увидели захватывающую панораму моста-красавца, большой реки и города.

— Кострома — один из старинных городов России с тысячелетней историей, — вымолвила Клеман. — Сейчас это крупный промышленный и туристический центр верхней Волги. В городе масса монастырей,

церквей и прочих культовых строений. Он по праву входит в Золотое кольцо России. Сейчас это областной центр с населением в 280 тысяч человек. Впереди, Даниэль, арочный железобетонный мост через Волгу длиной 1200 метров — одна из визитных туристических карточек города.

Серый «Фиат» уже двигался по грандиозному мосту. Справа по водной синей глади скользил катер, чуть дальше, не спеша, баржа с песком. С левой стороны моста вдали виднелся теплоход.

— Предлагаю сразу проехать к нашему главному объекту на улицу Симановского, — вымолвила Клеман.

— Согласен, — изрек Дюбуа. — Надо с ним сразу определиться по делу.

— Сразу не получится, надо к человеку присмотреться, — вымолвила Клеман.

— И долго будем присматриваться?

— Посмотрим по обстоятельствам...

Их авто вынуждено было двигаться медленно, движение на нешироких городских улицах было затруднено. По обе стороны улиц стояли старинные двух- и трехэтажные здания различного архитектурного стиля. По тротуарам следовали немногочисленные пешеходы.

— Старая часть города, застроенная еще в XVIII—XIX веках, периода бурного буржуазного расцвета города, — бросила Клеман. — Архитектурный эталон классической русской провинции. Хотя, как мы видим, встречаются и постройки советского периода, и даже редкие современные. Туристический потенциал города до конца не раскрыт, хотя здесь всё непросто.

Слева показался грандиозный величественный памятник.

— Памятник Ивану Сусанину — народному герою и патриоту земли русской, — прокомментировала Клеман. — Не гони, пожалуйста, Даниэль, не гони. Мы уже почти приехали. Возьми направо...

Дверь в сарай со скрипом отворилась, вошел хмурый охранник и следом «безопасник» банка. Олег в это время стоял у зарешеченного окошка.

— Как настроение? Какие мысли? — подходя к нему, весело спросил «безопасник».

При этом он своим неприятным взглядом буквально сверлил глаза Третьякова.

— Я вот думаю, рано или поздно эта комедия закончится, — тихо вымолвил тот. — Мы с тобой, Волков, встретимся в городе. Какими глазами ты будешь смотреть на меня? Ведь ты за свои бабки продался дьяволу!

И я у тебя точно не первый и не последний горемыка. Как дальше жить будешь? С какой совестью! А?

«Безопасник» посуровел лицом.

— Ты меня не стыди, не возьмишь. Лучше взгляни на самого себя.

— А что я? Обычный мирный человек. У меня обычная жизненная ситуация...

«Безопасник» громко и неприятно рассмеялся.

Париж, штаб-квартира DGSE...

В кабинете начальника Управления исследований находился его хозяин, полковник Бернар и ведущий сотрудник подразделения, майор Морель.

Последний докладывал о ходе операции «Фонд». Особенно подробно — о приезде в Анси к мадам Третьяковой-Лаган, исполнительному директору Фонда братьев Третьяковых, офицера ФСБ России по фамилии Зарембо.

— И все-таки мы были правы, когда открыли операцию «Фонд», — выслушав майора, довольно улыбаясь, изрек полковник. — Мы непременно должны извлечь из этого дела что-то интересное для себя. Я это чувствую своим нутром. Ждем развития событий в России.

— Кстати, — вставил майор. — Пришел ответ из Мексики на Кристобая Третьякова, одного из членов большого клана Третьяковых. Грешков за ним, — усмехнулся, — выше крыши. Даже не буду все перечислять. А Дюбуа и Клеман уже прибыли в город Кострому. Вы правы, будем ждать дальнейшего развития событий...

— Короче, Третьяков, — жестко продолжал «безопасник», — перекредитоваться тебе не дадут. Поэтому тебе предлагается четкий вариант. Ты в счет погашения кредита отдаешь квартиру. Вместо нее банк тебе предлагает жилье в общежитии или домик в деревне. Это, брат, на твое усмотрение...

— Спасибо, благодетели...

— Не ерничай, а думай, — грубо оборвал «безопасник». — Завтра утром приду за добровольным твоим согласием. Не согласишься, применим медикаментозные методы. Хотя можем применить и классические физические методы.

Нанес резкий молниеносный хук⁹. Его кулак остановился буквально в 2–3 сантиметрах от челюсти Олега. От неожиданности Третьяков вздрогнул и отшатнулся в сторону.

«Безопасник» явно довольно усмехнулся:

— Уже нокаут. Хорошая из тебя боксерская груша получится, — пружинисто отпрыгнул от Третьякова и изрек:

— Думай серьезно до утра.

Он и охранник покинули помещение.

«Опасный тип», — решил Олег и тяжело задумался...

Ярославское шоссе...

Кристобаль Третьяков на арендованной в Москве машине мчался в Кострому. Его старинный парижский

⁹ Хук (англ. *hook*) — классический фланговый удар из традиционного бокса в челюсть или корпус (печень). «Хук» в переводе с английского означает «крюк», что совпадает с традиционным русским названием этого удара.

друг Отто сообщил, что Дюбуа в сопровождении капитана Клеман направляется именно в этот город. Крестобаль нисколько этому не удивился. Ибо знал, Павла Третьякова связывало с этим городом очень многое. И долгая жизнь в тех краях, и бизнес, и личные дела...

Одновременно Крестобаль ругал последними словами старуху Третьякову-Лаган. Он не сомневался, что именно директриса Фонда натравила на него французское посольство в Москве. А эти болваны с перепугу сообщили о нем российской полиции. Хорошо, что он догадался прихватить в поездку и второй паспорт...

Подав сигнал сотовый телефон. Крестобаль сбавил скорость, достал аппарат, взглянул на дисплей. Звонил Отто из Парижа.

— Привет.

— Привет.

— Старинный друг из военной разведки сообщил, что по данным радиозлектронного пеленга г-да Дюбуа и Клеман заказали номера в костромском отеле «Волга».

— Заметано. Спасибо, друг, наше дело правое. С меня причитается.

— Само собой, и моя такса растёт...

«Интересно, — стоя у зарешеченного окна, думал Олег, — Эля сообщила в полицию о моем похищении?.. Впрочем, ее наверняка так запугали, что думать о полиции ей не приходится... Да и у банка всё везде схвачено... Как же мне выкрутиться из этой ситуации?.. Похоже, банкиры намерены перейти к решительным шагам по мне...»

**Кострома,
ул. Симановского, 22...**

Вот и искомый дом. Первый его этаж оказался нежилым.

Клеман и Дюбуа осторожно поднялись на второй этаж.

Находясь на лестничной площадке, они уже минут пять жали на звонок у двери квартиры под номером 3. И стучали в двери, и прислушивались и... лишь тишина.

Вот, наконец, дверь одной из трех квартир, выходящих на лестничную площадку, отворилась. Осторожно выглянула пожилая женщина в халате и в очках.

— Сколько можно стучать? — недовольно буркнула женщина. — Нет Олежки, нету.

— А где он? — спросила Клеман.

— Вчера рано утром какие-то мужчины в костюмах схватили Олежку и его подругу и увезли на черном микроавтобусе.

— Да как такое возможно? — изрек Дюбуа.

— Ой, милоч, всё нынче возможно, — хмуро выдавила женщина. — Бандиты и деньги могут всё, — и скрылась за дверью.

— Это связано с нашим делом? — тихо спросил Дюбуа.

— Нельзя исключать. В непредсказуемой России можно ожидать всего, — ответила Клеман, достала из кармана смартфон.

— Кому ты хочешь звонить? — спросил Дюбуа.

Он имел растерянный вид. В отличие от него капитан была сосредоточена и деловита.

— Надо поднять на поиски Третьякова местную полицию, — ответила Клеман. — Здесь при УВД области есть группа по взаимодействию с Интерполом и Европоллом, у меня есть их телефон. Ну и надо сообщить мадам Третьяковой-Лаган о возникших трудностях.

— А потом?

Клеман слегка улыбнулась. Эта ситуация по долгу службы ей была знакома. Она изрекла:

— А потом мы поедем в гостиницу «Волга» в забронированные номера и будем ждать результатов поиска...

Верхняя Савойя, Франция, небольшой особняк в пригороде Анси...

Получив от Клеман краткое sms-сообщение об исчезновении в Костроме объекта поиска, Третьякова-Лаган задумалась:

«Что это? Случайно ли Олег Третьяков пропал по своим делам?.. Или он пропал уже в связи с их наследственным делом?.. Тогда кто мог опередить их и похитить Третьякова?.. Возможно, похитители скоро предъявят ей свои требования для освобождения Третьякова? Скажем, денежные... Что делать мне? Просто ждать дальнейших событий? Или попытаться управлять ситуацией? Но как управлять из Франции? Сообщить майору Зарембо и попросить помощи? Он наверняка потребует всю информацию по наследству...»

После непродолжительных раздумий она решила позвонить майору.

— Добрый день, Иван Егорович.

— Добрый день, Вера Ивановна.

— В результате исследований установлен важный фигурант в нашем деле. Это костромич Олег Серафимович Третьяков. Наши люди прибыли к нему домой, но он оказался похищен местными бандитами. Мы в замешательстве.

— Спасибо, Вера Ивановна, за доверие, — медленно ответил майор. — Полагаю, мы решим этот вопрос. Если Олег Третьяков жив, то скоро он будет на свободе...

Олег снова маршировал по этому проклятому опостылевшему сараю. В голове был полный бедлам. Всё было плохо-плохо.

«Что предпримет банк?» — невесело раздумывал.

И самое страшное было то, что от него ничего не зависело...

Кострома, Управление МВД России по Костромской области...

— В городе находится капитан Европола и уже выявила тяжкое преступление, а я, начальник Управления, не в курсе этого, — шумел генерал-майор Мазур.

За его спиной на стене висели в рамочках два красивых цветных портрета: президента страны и министра внутренних дел.

Помимо крупного, с колоритным морщинистым лицом, хозяина кабинета в комнате находились также его подчиненные: полковник Иванов — начальник департамента уголовного розыска и майор Свицерский — начальник группы по взаимодействию с Интерполом и Европолом.

— Товарищ генерал, о прибытии французов, капитана Клеман и эксперта-культуролога Дюбуа, мы знали при пересечении ими границы области, — вставил полковник. — Просто не успели доложить вам.

— Так. И зачем капитан в наших краях? В каком качестве? Они говорят по-русски?

— В качестве обычного туриста, — быстро ответил майор. — Имеет полное право, как и ее напарник. Кстати, хорошо говорят на нашем языке, у них старинные русские корни.

Генерал-майор успокоился.

— А что по этому похищению? Этого, кажется Третьякова?

— Третьякова. Мы опросили жителей дома, — ответил полковник. — Его и подругу действительно вчера утром увезли на черном микроавтобусе. По городским камерам ГИБДД мы отследили микроавтобус. Он принадлежит банку «Горожанин»...

— Этого нам еще не хватало! — перебивая, воскликнул генерал-майор. — Крупнейший банк региона замешан в похищении людей! И еще капитан Европола путается под ногами!

Присутствующие знали, что президентом банка «Горожанин» являлась г-жа Добровольская, родственница генерал-майора. И знали, что банк при возврате кредитов часто ведет себя очень агрессивно, даже переступая через закон.

— Так, — продолжал хозяин кабинета. — Банк я беру на себя. Полковник, за тобой полное досье по этому делу, собери все улики, факты, опросы там. Майор, за тобой подробная информация о капитане Клеман. Кто она, что она и главное, зачем приехала в наши края? И почему с этим французом, экспертом Дюбуа? И зачем

им этот наш Третьяков? Да, заодно и про этот французский Фонд наведи справки. Всё, вперед, по ко́ням.

— Товарищ генерал, уголовное дело по факту похищения двоих людей открывать? — спросил полковник.

Генерал-майор задумался. Если официально открыть дело, то нужно будет сообщить в Москву. Затем придется довести его до суда, а это удар по банку и его родне...

Генерал выругался про себя и бросил:

— Пока не будем...

После ухода подчиненных Мазур задумался:

«Неприятная коллизия получилась с этим Третьяковым. А всё, по сути, из-за приезда капитанши Европола. Принесло ее... — ругнулся. — Пропал должник? Подумаешь, банкиры вытрясают свои деньги. Но, нет худа без добра, и наоборот. Надо создавшуюся ситуацию развернуть в свою пользу. Надо пригласить капитаншу в служебный загородный дом. Там бассейн, сауна... Если она ничего, — плотоядно заулыбался, — то можно будет с французенкой и покувыркаться... А потом в нужный момент «найдем» этого Третьякова и «похитителей» — каких-нибудь забуддыг предъявим... Глядишь, еще и награда прилетит...»

Генерал довольно потирал руки, и хотел было уже выпить свою дежурную соточку вискаря...

Но внезапно подал сигнал стоящий на рабочем столе черный телефонный аппарат. Не любил его генерал, ведь это была прямая связь с генералом Ермаковым, начальником Управления ФСБ России по Костромской области.

С плохими предчувствиями, не спеша, Мазур поднял трубку...

Олег стоял у зарешеченного окна и смотрел на волю. Там, кажется, не всё было в порядке. Стоял какой-то потрясающий холодный, стальной закат! Олег такого еще не видел в своей жизни. Серые и темные тучи... и даже чуть-чуть капал дождик. Было очень необычно красиво, и одновременно жутко красиво! Если не сказать — страшно...

«Это перед бурей так?.. — невесело прикидывал Олег. — Или перед моей кончиной?..»

Кострома...

В неважном настроении Дубюа и Клеман вышли из дома, сели в машину.

— Черт-те что!.. — ругалась капитан, одновременно и по-русски, и по-французски.

Отъехав от дома Третьякова и немного проехав по улицам города, серый «Фиат» подрулил к наземной парковке отеля «Волга».

— Солидное здание, — кивая на здание, вымолвил Дюбуа. — И расположено удачно: на берегу Волги, с хорошим обзором.

— Да, — согласилась уже успокоившаяся Клеман. — Судя по данным интернета, здесь каждые двое из трех посетителей — это иностранцы-туристы. Как и мы. Наши номера на пятом этаже. Даниэль, здесь нам светиться особо не стоит. Сам понимаешь, почему.

Дюбуа понимал.

Они вышли из автомобиля. Солнце уже заходило за горизонт.

Фойе отеля оказалось весьма оживленным, слышалась иностранная речь. Клеман и Дюбуа оформили номера у администратора. Молоденькая девушка при оформлении просто не спускала глаз с Дюбуа. Она явно «запала» на рыжеволосого мужчину-красавца. Польщенный вниманием Даниэль слал ей белозубые улыбки, начал отпускать комплименты. Клеман внутренне вспыхнула и просто не могла не вмешаться. Она больно ущипнула напарника за ногу.

— Я очень хочу есть, — уже в лифте изрек Дюбуа.

— Я тоже, — согласилась Клеман. — Давай сделаем так. Дабы не светиться, я в свой номер закажу капитальный ужин на мой вкус и на двоих. И мы его успешно уничтожим. Как мое предложение?

Дюбуа широко улыбнулся.

— Я только «за».

— Тогда, Даниэль, приходи ко мне в номер через полчаса. Форма одежды неофициальная, свободная...

Дверь в сарай со скрипом отворилась, вошел хмурый охранник с фонарем в руке и следом — второй охранник банка. Олег в это время лежал на одеяле в «сенном» углу.

— Встать, Третьяков, — грозно бросил первый охранник.

Олег не спеша поднялся.

— Ты не решил, как будешь рассчитываться за кредит с банком? — спросил второй охранник.

Первый охранник в это время освещал Третьякова лучом фонаря.

— Я уже отвечал на этот вопрос, — уклоняясь от луча, буркнул Олег.

— Тебе жить. Ладно, пошли на выход.

Вскоре Олег вместе с охранником ехали на заднем сидении иномарки. За рулем находился второй охранник. На улице было темно, по бокам дороги стоял темный лес.

«Куда едем? Что решили банкиры?.. — невесело раздумывал Олег. — Неужели едем в банк подписывать документы по квартире?.. Где я буду жить?..»

Кострома, акционерный банк «Горожанин»...

Несмотря на позднее время (21 час) генерал Мазур отправился в банк. Он знал, что его двоюродная сестра, Рая Добровольская, всегда допоздна находится в банке. А порой там и ночует. Причиной этого внеурочного визита стал вечерний звонок генерала ФСБ Ермакова и последующий малоприятный разговор. Ермаков

прямо обвинил Мазура в бездействии по отношению к постоянным правонарушениям руководителей банка «Горожанин» и чуть ли не в оказании банку общего покровительства...

Минуя охрану, которая не решилась остановить генерала, грозный Мазур решительно направился к кабинету президента банка. Из кабинета сразу проследовал в личные апартаменты. Он застал следующую картину: ярко освещенная комната, музыка, почти голая, полная Рая лежала на диване, перед ней танцевал голый молодой мужчина, невдалеке стоял столик с бутылками и закусками.

— Пошел вон! — испепеляя взглядом молодого человека, грозно рявкнул генерал.

Парень явно испугался, прихватил свои вещи и выбежал из комнаты.

— Ты что раскомандовался, Григорий? — проскрипела определенно пьяная женщина. — Ты не у себя в кутузке.

Мазур бросил в ее сторону какое-то вещи.

— Оденься, Райка, неприятно на тебя разжиревшую и обрюзгшую смотреть...

— А сам-то каков боров! — перебила женщина.

Килограммов сто, если не более, генерал точно весил.

— Муж ушел, дочь сбежала, ты трахаешься с «мальчишками по вызову», — не обращая внимания на женскую «шпильку», строго продолжал Мазур. — Позор! Позор! Алкоголь превратил твой голос в грубый мужицкий бас, тело — в бесформенный кошмар, отшиб совесть, стыд и память. Безмерно прибавил наглости и вседозволенности. Ну просто типичный современный рыночный управленец.

— Да, братик, без алкоголя я не могу, слишком мне больно и одиноко, — натягивая на себя узкую, яркую блузку, огрызнулась женщина.

— Когда-то ты была умной и симпатичной. Я помогал тебе. Но вседозволенность и бешеные, нечестно заработанные деньги сделали из тебя полную уродину.

— На себя посмотри, братик. Чванливый сноб в мундире! С презрением и свысока смотришь на других людей. Думаешь, они этого не видят? И не осуждают тебя?

При этом надевая ожерелье с белоснежными жемчужными бусинами в три ряда от бренда «Шанель».

— Прекрати истерику! — рявкнул генерал. — Всё излишне молодиться, одеваешься, как девочка! Срамота!

— Но я же не старуха!

Генерал махнул рукой.

— Ты дала команду похитить Третьякова? Ну, говори?

— Третьякова, Третьякова, — задумалась женщина. — А, этого должника по кредиту? Да, я.

— Похищение человека! Это же 10 лет строгого режима! Немедленно дай команду вернуть его домой.

— А что случилось? Григорий, объясни?

— Немедленно! — рявкнул генерал. — Иначе от вселенского позора я сам завтра упеку тебя в психушку! А банк твой прикрою к чертовой матери! Нормально работать не можете!

Разгневанный генерал направился к выходу.

Уже в коридоре он встретил идущего навстречу Волкова, начальника службы безопасности банка. Очевидно, после появления генерала в банке его срочно вызвала охрана.

— Думаешь, если трахаешь мою сестру, то я не смогу засадить тебя лет на десять? — рявкнул в его сторону Мазур. — Ведь ты — бывший мент, законы знаешь! А... (ненормативная лексика)

«Безопасник» остановился и вытянулся в струнку, как солдат-первогодка. Два года назад, в звании майора, он был уволен из органов за превышение служебных полномочий (проще говоря, за жестокое избиение двух задержанных).

— Э... Григорий Григорьевич...

— Немедленно освободите Третьякова! — перебивая его, уже злоеще-тише добавил генерал. — И чтобы без эксцессов! Немедленно! — и проследовал к выходу...

Глава 8

Москва, Большая Лубянка, штаб-квартира ФСБ...

В кабинете подполковника Новова, помимо его самого, находился только что прилетевший из Женевы майор Зарембо.

Офицеры энергично обсуждали ход операции под кодовым названием «Шкатулка». И особенно, конечно же, словесную встречу-битву в Альпах майора с мадам Третьяковой-Лаган. Майор подробно проинформировал шефа, предоставил несколько фотоснимков.

— Женщина просто уникальная, осталась безупречно красивой даже в старости, — рассматривая фото, вымолвил Новов.

— У меня к вам, Федор Федорович, будет просьба, — вымолвил майор. — Помните, мы направляли запрос в МВД России на Гриценко по его делам в части художественного искусства?

— Да, помню.

— Тянут с ответом МВДшники. Я уже звонил им в отдел по борьбе с хищениями культурных ценностей (или так называемый «антикварный» отдел). Что-то они темнят. Вроде есть материал по Гриценко, вроде нет. Надо бы на них надавить.

— Хорошо, Егор Иванович, надавим.

— И еще, надо запросить у костромских чекистов, а также и полицейских, материалы на костромича Третьякова Олега Серафимовича. А также все данные на дом, в котором он проживает...

По результатам непростого обсуждения хода операции было решено: срочно направить Зарембо в Кострому.

— Не игнорируй местных правоохранителей, — напутствовал подполковник. — Как наших коллег, так и полицию. У нас есть на них некоторый материал, ознакомься. Но, так или иначе, они лучше нас с тобой знают ситуацию в регионе...

Всматриваясь сквозь затемненные окна микроавтобуса, Олег пытался понять, где они едут. Машину изрядно трясло, она ехала на небольшой скорости. Кругом как-то было невзрачно: кустарники, хилый лес.

Вот машина повернула на 90 градусов, дорога стала более ровной, лес по обочинам большой, ровный.

«Съехали с проселка на шоссе, — всматриваясь в окно, решил Олег. — Неужели едем обратно в Кострому?.. Или на север в Сусанино?.. Точно в Кострому...» — повеселел...

Кострома, акционерный банк «Горожанин»...

Когда Волков вошел в личные апартаменты президента банка, Добровольская, уже полностью одетая, энергично с кем-то разговаривала по телефону.

«Безопасник» прошел к столику, наполнил две рюмки водкой.

Добровольская закончила разговор, подошла к столику. Они молча выпили.

— Что случилось с этим Третьяковым, Рая?

— Ты его выпустил? — вместо ответа спросила женщина.

— Да, еще час назад. Как узнал от друзей из полиции об интересе к нему двух приезжих французов. Так что же случилось?

— Черт знает, что!.. — женщина грязно ругнулась. — До конца пока не ясно, даже генерал не знает. Но пока ситуация следующая. Эксперт Фонда братьев Третьяковых из Парижа и капитан Европола прибыли к нашему Третьякову по каким-то непонятным делам.

— Парижский Фонд Третьякова и наш Третьяков — может здесь какое-то родство? — медленно выдавил Волков.

— Всё может быть, мой Шерлок Холмс. Но нам нельзя попасть в переплет. Но и деньги за кредит или его квартиру нам нельзя терять. Давай будем думать. Наливай еще...

Машина резко затормозила и остановилась.

— Так, Третьяков, курс воспитания должника закончился, — вымолвил сидящий рядом охранник. — Выходи и шлепай домой, — передал ему ключи от квартиры. — Но долг по кредиту за тобой остается. Хорошо подумай. Давай, выходи, и без обид.

— Вы Элю, мою подругу, доставили домой? — спросил Олег.

— Она приболела, и мы ее доставили в медцентр, — ответил охранник.

— В какой медцентр?

— Выходи давай! — прикрикнул охранник. — Не маленький, сам разберешься! — и вытолкнул Олега из машины.

Машина мгновенно умчалась...

Хальштатт, Верхняя Австрия...

В этом сказочном небольшом городке, вернее даже деревеньке, Николай Гриценко на заработанные на «художественной ниве» деньги, купил небольшой, похожий на игрушечный, домик.

Пять лет назад, путешествуя по Австрии, он оказался в этом волшебном поселении и сразу полюбил эти места. И как можно было не полюбить это поистине чудесное и сказочное место?

Кроме того, при покупке дома он исходил из вполне прагматических соображений. Гриценко понимал, что рано или поздно его полукриминальный «художественный бизнес» рухнет. И ему придется срочно retirоваться. Возникал вопрос: куда?

«Именно сюда», — решил он.

В тайник Павла Третьякова с несметными сокровищами Гриценко не верил. Он неплохо изучил биографию Павла Михайловича и знал, что все свои свободные деньги заядлый коллекционер вкладывал именно в приобретение новых картин. Но и отказываться полностью от этого факта — наличия тайника, Гриценко не мог. Но пресс-секретарь французского посольства, на которую он сделал ставку, его разочаровала. А заметив к себе некое внимание, Гриценко решил уехать в Австрию. Закрыл свой салон «на ремонт», отправил троих сотрудников в отпуск. Ведь он дважды привлекался к следствию по статье 159 УК РФ «мошенничество» с картинами, и выйти сухим из этих дел стоило ему больших усилий и средств. А теперь он из Австрии будет интересоваться поисками тайника. Зарядил для этого дело одного человека, частного детектива по фамилии Грив.

Была еще одна причина у Гриценко для быстрого отъезда. Прикормленный знакомый офицер из «антикварного» отдела МВД сообщил, что им заинтересовалась ФСБ. Скорее всего, интерес был вызван именно старым «третьяковским» тайником. А возможно и нет, какими-то новыми делами...

Оказавшись на улице, Олег осмотрелся по сторонам. Было уже темно. Он совершенно точно находился на Сусанинской площади (или на «сковородке») в центре города.

«Неужели мои мучения закончились? Или они будут продолжаться? — подумал, вспомнил слова охранника. — И еще главное — без обид... кровопийцы-банкиры?..» — грязно выругался.

Глубоко выдохнул, запахнул халат и быстрым шагом направился к своему дому...

Кострома, отель «Волга»...

Клеман заказала шикарный ужин. Его оперативно доставили в ее номер.

Войдя в ярко освещенный номер напарницы, Олег удивился богато накрытому столу. Удивился и одежде капитанши — легкий, полупрозрачный халатик. Под ним просматривались гармоничная, гибкая девичья фигурка, и лишь трусики-веревочка.

«Дела!?» — лишь восхищенно выдал Дюбуа.

Фитнес, загар, достижения современной моды и маникюра были очень удачно использованы женщиной.

— Даниэль, проходи, располагайся, — слегка извиваясь и показывая свои прелести, изрекла широко улыбающаяся капитанша. — Поскольку у нас сейчас неофициальная встреча, можешь обращаться ко мне по имени, просто Мариз.

Все предубеждения по части Даниэля, возникшие у нее при их первой встрече, были напрочь отброшены. Но было не ясно: отброшены навсегда или на время?..

Искренне удивленный Дюбуа не знал, что и ответить.

А хозяйка уже умело открыла бутылку вина, наполнила бокалы.

— Предлагаю выпить за удачный первый этап нашей миссии, — пожирая взглядом Дюбуа, предложила Клеман.

— Прекрасный тост, — подыгрывая хозяйке, выдавил Дюбуа.

Хотя не совсем понял, о каком этапе идет речь...

Они не спеша и отменно насытились, выпили вина, поговорили на свободные темы.

Клеман включила музыку и предложила потанцевать. Напряжение и некая стеснительность покинули Дюбуа после второго бокала. А их было за вечер четыре. Они танцевали медленный танец, потом быстрый. Они были так близки! Мариз просто светилась огнем и страстью! Как прекрасна и соблазнительна была молодая женщина в танце! И, несомненно, преисполнена сексуальным желанием.

В какой-то момент она игриво вымолвила:

— Как ты, Даниэль, относишься к дружескому сексу? Дюбуа уже ничему не удивлялся.

Энергично ответил:

— Полагаю, в некоторых случаях он просто жизненно необходим и женщине, и мужчине. Например, при серьезных стрессо-опасных делах и операциях, для эмоциональной стабилизации и нормальной работоспособности. Примерно, как у нас с... — специально не закончил фразу.

Клеман призывно улыбалась.

— И я такого же мнения. Тогда, милый напарник, идем в душ.

– Идем, милая Мариз...

Под душем Дюбуа просто ошалел от естественной природной женской красоты напарницы. А конкретно, от стройного подтянутого загорелого тела: груди с шоколадными сосками, животика с пикантной тату, точечных ножек, между которых таилась идеально выбритая промежность... А сзади красовались упругие, как дыньки, аппетитные ягодицы...

На него нахлынули эротические чувства и неукротимые сексуальные желания...

В поздний час движение на вечерних городских улицах было минимальным. Но оно было, и кое-кто из пешеходов удивленно озирался на Олега.

Двое стоявших у одного дома молодых парней, вполне возможно уже хорошо выпивших, увидев Третьякова в халате и тапочках, громко рассмеялись.

А один весело бросил:

– Ты что, из дурки сбежал?

– Сами придурки. Жена из дома выгнала. Бегу к другу, – отмахнулся на ходу Олег.

Один из парней бросился к нему.

– Как ты нас назвал, debil?

Олег вспыхнул от негодования. В нем было просто немерено ярости и злости!

– А тебе, я смотрю, нравится, когда тебя называют придурком.

Парень замахнулся и попытался ударить Олега. Но он ловко увернулся и сам ударил нападавшего. Парень упал на землю и заскулил. Его кореш, очевидно осознав

происходящее явление, агрессивных действий по отношению к Третьякову не предпринимал.

Олег сплюнул и продолжил свой путь.

Вот и его дом. Вот и дверь его квартиры. Олег достает ключ, вот он уже в квартире. Быстро обошел и осмотрел все комнаты и помещения. Всё, кажется, было на своих местах. Проверил свой сотовый телефон, удалил несколько пришедших рекламных рассылок.

В спальне наткнулся на некоторые вещи Эли, ее бижутерию и сотовый телефон.

«Прости меня, девочка...»

Стало очень-очень грустно и больно...

Кострома, отель «Волга»...

Выйдя из номера Клеман, расслабленный Дюбуа отправился в свой номер. Он находился буквально в пяти метрах.

Вот Дюбуа уже в своем номере. Перед глазами еще мелькали эротические кадры встречи с Мариз. Такого наслаждения и удовлетворения он не испытывал давно. Всё было исключительно естественно и гармонично... Внезапно он получил удар сзади по голове и... упал на пол...

Ударил Дюбуа крупный загорелый мужчина. Сейчас он стоял над лежащим телом француза и, очевидно, обдумывал свои дальнейшие действия. Но... почти так же внезапно, как и Дюбуа, загорелый мужчина получил удар сзади по голове и упал на пол рядом с Даниэлем. Это Клеман ловко приложила незнакомца. Выпроводив

Дюбуа из своего номера, она для страховки пошла за ним. И как нельзя кстати...

Вскоре Клеман сумела привести в чувство Дюбуа.

— О! Моя голова! — болезненно выдавил он, крутя головой.

— Как известно, лучшее средство от головы — гильотина.

— О! Умеешь ты, напарница, успокоить.

— Сам виноват. В нашем деле нельзя терять бдительность.

— Ты его убила? — кивая на лежащего крупного загорелого мужчину, спросил Дюбуа.

— Нет, только оглушила. Нам, Даниэль, надо срочно отсюда выезжать, — изрекла капитан. — Нас выследили. Давай, напарник, приходи в себя, собирай вещи.

— Кто выследил? И кто это такой? — снова кивая на лежащего крупного загорелого мужчину, спросил Дюбуа.

— Это Кристоаль Третьяков из Мексики. Очень дальний родственник по «третьяковской» линии. И он, как и мы, по тому же делу. Всё, быстро собирайся, Даниэль, мы уходим из этого отеля. Подробности потом, по дороге...

— Но...

— Все вопросы потом...

Олег ощутил зверский аппетит. И это не мудрено — после «сытной» кормежки в сарае у банкиров. Он быстро опустошил содержимое своего холодильника. В голове бродили самые разнообразные мысли: о банкирах, об Эле, о своей дальнейшей жизни...

В конце концов он совсем разморился. С трудом принял душ и отправился на кровать. «На автомате» включил телевизор, попал на какой-то музыкальный клип. Пел полуголый молодой человек. Олег попытался послушать и понять исполнителя. Но очень быстро оказался поражен бестолковостью и глупостью текста, безголо-состью и полной мажористостью клипа.

В голове вертелся вопрос: как жить дальше?

Еще совсем недавно ему казалось, что на всё хватит сил, что всё ему по плечу. Но вот сейчас этого голого оптимизма у него вовсе не было. Жизнь ему предстоит далеко не сладкая, без каких-либо приятных развлечений и радостей...

Кострома, отель «Волга»...

После отъезда из номера проживающих, дежурная горничная всегда делает в этом номере уборку. Ведь надо быстро подготовить номер для новых посетителей.

Вот и сейчас, в номер, из которого выехал французский гость, вошла горничная, женщина средних лет. Из прихожей она прошла в туалет, затем направилась в гостиную. Вошла и... ахнула. На полу лежал крупный загорелый мужчина в темной одежде.

Горничная вскрикнула и побежала к дежурному администратору.

Примерно через три минуты в номер вошли администратор-женщина, крупный охранник и горничная. Но лежащего мужчины на полу гостиной не было.

— Чудеса! — воскликнула горничная. — Он лежал здесь!

— А ну дыхни! — крикнул охранник.

— Трезвая я, — дыша на него, изрекла горничная. — Я видела его своими глазами! Крупный мужчина с загорелым лицом, короткостриженный, в темной одежде, лежал на полу бездыханно. Надо сообщить в полицию.

— Никакой сейчас полиции, не будем пугать наших постояльцев. Занимайтесь своими прямыми обязанностями, — строго бросила горничной администратор. — Когда закончите уборку, напишите на мое имя объяснительную по этому случаю. А вы, — обратилась она уже к охраннику, — внимательно проверьте все видеокамеры здесь, на этаже. И еще на улице, мужчина должен был на чем-то подъехать и, очевидно, отъехать. Надо разобраться в ситуации самим. Потом и решим, сообщать ли в соответствующие органы что-либо, или нет.

Она направилась к выходу, за ней направился и охранник. С удивленным выражением лица горничная осталась в номере...

Олег проснулся, взглянул на часы. Они показывали половину третьего ночи. Он почему-то сразу вспомнил свою подругу по последним приключениям, безобидную простушку Элю.

«Как там она? Как здоровье? В какой медцентр ее доставили банковские охранники?.. Завтра надо будет всё это выяснить...»

Он долго не мог уснуть...

Кострома...

Ретировавшись по запасной лестнице и воспользовавшись затем запасным выходом из отеля, злой Крестобаль заскочил в свою арендованную машину и дал газу.

Отъехав на несколько кварталов, он заехал на какую-то неохраняемую, плохо освещаемую автостоянку. Было уже темно. Крестобаль решил обдумать сложившуюся ситуацию и немного отдохнуть...

Патрульная полицейская машина ДПС не спеша двигалась по городским улицам. Сидящие в ней капитан и лейтенант только что получили ориентировку на машину с московскими номерами и загорелым водителем за рулем.

Вот машина оказалась у одной полутемной автостоянки. Внимание офицеров привлекла один автомобиль.

— Это машина из последней ориентировки! — воскликнул сидящий за рулем лейтенант.

— Вижу, не ори. Давай тихо подъезжай к ней. И встань перед носом, дабы отсечь дорогу. А я сообщу на базу, пусть высылают группу захвата. Я не хочу рисковать и связываться с этим, наверняка отмороженным, москвичом.

— Водила, похоже, спит, — изрек лейтенант. — Может, сами возьмем его? А, капитан?

— Лейтенант, ты молодой, бессемейный. Я тоже таким был смелым, в итоге два ранения. А сейчас у меня еще три спиногрыза дома, и я не имею права рисковать.

Олег проснулся в 5 часов утра с тяжелой головой.

«Блин!.. — недовольно воскликнул. — Голова моя, головушка! У меня куча проблем! Надо хорошо выспаться. И со здоровой, светлой головой решать свои проблемы».

Снова завалился спать...

Кострома, отель «Екатерина»...

Автомобиль остановился у симпатичного небольшого здания.

— Это частный небольшой отель. Полагаю, нас здесь никто не найдет, — заявила Клеман.

Фойе отеля поразило своим изысканным убранством и... мозаикой. Пол, стены и потолок были украшены

разноцветной мозаикой. На ресепшене капитан оформила номер на двоих на свой паспорт. И, как показалось Дюбуа, паспорт левый.

В просторном номере с красивым интерьером, выполненным в классическом стиле, панорамным окном, имелось всё необходимое для комфортного проживания.

— Извини, Даниэль, но я привыкла спать одна, — сразу решительно заявила Клеман. — Поэтому спальная комната остается за мной, а гостиная с диваном — за тобой.

Дюбуа вынужденно согласился. Хотя он был явно не прочь отдохнуть рядом с ней.

— Время позднее, завтра у нас непростой день, — сказала Клеман. — Давай спать, напарник.

По дороге от отеля «Волга» она рассказала, кто такой Кристоаль, и высказала предположение, как он их вычислил в отеле, и зачем напал на Даниэля.

«Выпотрошив из меня всё, этот тип точно убил бы меня, — подумал Дюбуа. — И какая молодец Мариз!»

— Спасибо тебе, напарница. Я твой огромный должник...

— Не забивай голову ненужными вещами, ведь это моя работа. Давай отдыхать.

— Давай...

Глава 9

Кострома, Управление МВД России по Костромской области...

В комнате для допросов находилось двое мужчин. С одной стороны стола сидел крупный, загорелый мужчина с брутальной внешностью, неопределенного возраста, в темной одежде. С другой — мужчина средних лет в сером костюме, с богатыми каштановыми волосами. Это майор Зарембо.

— При задержании у вас изъяли два иностранных паспорта: мексиканский и гватемальский. Кто вы на самом...

— Я протестую! — громко перебил загорелый мужчина. — Я иностранный подданный! Меня незаконно арестовали! Я требую консула! — его глаза извергали, казалось, жгучие молнии в сторону собеседника.

Мужчина в сером костюме спокойно выслушал словесную тираду. И затем спросил:

— Какого консула? Мексики? Или Гватемалы?

Загорелый мужчина заерзал на стуле, уставился в стол.

— Я в вашей стране, господин майор, никаких противоправных действий не совершил.

— Вас не арестовали, а задержали для выяснения личности. Я предлагаю перейти к конструктивному

разговору, господин Третьяков. Поверьте, мы многое о вас знаем.

Загорелый мужчина явно недовольно скрипнул зубами и сверкнул глазами.

— Меня посадят в вашу тюрьму? В ваши, как это там... большие мордовские лагеря?

Майор слегка улыбнулся.

— При конструктивном сотрудничестве с нами, уверен, вас просто вышлют на родину.

— Вы предлагаете мне отказаться от мечты моего отца и мечты всей своей жизни? — воскликнул загорелый мужчина.

— Захватить любой ценой чужое добро и сильно разбогатеть? — усмехнулся майор.

— Не чужое, во-первых, а законное, наследственное, — изрек, махая руками, загорелый мужчина. — Во-вторых. А что, будет лучше, если его захватит этот недоносок и сосунок Дюбуа вместе со своей свихнувшейся старухой — директрисой Фонда?

— Поясняю, — спокойно вымолвил майор. — Вследствие давности лет, по законам России, это наследие должно принадлежать российскому государству и российскому народу. Убежден, так оно и будет. Подумайте хорошо, Кристоаль, ведь решается ваша дальнейшая судьба. Мифические ценности или реальная свобода и жизнь? Подумайте. Кстати, что вы делали в отеле «Волга»? — выложил на стол фото машины Третьякова у отеля.

Кристоаль пожал плечами.

— Я практически не знаю город, возможно, и подъезжал к отелю.

Майор выложил другое фото — человека, идущего по коридору отеля, похожего на Кристоаля.

— А что вы делали в самом отеле?

— Я не был в самом отеле, — не моргнув глазом, быстро ответил Крестобаль.

Майор улыбнулся.

— Но на фото вы?

— Повторяю, я не был в отеле. Фото... э... действительно похожего на меня человека. Или это вообще провокация, фотошоп.

— Воля ваша, — убирая фото, вымолвил майор. — По закону мы вас можем задержать на 48 часов. Что мы и сделаем. Пожалуйста, серьезно подумайте о своей дальнейшей жизни...

Как бы ни было трудно, но Олег заставил себя сделать утреннюю разминку.

Из вчерашних остатков приготовил себе скромный завтрак. Попил и чайку. Сделал небольшую приборку в квартире.

В голове крутились одни и те же мысли: о банкирах, об Эле, о своей дальнейшей жизни...

Вертелась в голове мысль: почему банкиры его отпустили? Ведь они могли его добить, в смысле — забрать квартиру. Но... отпустили, дали время...

Как решить все навалившиеся на него проблемы он не знал. Небольшие деньги у него еще были, и он решил сходить в ближайший магазин за продуктами...

Кострома, отель «Екатерина»...

Клеман заказала завтрак в номер. Два официанта доставили заказ весьма оперативно.

Едва приступив к его уничтожению, Дюбуа тихо вымолвил:

— Мариз, пожалуйста, расскажи о своей жизни.

Клеман пристально взглянула в лицо напарника.

— Ты полагаешь? Ведь первый секс может быть и последним...

— Мы в одной связке, — решительно продолжил Даниэль. — Ты спасла мне сегодня жизнь. Возможно, завтра я спасу тебя. И я хотел бы знать о тебе больше, чем знаю сейчас. Если быть точным, то сейчас я практически ничего о тебе не знаю.

Их взгляды встретились. Судя по всему, Дюбуа был настроен решительно. Этот взгляд заставлял многих девушек и женщин смущаться и даже краснеть. Но только не самодостаточную, уверенную в себе капитана Клеман.

Она посуровела лицом, медленно кивнула и вымолвила:

— Хорошо, слушай, напарник. Но всё у меня банально и просто. Родилась 33 года назад в промышленном, далеко не самом благополучном пригороде Парижа. Обычное детство: детский садик, школа, спортивные секции. Я была, говорили, очень способной и очень послушной девочкой. Затем университет Сорбонна¹⁰. Далее спецшкола полиции и вот уже 10 лет — самая обычная служба

¹⁰ Университет Сорбонна — это один из старейших (история начинается в XIII веке) и престижных университетов Европы и мира, расположенный в Париже. Огромный (более 100 тыс. студентов) научный, исследовательский, культурный и духовный центр, где можно получить образование по самым разным направлениям: гуманитарному, медицинскому, филологическому или юридическому. Крупнейшее учебное заведение Франции. А также интереснейший архитектурно-исторический комплекс, привлекающий внимание туристов.

офицера в Европоле со множеством командировок. Как правило, в Восточную Европу, ведь я неплохо знаю русский язык.

— А личная жизнь?

Капитан вымученно улыбнулась.

— Были мимолетные, не особо радостные встречи с мужчинами. И даже одна попытка создать семью. К сожалению, при совместной жизни возвышенные чувства быстро исчезли. Равно, как и ощущение света, теплоты и искренности, щемящей нежности и любви.

«Да она тонкая натура? — удивлялся Дюбуа. — И... определенно несчастлива».

— Почему расстались, Мариз?

— Увы, но с другом у нас сложились односторонние отношения.

— Поясни, пожалуйста.

Клеман молчала и напряженно о чем-то думала, возможно, вспоминала.

— Пожалуйста.

Капитан вымученно улыбнулась.

— Хорошо. Односторонние отношения — это когда вкладываешь в партнера все свои силы, не получая взамен никакой поддержки и усилий с его стороны. Этот вид отношений является напряженным, болезненным и трудным по различным причинам. Порой после общения с партнером ты чувствуешь себя опустошенным и обессиленным. В таких отношениях вы никогда не чувствуете себя в безопасности. Постоянно боитесь расстроить своего партнера или вызвать конфликт, и даже взрыв. Вы совсем не можете положиться на партнера. Он часто не искренен с тобой. К тому же, как выяснилось позже, уже при совместной жизни, мы не могли иметь своих родных

детей из-за генетической несовместимости. К услугам суррогатной матери я прибегать не хотела.

Клеман замолчала. Было видно, что этот разговор дается ей нелегко. Дюбуа не стал ее добивать. Он просто бросил:

– Мне говорить о себе не имеет никакого смысла. Ведь ты, Мариз, читала мое досье?

Клеман кивнула.

Подав сигнал ее телефон.

– Извини, – резко бросила она, взяла аппарат и стала читать sms-сообщение.

Прочитав, взглянула на Дюбуа и вымолвила:

– В своей квартире объявился наш объект – Олег Третьяков. Быстро заканчиваем завтрак, одеваемся и выезжаем. По дороге обсудим тактику разговора с ним.

– А что обсуждать? Придем и всё скажем. Хочется побыстрее всё закончить.

– Э... нет, напарник. И дело не в быстроте, а в адекватности. Надо сначала прощупать этого Третьякова, узнать, чем он живет и дышит. Мы его совершенно не знаем...

– У нас есть на него данные...

– У нас есть статистика. Мы не можем предугадать реакцию живого человека на наши слова о тайнике. Искушение есть искушение. Мы не знаем, какой будет его реакция на наше известие: спокойно-осмысленная, нервно-истерическая, агрессивная. Я не хочу потом вместе с ним идти на российскую судебную скамью и, тем более, в тюрьму.

«Опять она права», – ухмыльнулся Даниэль...

Олег накупил два пакета продуктов. Дома разложил в холодильнике и задумался о своих дальнейших действиях.

Ему непременно хотелось найти Элю и извиниться. Но он о ней практически ничего не знал. Поработав с ее сотовым телефоном, установил несколько ее подруг и решил им позвонить.

В итоге переговоров с тремя девушками у Олега появилась некоторая информация о девушке, пострадавшей из-за него...

Кострома, Управление ФСБ России по Костромской области...

Солидное старинное здание песочного цвета, в неплохом состоянии, в центре города.

Из кабинета спецсвязи майор Зарембо вел телефонный разговор с мадам Третьяковой-Лаган.

— ...как я и обещал, Третьяков Крестобаль задержан нами. Сейчас мы с ним проводим оперативную работу. Пытаемся его убедить прекратить преследование вашей группы и как можно скорее уехать домой. Что вы, Вера Ивановна, можете мне сообщить? Можете говорить спокойно, эта линия защищена.

— Спасибо, Иван Егорович, за ваше содействие. А что с господином Гриценко?

— Активности особой этот тип не проявляет. Свой московский салон он закрыл на ремонт. Мы активно работаем по нему. Что у вас новенького, Вера Ивановна?

Майор не стал говорить, что Гриценко внезапно исчез из Москвы. И что его ищут.

— Я вам уже сообщала, что в ходе исследований мои люди вышли в Костроме на фигуранта завещания, Третьякова Олега...

После разговора с мадам Третьяковой-Лаган, Зарембо приступил к изучению полученных от местных правоохранительных органов материалов на костромича Третьякова Олега Серафимовича...

Вот снова знакомый старый трехэтажный дом.

Снова Дюбуа и Клеман находятся на знакомой лестничной площадке. Но сейчас на звонок дверь квартиры номер 3... открывается. В дверном проеме появляется крепкий, рослый молодой человек в спортивном костюме.

— Здравствуйтесь, Олег Серафимович. Мы из Франции, прибыли для обсуждения одного конфиденциального

и важного вопроса, — заученно строго изрек Дюбуа и улыбнулся.

Хозяин квартиры окинул парочку взглядом и выдавил:

— Здравствуйте, господа. Коли так, — улыбнулся, — заходите, — раскрыв дверь шире.

Гости зашли. Все трое из прихожей прошли дальше в скромно обставленную гостиную комнату, разместились на стульях вокруг стола. Какое-то время гости внимательно изучали хозяина. Он в свою очередь настороженно рассматривал гостей.

Гости долго рассматривали висевший на стене в простенькой рамочке мужской портрет. А молодой мужчина, судя по губам, прочитал то ли молитву, то ли что-то еще некое. Они также тихо обменялись между собой, очевидно, мнениями.

Кострома, ул. Симановского...

Рядом с трехэтажным домом номер 22 стояло несколько машин. В одной из них находилось трое мужчин. Они смотрели на входящих и выходящих из одноподъездного дома людей.

Вот в одном окне дома напротив что-то сверкнуло.

— Нутром чувствую, что мы здесь не одни, — бросил сидящий за рулем мужчина. — Видели блеск на втором этаже дома напротив?

— Нет, — выдавил один из парочки сидящих сзади молодых мужчин.

— Хреновые вы следаки. Слушайте сюда, оба. Осторожно выходите из машины и дворами идете к дому напротив нашего. Входите по черному входу в дом, поднимаетесь по лестнице, там наверняка должен быть человек с биноклем. Берете его и сюда. Премия от Рога нам будет обеспечена. Всё, вперед...

Двое молодых парней осторожно поднимаются по лестнице. На площадке между первым и вторым этажами стоит лысый мужчина и смотрит в бинокль на противоположный дом.

— Спокойно, парниша, — изрекает один из парочки, в руке его пистолет. — Стреляю я отменно, не дергайся.

В руках его напарника появляются металлические наручники.

— Давай без глупостей. Ствол есть?

— Нет...

— Как вам живется, Олег Серафимович? — спросила женщина.

— В целом ничего, хотя хотелось бы и лучше, — ответил хозяин. — В городе много проблем, которые непосредственно сказываются и на жителях. Во времена СССР город имел предприятия в различных отраслях промышленности, с хорошим уровнем оплаты. Сейчас их нет, в городе остро стоят вопросы с трудоустройством. Зато сейчас у нас большое количество аптек и винных магазинов — гуляй, народ! Вопрос, на какие шиши? Между прочим, продажа лекарств и спиртного, по официальной статистике, самый высокодоходный бизнес в России.

Гости переглянулись.

— Я Дюбуа, член исполнительного комитета Фонда братьев Третьяковых, расположенного в Париже. Со мной моя коллега Клеман, — представились гости.

— Очень приятно, — вымолвил хозяин. — Меня, я вижу, вы уже знаете. Чем обязан, господа?

— Вы знаете, что являетесь дальним-дальним, через несколько поколений, родственником Павла Михайловича Третьякова, российского предпринимателя XIX века, мецената, коллекционера и основателя московской Третьяковской галереи? — спросил Дюбуа.

— Отец мне говорил об этом. Но в самых-самых общих чертах, — медленно ответил Олег.

— Это — научно доказанный факт, — твердо изрек Дюбуа, кивнул на висевший на стене мужской портрет. — Вы знаете, кто это?

— Нет, — ответил Олег.

— Это копия картины художника Крамского — портрет Павла Михайловича Третьякова, — вымолвил Дюбуа. — Русского самородка.

Клеман достала из дамской сумочки небольшой черно-белый фотопортрет и со словами:

— Можете их сравнить, — передала Олегу.

— Допустим, это так, — рассматривая фото импозантного пожилого мужчины с бородой и сравнивая его с портретом на стене, согласился Олег. — Что дальше?

— Послушайте, пожалуйста, — продолжал Дюбуа. — Хорошо известно, что женился Павел Михайлович достаточно поздно: деловые заботы не оставляли времени на личную жизнь, да и любовные страсти Третьякова почти не интересовали. Но в Костроме на его фабрике работала одна красивая девушка по имени Варя, его

единственная зазноба и отрада. Она в 1869 году родила мальчика Федию. А от Феди и пошла мужская «ветка» семейного древа. В результате, через много-много лет появились на свет твой отец — Серафим, и затем ты, Олег.

«Прямо как красивая сказка, — весело прикидывал Олег. — Впрочем, может и быть...»

Кострома, Управление ФСБ России по Костромской области...

Из кабинета спецсвязи майор Зарембо вел телефонный разговор с шефом, подполковником Нововым.

— ...Федор Федорович, я изучил все материалы, предоставленные мне местными коллегами в части Третьякова Олега Серафимовича. Он является объектом интереса гостей из Франции. Оказывается, дом, в котором сейчас живет этот Олег, в XIX веке являлся доходным домом Павла Михайловича Третьякова. И вполне возможно, именно в этом доме и находится старинный тайник.

— Так... Но эта твоя, Егор Иванович, гипотеза ничем не подтверждена?

— Пока нет.

— Где сейчас находятся Дюбуа и Клеман?

— Именно в этом доме, в квартире у Олега Третьякова...

— Допустим, это всё интересно и очень познавательно, — в раздумье вымолвил Олег. — Но не за этим же вы ко мне прибыли за тысячи верст?

— В том числе и за этим. То есть, напомнить тебе о твоей великой родословной, — вымолвил Дюбуа. — Я тоже член третьяковского древа и, соответственно, твой дальний-дальний родственник. На нас лежит определенная историческая миссия...

— Лично я не чувствую за собой никакой исторической миссии, — перебил Олег. — Вы можете выражаться яснее?

Дюбуа и Клеман переглянулись.

— Да, разумеется. Мы должны выполнить один наказ Павла Михайловича...

— Послушайте, уважаемые господа из Парижа! — взорвался Олег. — У меня сейчас трудная жизненная ситуация. И пока я ее не разрешу, ни о каких исторических миссиях и наказах я не хочу слышать! Попробуйте, пожалуйста, меня понять.

Наступила тревожная тишина.

Северо-западная окраина Костромы, спортбаза «Динамо» на реке Кострома...

На берегу привольной красивой реки находилась хорошо охраняемая ведомственная спортивная база. Два десятка аккуратных деревянных домиков. Но спортсмены там не жили и не тренировались. На базе отдыхали сотрудники МВД, в большинстве своем высокопоставленные, а также нужные им самые разнообразные люди...

За изобильно накрытым столом восседало трое крупных солидных полураздетых мужчин. Генерал Мазур — с еще мускулистым торсом, депутат областного Законодательного собрания Илюшин — в тельняшке,

и «бизнесмен» Рогов — в майке и с татуировками на руках. Все они — известные и влиятельные люди города и области. Депутат Илюшин — полковник МВД в отставке и предшественник Мазура, бизнесмен со стажем, владелец нескольких предприятий города и области. Он курил трубку, запястье его левой руки украшали шикарные серебряные часы Rolex. Сегодняшний бизнесмен Рогов вышел из «лихих 90-х». До настоящего времени известен в определенных кругах как Рог. Поддерживает связи с уголовным миром. Хотя, формально, законопослушный бизнесмен, один из состоятельных людей города. Владелец двух ЧОПов, нескольких фитнес-клубов, десятка магазинов и кафе, букмекерской конторы. Злые языки утверждали, что ему принадлежат в городе два или три нелегальных казино. Лоб Рогова украшал косой шрам — «привет» из былых бурных времен, различные татуировки имелись на торсе и руках.

Взаимовыгодная «дружба» тройки продолжалась уже более 10 лет. Периодически тройка скрытно встречалась на спортбазе, обсуждала и решала некоторые вопросы. Эти решения определенно влияли на жизнь города и области...

— ...я никак не въеду, Гриша, что эти двое французов делают в наших краях? — спросил Рогов и лихо опустошил рюмку водки.

— Я на 100% точно не знаю, — жуя кусок колбасы, выдавил Мазур. — Но имею следующую конфиденциальную информацию: они здесь по каким-то наследственным делам парижского Фонда братьев Третьяковых.

— А наш оболтус, Третьяков Олег, имеет к ним отношение? — спросил Илюшин.

— Несомненно, — подтвердил генерал. — Но какое именно — пока неизвестно.

— Давай тряхнем это Олега Третьякова, разговорим, всё узнаем, — предложил Рогов.

— Нельзя, — ответил Мазур. — Этих французов, а значит и нашего Третьякова, ведут московские ФСБшники. Один майор, по фамилии Зарембо, с некими особыми полномочиями из Москвы для этого к нам специально прибыл.

— Почему ФСБшники влезли в это дело? — спросил Илюшин.

— Во-первых, фигуранты — иностранцы. Во-вторых, столетние наследственные дела коллекционера Третьякова имеют историко-культурное значение для страны, — ответил генерал. — Тут вроде как еще и французская разведка замешана, — махнул рукой.

— Во-во, и другие тоже замешаны, — вставил Рогов. — Мои орлы отловили следившего за Третьяковым московского частного детектива...

— Только без трупов! — воскликнул Мазур. — Тут много кто замешан, много всего непонятного. Но мы не должны встревать в это дело.

— Но наблюдать и быть в курсе можно? — не унимался Рогов.

— Можно, но предельно осторожно. Мы не должны напрямую вмешиваться в дела ФСБ.

— А ты об этом Фонде из Парижа можешь навести справки? — спросил Рогов.

— В принципе, могу, — медленно ответил генерал. — Каналы есть...

Глава 10

Париж, штаб-квартира DGSE...

В кабинете начальника Управления исследований находился его хозяин — полковник Бернар, и ведущий сотрудник подразделения майор Морель.

Последний докладывал о ходе операции «Фонд».

— ...похоже, Кострома — конечный пункт для Дюбуа и Клеман. Здесь они устроились в отель, ищут некоего Третьякова Олега. Но наши возможности в Костроме крайне ограничены.

— К сожалению. Я узнавал, в Костроме у нашего ведомства нет своего постоянного агента. Жаль, конечно, — вымолвил полковник. — Срывать агента из ближайшего Ярославля и передислоцировать в Кострому? — махнул рукой. — Это такая бюрократическая морока с согласованиями, разработкой и утверждением задания. Уйдет масса времени. Я лучше выйду на нашу электронную разведку. Попробую уговорить их подключиться к костромским городским камерам фото- и видеофиксации. С их помощью мы сможем анализировать деятельность фигурантов и прогнозировать их дальнейшие действия...

– Какие трудные ситуации? – спросила Клеман.

– Вам интересно? – воскликнул Олег. – Пожалуйста! Пропала не по своей воле девушка, моя хорошая знакомая.

– Дайте ее координаты, мы ее найдем, – изрекла Клеман.

Олег сделал удивленное выражение лица.

– Как вы ее найдете? Она то ли в какой-то клинике, то ли еще где. Только не дома.

– Дайте ее координаты.

Олег пару секунд раздумывал.

Затем встал, подошел к тумбочке, взял лист испи-санной бумаги и передал его Клеман. Капитан достала из дамской сумочки смартфон, сфотографировала лист и стала звонить.

Услышав ответ абонента, вымолвила:

– Здравствуйте, господин Свицерский. Клеман беспокоит.

Выслушав ответ абонента, продолжила:

– У меня к вам просьба: нужно найти одну девушку по фамилии Преображенская. Она не по своей воле пропала. Она то ли в какой-то клинике, то ли еще где. Только не дома. Ее координаты я вам отправила.

Выслушав ответ, бросила:

– Заранее спасибо. Жду вашей информации, – отключила аппарат и, глядя на слегка удивленного Олега, сказала:

– Местная полиция найдет вашу девушку в течение суток, или двух-трех. У вас будут еще просьбы?

– Спасибо конечно, мадам Клеман, – медленно выдавил Олег. – Да, еще одна будет просьба...

Хальштатт, Верхняя Австрия...

Гриценко сидел на веранде своего «игрушечного» домика. Тихо играла музыка, на столике стояли фрукты и бутылка вина. Взирая на голубое озеро и покрытые зеленой растительностью горы, явно довольный собой мужчина отдыхал и наслаждался жизнью.

Подал сигнал лежащий на столе сотовый телефон. Мужчина никак не отреагировал.

Сигнал повторился. Гриценко нехотя взял аппарат в руку, взглянул на дисплей. Высвечивалось – Гриб.

– Слушаю.

– Здравствуйте, Николай Николаевич! С вами хочет поговорить один уважаемый человек.

Через секунду раздался грубый, незнакомый Гриценко, наглый мужской голос.

– Гриценко, мы поймали твоего детектива. Если не хочешь, чтобы мы его кончили, то гони нам 100 тысяч зеленых...

– Я не знаю никаких детективов, – решительно отрезал Гриценко. – И вообще, делайте, что хотите.

Он закончил говорить и произвел несколько манипуляций с аппаратом...

– Мы вас слушаем, – вымолвила Клеман. – Смелее, смелее, Олег Серафимович.

– Пожалуйста, обращайтесь ко мне просто по имени, – изрек Олег. – Мне право, неудобно от вас слушать...

— Без церемоний, — бросил Дюбуа. — Ведь мы родственники и должны помогать друг другу.

— Да, спасибо. Короче, у меня непогашенный кредит. С работы меня уволили, найти новую в городе — большая проблема. Начальник торговой сети «Мы+» Мамедов без каких-либо оснований обвинил меня в воровстве и без выходного пособия уволил. А банк давит...

— Из-за кредита они тебя похищали? — спросила Клеман.

— Да. Житья они мне не дадут. Предложили отдать одну почку или отдать им эту квартиру. А мне, получается, идти на улицу.

— Сколько ты им должен?

— Миллион рублей.

Дюбуа и Клеман переглянулись.

— Пожалуйста, принеси кредитный договор, я хочу его посмотреть, — изрекла капитан.

Олег усмехнулся.

— Не верите. Хорошо, принесу.

Через несколько секунд он вручил Клеман небольшую папку. Капитан открыла ее и стала просматривать лежащие в ней документы. Это продолжалось минут пять.

— Хорошо, мы подумаем, как тебе помочь, — возвращая папку хозяину, вымолвила Клеман. — А ты подумай над нашими словами об исторических миссиях и наказаниях предков. И, пожалуйста, о нашем визите и, разумеется, разговоре никому ни слова. Иначе будут проблемы и у тебя, и у нас. До завтра, Олег Серафимович.

— До завтра...

Кострома...

– Какие впечатления об Олеге? – спросила Клеман.

Дюбуа сидел за рулем машины, напарница ехала рядом и работала со своим смартфоном.

– Крепкий, неплохой и, похоже, честный парень. Но жизнь у него, похоже, не сахар. А твое мнение?

– Да, согласна. Могу добавить: атлетически сложен, поджарист, силен, с волевым мужественным лицом, с выразительными скулами и приятным тембром голоса. Такие мужчины не могут оставить равнодушными женский пол, запросто могут разбить женские сердца. И он, кстати, неплохо держит жизненные удары. Хотя мира и покоя в его сердце нет.

– Неужели он более привлекателен, чем я? – весело воскликнул Дюбуа.

Клеман оторвалась от гаджета, широко улыбнулась, взглянула на Дюбуа.

– Все люди разные. Ты привлекателен по-своему, он – по-своему. Я отметила его печальные глаза, ему действительно непросто в жизни. Полагаю, мы с ним сделаем наше дело. Но ему сейчас действительно непросто, и надо ему помочь. Он молодец, что не забыл свою девушку... Сейчас будет поворот налево. И вскоре у большого магазина останови.

– А куда мы едем?

– Пока к торгашу Мамедову...

Клеман и Дюбуа зашли в продуктовый супермаркет «Мы +».

Напарница предъявила стоявшему на входе охраннику в униформе удостоверение и тихо изрекла:

– Полиция. Отведи нас к директору, господину Мамедову. Только тихо, чтобы не пугать покупателей.

Охранник кивнул, выдавил:

– Прошу за мной, – пошел в зал.

Вскоре Клеман и Дюбуа заходили в кабинет директора. За столом сидел толстый улыбающийся, самодовольный мужчина и ел спелый сочный большой арбуз.

Клеман сразу решительно подошла к столу, развернула и показала удостоверение.

– Я капитан Клеман из Европола. К нам поступила жалоба на вас от гражданина Третьякова Олега Серафимовича. Вы его незаконно уволили и не выплатили трехмесячное выходное пособие. Он также изложил некоторые ваши приемы по обману покупателей.

Жирный мужчина хотел что-то сказать, но Клеман решительно продолжила:

– Мы можем перенаправить жалобу в местную прокуратуру с требованием провести у вас жесткую проверку. А также направить обращение в европейский торговый профсоюз. Тогда вам будет обеспечена обструкция от всего европейского ритейла. Вы не сможете закупать у мировых компаний сельхозпродукцию.

Улыбка слетела с мужского лица, оно приняло боязливо-озабоченное выражение.

– Господин капитан, признаюсь, меня ввели в заблуждение с Третьяковым, – выдавил хозяин кабинета, – мы были не правы. Мы всё исправим: и трудовую книжку, и выходное пособие выдадим...

– Я надеюсь, – отчеканила Клеман. – И не дай вам бог обмануть нас. Последует немедленная кара.

– Нет, никогда...

Клеман и Дюбуа покинули кабинет.

- Ну ты даешь, напарница, – выдавил Даниэль...
- Уверена: он подлый трус, и всё исполнит...

«Значит, прав был отец, когда говорил, что мы являемся дальними потомками великого Третьякова! – раздумывал после ухода неожиданных французских гостей Олег. – Может, они действительно помогут разобраться с моими проблемами?..»

Подошел к висевшему на стене портрету. Затем достал из тумбочки небольшое зеркало и стал с его помощью сравнивать себя с изображением на портрете.

«А что? – решил, – что-то общее в лице его и моем есть. Носы вот похожи...»

Закончив идентификацию, решил попить чайку.

«Блин... – ругнул себя, – а я гостей даже чаем не угостил».

Через некоторое время из прихожей раздался звонок. Олег направился в прихожую. Подойдя к входной двери, взглянул в «глазок». Он увидел полную женщину, бухгалтера из торговой сети «Мы +».

«Мамедов придумал какую-нибудь гадость», – подумал Олег и нехотя открыл дверь.

– Здравствуйте, Олег Серафимович. Очень хорошо, что я вас застала, – затараторила женщина, проходя протискиваясь в прихожую.

– Что случилось? – спросил Олег.

– Господин Мамедов нашел возможность выплатить вам трехмесячное выходное пособие, – вымолвила женщина, вручила пакет. – Это деньги. Вот здесь в ведомости, пожалуйста, распишитесь.

Удивленный Олег раскрыл пакет, там действительно лежали деньги, и сумма немалая. Он расписался.

— Олег, не держи на директора зла, — изрекла женщина, — его ввели в заблуждение. И не пиши никаких жалоб.

Олег хотел сказать, что ничего он не пишет. Но бухгалтер уже выскочила из квартиры...

Кострома, спортивный клуб «Фаворит»...

— Кинул тебя твой хозяин, — изрек сидящий в кресле короткостриженный крупный мужчина с косым шрамом на лбу, известный как Рог. — Отрекса, как отрезал.

— Он мне не хозяин, он просто обычный работодатель, — быстро ответил сидящий невдалеке на табурете лысый мужчина.

За ним стояло двое хмурых молодых парней. Немного в стороне — начальник службы безопасности бизнесмена Рогова (авторитета Рога), известный под погонялом Шакал.

— Хорошо, работодатель, — продолжал короткостриженный крупный мужчина. — Получается, ты приехал в наш город и начал работать, не предупредив меня. А я серьезный авторитет — Рог! Меня знает и уважает весь город. Понимаешь? Как поступил ты, поступают невежливые люди. И за это их наказывают.

— Сколько? — спросил лысый мужчина.

Рог усмехнулся, неопределенно махнул рукой. На запястье ее блестели большие массивные часы.

— Расклад ты сечешь, это хорошо. Видимо, Гриб, человек ты бывалый. А раз так, давай выкладывай всё, как на духу, без мороки. Итак, зачем тебя подрядил работодатель?

— Пожалуйста. Да и рассказывать, вообще говоря, нечего, дело изначально тухлое. Якобы приехали двое французов с целью найти старинный тайник коллекционера Третьякова, в котором могут находиться ценности. Тайник, возможно, находится в Костроме. Моя задача: отследить французов и, в случае действительного нахождения тайника, сразу сообщить Гриценко. И всё.

— А при чем здесь житель Костромы Третьяков, за домом которого ты наблюдал? Он что, родственник коллекционера?

— К нему меня привели французы. Вполне можно предположить, что родственник. Но это всё предположения. Я же говорю, дело какое-то тухлое.

Рог задумался. Авантюрист по натуре, он не мог не обратить внимания на слова о тайнике. В голове его стали возникать самые различные варианты участия в поисках тайника и ценностей... Но, одновременно, помнил он и слова генерала Мазура о невмешательстве в дела французов и чекистов...

— Думаю, Гриб, — медленно вымолвил авторитет, — твоя свобода будет стоить 50 тысяч зеленых.

— У меня нет с собой таких денег. Они в Москве.

— Понимаю тебя. Ты поедешь в Москву с моими ребятами и отдашь им валюту. Вопросы?

— Нет.

— Тогда вперед. И не вздумай вертеть, сразу получишь от моих ребят перо в печенку...

Довольный Олег выложил все деньги на стол, пересчитал их.

— Здесь три зарплаты, да еще премиальные! — весело воскликнул. — Почему жадный торгаш Мамед так раскошелится? — задумался...

Мелькнула одна мысль.

— Возможно, к нему заехали французы? Мои новые дальние родственники? Культурно поговорили, торгаш струхнул...

Кострома, отель «Екатерина»...

Серый «Фиат» остановился у симпатичного небольшого здания отеля. Всю дорогу от супермаркета до отеля Клеман активно работала со своим сотовым телефоном.

Оставив автомобиль на стоянке, они отправились в отель.

— Оказывается, в Костроме есть российское кредитное учреждение под названием «Росбанк», которое полностью контролируется французской финансовой группой «Societe Generale», — сообщила Клеман.

— Это ты к чему? — спросил Дюбуа.

— Объясню в номере...

Вот они заходят в свой номер. Клеман сразу заказала обед.

Два официанта его оперативно доставили. Дюбуа и Клеман приступили к трапезе.

— Слушай, Даниэль. Один миллион рублей — это совсем немного, если перевести в евровалюту, — вымолвила Клеман. — Для нашего дела мы должны помочь Олегу и погасить кредит. Для нас важно, чтобы он находился в хорошем расположении духа. Поэтому, давай, напарник, напиши сообщение мадам Третьяковой-Лаган, чтобы она перевела на твой «пластик» эквивалентную сумму в евро. Уверена, она не обеднеет. А завтра

в этом «Росбанке» ты сможешь получить евро и сразу конвертировать их в рубли. Мы вместе с Олегом проедем в его банк и погасим кредит. Я читала кредитный договор, там заложена опция с досрочным закрытием займа.

«Поразительно! Как всё гладко у нее получается! – воскликнул Дюбуа. - Но... похоже, другого пути у нас нет», – решил и принялся сочинять sms-сообщение.

– Если Олег честный человек, – продолжала Клеман, – то, получив ценности из тайника, он вернет этот миллион...

У Олега поднялось настроение. Не все трагически плохо. Оказывается, жизнь продолжается! Наконец-то удача пришла к нему! Удача большая и серьезная!

Вспомнились стихи Николая Рубцова, его любимая пейзажная лирика с философским подтекстом.

*Высокий губ. Глубокая вода.
Спокойные кругом ложатся тени...
...не встрепенется ветер у пруда,
И редок сонный коростеля крик...
Уже не будет в жизни потрясений...*

Кострома, Управление МВД России по Костромской области...

В просторном кабинете начальника управления находилось двое мужчин: его хозяин Мазур, с колоритным морщинистым лицом, в форме генерал-майора, и молодой майор ФСБ Зарембо в сером костюме. Офицеры

располагались за небольшим кофейным столиком, пили душистый кофе из чашек и вели неспешный разговор.

— ...Григорий Григорьевич, вы владеете обстановкой в городе и без вашего содействия мы не выполним задание, — излагал майор, поправляя рукой свои богатые каштановые волосы.

Генерал довольно улыбнулся, повел мощными плечами.

— Ну, не на 100%, но многое нам действительно известно. Что вас конкретно интересует, Егор Иванович?

«Судя по морщинистому лицу, генерал прожил непростую жизнь», — прикидывал майор.

— Всё, что касается нашей операции, — вымолвил. — Вот ваши люди задержали мексиканца Кристобала Третьякова. Молодцы! Ваши действия будут отмечены. Но может вам еще что-то известно? Вы встречаетесь и общаетесь с разными людьми, в том числе и неофициально. У вас есть и оперативные, и агентурные сведения.

Отпивая напиток из своей чашки, генерал раздумывал:

«Лис этот майор, намекает на мои неофициальные встречи... Они знают, разумеется, многое... Ссориться нам с ними нельзя... Надо им подбросить косточку...» — вымолвил:

— Есть одна агентурная информация, которая может быть вам полезна. Один городской ЧОП случайно задержал вчера московского частного детектива по фамилии Гриб. Он находился в доме напротив дома Третьякова и из бинокля вел наблюдение. ЧОПовцы его тряхнули, и он сообщил, что работал по найму некоего москвича по фамилии Гриценко.

— Информация в самую точку! — довольно воскликнул майор. — А где сейчас этот Гриб? — спросил, снова поправляя рукой свои богатые каштановые волосы.

– Его допросили и отпустили в свою Москву. Его координаты я могу вам предоставить...

После ухода майора Зарембо генерал вспомнил, что французские гости Третьякова ищут его подругу.

Немного подумав, генерал попросил секретаря соединить его с начальником службы безопасности банка «Горожанин».

Услышав вскоре мужской голос, он вымолвил:

– Волков, то, что ты освободил Третьякова, я знаю. А его подругу освободил?

Абонент замялся с ответом.

– Не слышу ответа! – рявкнул генерал.

– У нас она слегка приболела, и мы ее отправили на отдых в Турцию.

– Вы ее отправили в турецкий бордель?

– Ну, зачем прямо так, господин генерал? Она сама захотела отдохнуть...

– Знаю я это ваше «сама отдохнуть». Обнаглевшие, не знающие берегов тупицы! Срочно организуй ее звонок этому нашему Третьякову Олегу. Ну, чтобы она сказала, что сама решила отдохнуть на юга́х, поправить здоровье. Понял меня?

– Так точно...

Глава 11

Кострома, Управление ФСБ России по Костромской области...

В комнате для допросов находилось двое мужчин. С одной стороны стола сидел крупный, загорелый мужчина с брутальной внешностью, неопределенного возраста, в темной одежде. С другой — мужчина средних лет в сером костюме с богатыми каштановыми волосами на голове. Это майор Зарембо.

— Итак, господин Кристоаль Третьяков, — вымолвил майор, — у вас было время обдумать свое поведение здесь, в нашей стране. Сразу к делу. Будете с нами сотрудничать?

Крупный, загорелый мужчина развел руками.

— Мне абсолютно нечего скрывать от вас.

— Хорошо, — поправляя рукой волосы на голове, бросил майор. — Вы готовы буквально сегодня спокойно покинуть нашу страну?

Третьяков глубоко и обреченно выдохнул. Определенно, в его мозгу шла борьба. Отказаться или не отказаться от мечты всей жизни? В Париже друг Отто ждет обещанный гонорар...

Майор спокойно ждал.

Наконец, Третьяков выдал:

— Готов...

Утром Олег встал с несвежей головой (ночью просыпался дважды). Ведь вчера произошло столько событий!? Возможно, самых главных в его жизни... Впрочем, сегодня тоже что-то должно произойти интересное и важное...

Он заставил себя сделать небольшую разминку.

После гигиенических процедур и душа стал готовить себе завтрак.

Закончив трапезу, сделал небольшую приборку в квартире. Какое-то время постоял возле картины Третьякова. Носовым платком слегка смахнул с нее пыль.

«Продавать я теперь тебя, мой дядя-родственник, точно не буду», – решил.

После этого стал готовиться к встрече французов. Настроение наладилось. Включил приемник, раздалась музыка и слова чувственной и красивой песни:

*Моя душа, как странница,
Теряет дни, по свету колеся.
Ударь ее – она оскалится,
Погладь ее – она помолится...*

Кострома, отель «Екатерина»...

Ночь Дюбуа провел на диване. «Дружеский секс» сегодня Клеман не предложила, он сам напрашиваться не стал.

Вечером за бокалом вина у них состоялся откровенный, жизненно-философский разговор.

– Наверное, ты хоть раз в своей жизни сталкивалась с интересным парадоксом, – начал разговор Дюбуа. –

Красивые люди часто бывают одинокими. Как мужчины, так и женщины.

Он явно намекал на себя и, пожалуй, в какой-то мере, на напарницу.

— Могу понять, — ответила Клеман. — Если девушка красива, то это мужчинустораживает. Во-первых, она как магнит будет притягивать чужие взгляды, намерения и похоть. Зачем нужна эта головная боль? Во-вторых, характер у нее не сахар, ведь она избалована комплиментами и завистливыми взглядами. А родители с младенчества начали ей внушать, что она достойна принца, как минимум. А то и короля, желательно заморского и очень-очень богатого.

— Выбирая себе в пару женщину, — продолжал Дюбуа, — мужчина не хочет превращаться в ее верного раба, пажа и поклонника. Напротив, он жаждет, чтобы на него смотрели как на божество, восхищались его смелостью, ловкостью, харизмой. А красивые дамы на это не заточены. Вот и не получается крепких союзов.

— Согласись, теперь у каждой мало-мальски уважающей себе женщины, — энергично отвечала Клеман, — и образование, и культурная программа, и карьера. И гардероб от модных нарядов ломится, а туалетный столик — от флакончиков от Шанель и Диор. Всем нам доступны фитнес, загар, достижения косметологии. И некрасивы только те, кто сами не хотят быть красивыми.

Дюбуа, очевидно вынужденно, согласно кивал.

— Мужчина любит не саму женщину, — продолжала, кажется, изрядно заведенная Клеман, — а свое состояние рядом с ней. Поэтому настоящая женщина — это вовсе не самая красивая, вовсе не самая умная и уж вовсе не самая успешная в социальном плане. Настоящая

женщина дарит мужчине не свою красоту и тело, а это состояние.

— Согласен, мужчине не нужна женская красота, он больше оценит такие качества, как искренность, доброта, обаяние, открытость, умение ценить, принимать себя и обмениваться этой энергией с женщиной. А почему ты, Мариз, не замужем?

Клеман улыбнулась.

— Как-то одна мудрая женщина сказала: чтобы найти себе успешного мужчину, для начала нужно самой стать успешной женщиной. Суть этого высказывания такова, что ужиться можно только с тем человеком, который подходит по многим параметрам: в быту, характером, образом мыслей, внутренней энергией и отношением к деньгам.

Дюбуа слушал и согласно кивал.

— Одна моя подруга познакомилась с симпатичным парнем, актером, — продолжала Клеман. — Она обожала его и любила на него смотреть и слушать. И, действительно, было чем любоваться: великолепный голос, море обаяния, неповторимая лукавая улыбка, мудрый взгляд. Но... он смотрел на каждую юбку. И через месяц сбежал к другой. Подруга впала в депрессию и самобичевание. А потом пристрастилась к горячительным напиткам. Сейчас она в психиатрической клинике.

— Значит, любви и нормальных отношений между женщиной и женщиной сейчас нет? — спросил Дюбуа.

— Думаю, есть. Но они стали какими-то другими. Главным образом потому, что женщины изменились. Эмансипация уверенно шагает по миру.

— И что остается делать мужчине?

— Он всегда должен надеяться на лучшее и должен уметь ждать.

— Это не бесспорно...

Разговор получился во многом познавательным и поучительным.

Перед тем как уснуть, Даниэль обдумывал ситуацию по операции. Он снова признал мудрым решение директора Фонда Третьяковой-Лаган отправить с ним офицера Европола. Сама Клеман действовала безукоризненно во всех происходящих ситуациях. А после весьма уместного и отменного секса он проникся к ней полной симпатией. Несмотря на некоторые трудности с Олегом Третьяковым, Дюбуа был твердо уверен, что всё с ним будет нормально...

Наутро вид на Волгу оказался исключительно завораживающим.

Веселая и энергичная Клеман заказала завтрак в номер. Его доставили оперативно официанты. Трапеза прошла молча.

– Деньги на твой счет пришли? – спросила после завтрака капитан.

Дюбуа взял свой смартфон, какое-то время работал с ним.

– Да, пришли.

– Отлично! Значит, сейчас едем в «Росбанк». Ты получаешь евро, переводишь их в рубли. Нам нужно для погашения кредита 1 050 000 рублей.

– А зачем нам, помимо миллиона, еще 50 тысяч рублей?

– Я ознакомилась с кредитным договором Третьякова. Там сказано, что досрочное погашение кредита допускается. Но при 5% компенсации банку.

Дюбуа усмехнулся.

– Понятно, специфика российской банковской системы. Я где-то читал, проценты на кредиты – это рак социальной структуры.

– Можно сказать и по-другому – узаконенный грабеж банками народа в слаборазвитых странах. Например, во Франции, если кредитор хочет досрочно погасить заем, то ему делается скидка. А в России всё наоборот. Банки выполняют, по сути, лишь одну функцию – ростовщическую. После банка едем к Олегу Третьякову...

Подав сигнал звонок из прихожей.

«Никак, французы прибыли», – подумал Олег и пошел в прихожую.

Быстро открыл дверь и... увидел перед собой улыбающегося худого молодого парня с бутылкой пива в руке и «фиксой» в зубах.

– Привет, Олег! – весело воскликнул гость. – Я Пашка Крутов, твой школьный друг! Не узнал?

– Пашка? – с трудом узнавая сильно изменившегося одноклассника, выдавил Олег.

Правда, друзьями они никогда не были, просто учились вместе, в одном классе. Ходили разговоры, что после школы Крутов подался на Севера, на большие заработки.

– Приглашай в гости, раздадим пивка, – веселился Крутов. – Понравится – купим еще, у меня деньги есть. Я тружусь в автомобильном тюнинг-ателье. Ну, друг?

Олег уловил запах спиртного, идущий от Крутова, вспомнил и о предстоящей встрече с французами.

– Извини, сейчас я не могу, – решительно отрезал Олег. – Как-нибудь в другой раз.

– Нет, так нет, – по-прежнему весело изрек гость. – Я могу вечером прийти, или завтра...

– Извини, Паша, давай лучше как-нибудь через неделю или две встретимся. А сейчас, извини, пока.

На лице Крутова застыло удивление.

Сверкнув «фиксой», он выдавил:

– Пока, пока.

Олег аккуратно закрыл входную дверь...

Верхняя Савойя, Франция, небольшой особняк в пригороде Анси...

Перед потускневшей старинной православной иконой стоит на коленях, в темной одежде и платочке, пожилая бледнолицая женщина и молится. Крестится и тихо, одними губами шепчет:

— ...помоги им в деле своем, защити, ведь дети они еще неразумные... помоги, Боже... успокой от соблазнов их души и сердца...

Женщина склоняется в поклоне, крестится.

— ...научи любить, а не воевать и интриговать...

Склоняется в поклоне, крестится.

— ...спаси души Даниэля и Мариз... спаси от злобы и ненависти... жадности и пошлого прелюбодеяния... сними с них тяжкий крест алчности...

Женщина склоняется в поклоне, крестится...

Подал сигнал сотовый Олега. Он взглянул на дисплей, номер не определился. Решил ответить.

— Слушаю.

— Олежка здравствуй, это Эля, — раздался тихий, знакомый голос.

— Здравствуй. Ты где?

— Я отдыхаю в Турции, подвернулась льготная путевка. Всё, не могу говорить, целую...

Связь оборвалась.

Из скоротечных тихих слов знакомой Олег толком ничего не понял. Но одно понял точно — она жива и здорова...

— Осторожность и внимательность, — назидательно вымолвила Клеман, когда их «Фиат» остановился у дома номер 22 на улице Симановского. — Наша операция переходит в рискованную фазу. Ты, Даниэль, остаешься в машине и внимательно наблюдаешь за округой.

И постарайся делать это незаметно. Я отправляюсь за Третьяковым.

Капитан вышла из машины и направилась в подъезд дома.

Вот она уже у знакомой двери, нажимает на кнопку звонка. Дверь открывается, за ней предстает Олег.

– Добрый день, – изрекает Клеман.

– Здравствуйте, проходите.

Капитан заходит в прихожую.

– Олег, берите все документы по кредиту, паспорт. Мы сейчас едем в ваш банк для погашения кредита.

На лице Третьякова застывает удивление.

– Вы нашли миллион?

– Да, собирайтесь, я жду...

Через некоторое время Клеман и Третьяков вышли из подъезда дома. Метрах в десяти стоял и курил Крутов.

Увидев вышедшую пару, он крикнул:

– Олег, помощь не нужна?

– Спасибо, нет, – быстро ответил Олег.

Он и Клеман подошли к серому «Фиату», из нее вышел Дюбуа.

– Все серьезные разговоры вне машины, – тихо изрекла Клеман.

Олег кивнул и вымолвил:

– Звонила знакомая, Эля. Она, оказывается, отдыхает в Турции. Видимо поэтому у нее и потерял.

– Видишь, мы свое слово держим, – вымолвила Клеман. – А что это за тип уголовного вида стоит на улице у дома?

– Пашка Крутов, мы вместе учились в школе, – ответил Олег. – Правда, он на 10 лет куда-то пропал.

И вот внезапно появился. Говорит, работает в автосервисе, предложил пообщаться. Я отказался.

Клеман и Дюбуа многозначительно переглянулись.

— Внезапно — это плохо. Пожалуйста, Олег, — вымолвила капитан, — сейчас как можно меньше общайся с людьми. Пока мы полностью не закончим нашу операцию.

— Какую операцию?

— После банка, когда мы выполним все твои условия, мы тебе всё расскажем. Нас ждет увлекательное путешествие. Вперед.

Олег и Клеман сели на заднее сидение, Дюбуа — за руль. Автомобиль быстро тронулся с места.

Кострома, ул. Симановского, 22...

Как только серый «Фиат» отъехал, Крутов достал сотовый телефон и сделал короткий звонок.

Вскоре подъехала старая, разбитая иномарка. Из нее вышло двое хмурых мужчин и направились к подъезду. Один из них, тот, у которого был портфель в руке, бросил Крутову:

— Оставайся на стреме. Если что, звони.

— О'кей.

Парочка зашла в подъезд дома, Крутов остался на улице.

Примерно через сорок минут парочка вышла из дома. Кивнув Крутову, мужчины сели в свою машину и быстро умчались...

К удивлению Олега, все процедуры в офисе банка «Горожанин» по закрытию (досрочному погашению) его кредита прошли ровно и быстро. Два обслуживающих сотрудника банка были просто самой любезностью и предусмотрительностью.

Оформив банковские документы, троица (Третьяков, Дюбуа и Клеман) вышла из офиса и направилась к серому «Фиату».

— Не знаю, как вас благодарить...

— Это лишнее, — решительно перебил Олега Дюбуа, — ведь мы родственники, обязаны помогать друг другу.

— Сейчас мы едем в наш городской отель, пообедаем и обсудим некоторые наши вопросы, — вымолвила на ходу Клеман. — Ты не против?

— Не против, — ответил Олег.

Кострома, Управление МВД России по Костромской обл...

Кристобаль находился в одиночной камере предварительного заключения (КПЗ). Как он полагал, камере вполне приемлемой по размерам и удобствам. Жизнь его изрядно помотала. Пришлось посидеть в тюрьмах разных стран. Так, в Мексике он сидел, за пьяную драку в кабаке, в камере на 40 человек, где его ежедневно били. В Сан-Диего (США) за оскорбление полицейского он сидел с двумя неграми-гомосексуалистами, наблюдая за их любовными играми. В Марселе за торговлю людьми — в камере с пятью арабами-мусульманами, вслух читающими свой священный Коран. Еще бывал

в гватемальской тюрьме-пересылке, в камере на 100 человек... Бывал и в отелях разных стран: при одной звезде, двух, трех, четырех...

А здесь, в России в Костроме, камера почти как дешевый двухзвездный одиночный номер в некоторых странах...

Вот и аккуратный отель «Екатерина».

Клеман, Третьяков и Дюбуа вышли из машины и направились в здание. Они сразу прошли в ресторан. Зал оказался практически пустым. Троица разместилась за столиком в углу зала. Просмотрели карту-меню, сделали заказ официантке.

— Мы исполнили твои пожелания, помогли решить тебе, Олег, твои проблемы, — вымолвила Клеман. — Теперь можем приступить и к главной цели нашего к тебе визита. Только всё, что будет сказано здесь и сейчас, должно оставаться только между нами. Еще древние говорили: молчание — золото. Итак, постарайся, пожалуйста, быть собранным и концентрированным на разговоре.

Серьезный Третьяков кивнул в знак согласия.

— Ты хорошо помнишь и понимаешь, о чем я тебе говорил ранее? — спросил Дюбуа.

— Да, — медленно ответил Олег.

Официантка прикатила столик с исполненными заказами. Выставила на стол, пожелала приятного аппетита и удалилась.

— Я продолжаю свой рассказ дальше, — вымолвил Дюбуа. — Честный и благородный Павел Михайлович помогал родившей мальчика Варе. Даже нашел ей

жениха, тоже из бывших крепостных крестьян, по имени Серафим. Он оказался смекалистым и с помощью Павла Михайловича широко развернулся. Уехал от разговоров и сплетен из Костромы в небольшой удельный город Судиславль за 50 километров. С согласия Павла Михайловича Серафим взял фамилию Третьяков. Начал бизнес-дела с грибного и ягодного промыслов. Их собирали в округе местные крестьяне. А Серафим организовал приемку и первичную переработку. Лесные грибы (соленые, сушеные, свежие) и ягоды (земляника, клюква, черника свежие, а также в виде варенья или джема) его людьми доставлялись в Москву, Питер, Ярославль и Кострому. Со своими работниками Серафим оказался справедлив. Поэтому дело оказалось очень и очень прибыльным. Затем пошло кожевенное дело, льняное, гончарное...

— Какой деловой! — весело воскликнул Олег.

— Точно, — строго продолжал Дюбуа. — Отстроил Серафим и знатную большую усадьбу, с конюшней и прудом. Его дом был самым богатым в городе Судиславле. Главная особенность Г-образного двухэтажного дома — три каменных льва, стерегущих крыльцо главного входа. После смерти Серафима его дело продолжил сын Федор. После революции большевики всё недвижимое имущество у семьи Федора Третьякова конфисковали. Например, сейчас в усадьбе — городская больница. Сам он тогда бежал неведомо куда. Правда, через некоторое время с семьей объявился в Костроме. Были у него сын Серафим и дочь Елена, которая потом ушла в монастырь. Где она вскорости то ли от тоски по мирской жизни, то ли от осознания своих сотворенных грехов, скончалась. У Серафима впоследствии родился сын, то есть ты, Олег и дочь, Светлана...

Снова подошла официантка, убрала пустые тарелки и быстро удалилась.

— Я всё понял о своей родословной, и о дальнейшем родстве с Павлом Михайловичем, — строго вымолвил Олег. — Вы, получается, приехали, чтобы мне всё это рассказать?

Дюбуа и Клеман переглянулись.

— Да, это так. Но и кое-что еще мы хотим тебе поведать, — вставила Клеман. — За год перед своей кончиной Павел Михайлович побывал в Париже, организовал там культурный Фонд, ты уже о нем знаешь с наших слов. А также он забронировал в одном парижском банке депозитарную ячейку, куда положил свое послание потомкам. И велел открыть ячейку и прочитать послание через 120 лет.

— Надо же!?! — воскликнул Олег. — Через 120 лет?! Такая интрига! И что, ждали 120 лет?

Одновременно подумал:

«С жиру бесятся богатенькие».

Дюбуа и Клеман улыбались.

— Да, ждали.

— И что в послании? — быстро спросил Олег. — Были сюрпризы? Приятные сюрпризы?

Определенно, рассказы французов его очень и очень заинтересовали. Глаза вспыхнули, лицо напряглось.

— В нем сказано, — продолжал Дюбуа, — что он спрятал в тайнике некие ценности. Какие ценности — не указал, и никто этого не знает. И что эти ценности, исходя из семейного древа, принадлежат сейчас тебе, Олег. Да, и это юридический факт...

Кострома, акционерный банк «Горожанин»...

В кабинете президента банка Добровольской, помимо нее находился начальник службы безопасности Волков. Они сидели в креслах за столом, на котором стояла бутылка виски, а также бутылка водки, стаканы и нарезанный лимон на тарелке.

Раскрасневшаяся женщина говорила по сотовому телефону с генералом Мазуром.

— ...ты нас ругал за наши методы возврата кредитов. Но мы в случае с Третьяковым были правы. Он внес свой миллион в счет погашения кредита...

— Дура ты, Райка! — рявкнул генерал. — Дальше своего носа ничего не видишь! Это же ясно, что заплатили за него приехавшие к нему французы! И теперь неясно, как это всё обернется и для тебя, и для меня. То ли международным скандалом? То ли отзывом лицензии у твоего банка? То ли мне придется лишиться своей должности? А может и всем этим вместе взятым! Смекаешь теперь?

— Ну, что ты так драматизируешь...

— Вот приедет из Москвы новый начальник Управления МВД по области, он тебе настоящую драму с посадкой и устроит. Да что с тобой говорить!.. (ненормативная лексика).

— Подожди, Григорий. Что ты себя, да и меня раньше времени хоронишь?.. — но в трубке слышались неприятные короткие гудки...

Клеман заказала всем кофе.

Было видно, что Олег усиленно переваривает всё услышанное от французов. Глаза его сверкали, он заерзал на стуле и даже слегка покраснел. А гости тем временем, спокойно изучая, взирали на Третьякова и, очевидно, ждали от него наводящих вопросов.

Вот Олег, кажется, что-то сформулировал.

— Вы сказали, тайник с ценностями. А где этот тайник?

— Вопрос правомерный и по существу, — изрекла Клеман. — А ответим мы на него только завтра. Завтра мы с Даниэлем подъедем к твоему дому в 8 часов утра. И затем все вместе отправимся на поиски тайника к месту, где он по нашим сведениям находится.

— Не понял? — удивленно бросил Олег.

— Что именно? — переспросила Клеман.

— Куда и на сколько по времени мы поедем? И вообще, где всё же находится тайник? Вы мне не морочите голову?

Дюбуа и Клеман переглянулись.

— Не спеши, Олег, всему свое время, — спокойно изрек Дюбуа. — Мы все поедем на поиски тайника. Поверь, он находится не очень далеко. Оденься полегче...

— Не доверяете.

— Дело вовсе не в этом, Олег, — вымолвила Клеман. — Это ради твоего же спокойствия...

— Допустим. А что в этом тайнике находится? Какие ценности? — не унимался Третьяков.

— Конкретики мы не знаем. Когда найдем тайник и когда затем его откроем, тогда всё и узнаем.

Судя по лицу, в голове Третьякова шли бурные процессы. Он неопределенно выдавил:

— Как-то это...

– Все нормально, Олег, – решительно вставила Клеман. – Всею свое время.

– Но так хочется всё узнать побыстрее! – воскликнул Третьяков.

– Ямщик, не гони лошадей, – весело продекламировал Дюбуа...

Борт авиалайнера Ил-62, рейс «Москва – Владивосток»...

Кристобаль летел на стареньком, шумном военнотранспортном самолете. Самолет был загружен какими-то ящиками. А он сидел в небольшом кубрике. На столике стояла бутылка водки, непрехотливая закуска.

Его миссия в Россию за наследством Павла Третьякова вдрызг провалилась. Если честно, то и шансов было мало, по сути, были только непомерный апломб и ненависть, передавшаяся от отца.

Кристобаль наполнил стакан наполовину. Затем лихо выпил, закусил огурцом.

На российские власти и органы безопасности он не обижался. Они сделали свое дело – избыличили, теперь вот бесплатно депортируют. И вообще, если честно, он был рад побывать в России, вживую посмотреть свою далекую историческую родину. Москва – шикарный, мировой город, да и страна хорошая. Кристобаль уже раздумывал, может, стоит перебраться в Россию на постоянное место жительства. Нужны деньги, от продажи своего ранчо он много не получит...

Во Владивостоке его посадят на другой самолет и отправят уже в Америку...

Глава 12

Кострома, акционерный банк «Горожанин»...

После непростого телефонного разговора с генералом Мазуром Добровольская и Волков обсуждали сложившуюся ситуацию. Начальник службы безопасности постоянно подливал в стаканы спиртное.

— Наше положение безупречно, — успокаивал расстроенную женщину Волков.

Подал сигнал сотовый телефон президента банка. Не глядя на дисплей, она зло отбросила его.

Через три секунды по громкоговорящей связи банка раздался голос секретаря президента банка.

— Госпожа Добровольская, по городской линии звонит господин Рогов. Он настаивает на разговоре с вами.

Рогов, как и Добровольская, входили в «элитный» бизнес-клуб города. Поэтому, какое бы ни было плохое настроение у президента банка, она решила переговорить. Подняла трубку телефонного аппарата и изрекла:

- Что хотел, Рог? Только быстро.
- Хотел уточнить, Рая, один вопрос. Правда, что Третьяков Олег рассчитался за кредит?
- Правда.
- Откуда у него деньги?

- Полагаю, помогли французы.
- Кто они такие? И почему помогают Третьякову?
- Не знаю. Извини, больше не могу говорить.

Добровольская положила трубку и бросила внимательно слушавшему ее разговор «безопаснику»: «Наливай...»

После сытного и продолжительного по времени обеда троица вышла на улицу. Совершенно точно, Олег был взволнован. Но эмоции свои он сдерживал. Невдалеке на стоянке стоял серый «Фиат».

– Мы выпили вина, поэтому отправимся к твоему дому, Олег, на такси. Мы с Даниэлем тебя проводим, — изрекла Клеман. — Олег, сделай, пожалуйста, заказ такси.

– Хорошо, — ответил Третьяков и вызвал машину по своему телефону.

Дорогой он был хмур и задумчив. Несомненно, Олег обдумывал всё услышанное в ресторане. Столько всего необычного...

Клеман и Дюбуа находились в своем обычном серьезном состоянии.

Вот и знакомый трехэтажный дом на улице Симановского.

– Даниэль, посиди в машине, — обращаясь к Дюбуа, вымолвила Клеман. — И отправь, пожалуйста, сообщение нашему другу.

Дюбуа кивнул. А она и Третьяков вышли из автомобиля и направились к подъезду. Капитан незаметно осматривала округу.

— Олег, за тобой и за нами с Дюбуа ведется слежка, — тихо сказала Клеман.

— Кем?

— Бандитами, спецслужбами, возможно еще кем-то. В наше время практически все секреты легко раскрываются. Не исключение и наш тайник. Поэтому, будь предельно осторожен. В квартире у тебя наверняка стоят «жучки» разные. Пожалуйста, никого к себе не впускай и не выходи из дома. Не отвечай на телефонные звонки и не звони сам. Мы завтра за тобой заедем, я поднимусь за тобой в квартиру. Ты меня понял?

— Кажется, понял, — открывая ключом дверь квартиры, медленно ответил Олег.

Они зашли в квартиру. Клеман быстро и определенно со знанием дела обошла и осмотрела все помещения.

Очевидно, не найдя ничего явно подозрительно, вымолвила:

— Отдыхай, пожалуйста, набирайся сил. До завтра.

— До завтра...

Клеман села в машину, тяжело выдохнула, изрекла:

— Кажется, новость Третьяков воспринял нормально.

«Достается ей, — подумал сидящий за рулем Дюбуа. — Но она молодец! Может, мы сегодня поцелуемся, расслабимся...» — и спросил:

— Мы не делаем ошибку, оставляя его одного?

— Уверена, нет, — отчеканила капитан. — Поскольку ликвидировать его на этой стадии местным мафиози просто глупо. Им же нужен тайник. А надавить на него

они всегда смогут и после нахождения тайника. Сам он, похоже, адекватен, глупостей не наделает.

— Я бы всё же ночь провел с ним рядом.

Клеман расслабленно откинулась на спинку кресла.

— Даниэль, всё пока нормально. Едем в отель. Надо хорошо отдохнуть, завтра у нас серьезный день. И не строй никаких иллюзий на ночь, спишь на диване. У нас должен быть нормальный полноценный сон и... никаких отвлечений и стрессов.

Клеман слегка потрепала на его голове рыжие волосы.

«И всё же, как мне повезло с напарницей», — явно довольно подумал Дюбуа...

Олег один в своей квартире, мысли бурлили в голове.

«Кто же хоть раз в жизни не мечтал найти сокровища?! Наверняка, такого человека нет!»

Впервые за полтора года (после смерти родителей и сестры) он был по большому счету весел и доволен. Как вовремя приехали эти французы!?! Решили жизненные проблемы, сделали такое заманчивое предложение!?! Уже завтра они выезжают на поиски тайника!?! Что же может быть в этом тайнике?..

Олег достал бутылку вина из бара, наполнил хрустальный фужер.

— За крутой вираж судьбы! — воскликнул. — За удачу!

Медленно ополовинил фужер и стал раздумывать, что всё же могло бы быть в тайнике.

«Этот прапрапрадед наверняка оставил что-то ценное. Значит, у меня будут деньги, возможно, большие... Куда мне их вложить? Что купить? Куда съездить и отдохнуть?..»

Женева, Швейцария, эндоскопический центр...

Тихая белоснежная медицинская одноместная палата. В ней на функциональной кровати лежала прикрытая простыней женщина с истощенным и бледным морщинистым старческим лицом, без всякой косметики. Седые волосы разметались по подушке. По периферийным катетерам через инфузоматы¹¹ вливались разные растворы. На нескольких мониторах, расположенных на панели за кроватью, высвечивались различные параметры организма пациента. На белой прикроватной тумбочке стоял небольшой бронзовый бюст солидного мужчины с бородой.

Третьякова-Лаган в этом центре решила с помощью новейших достижений медицинской науки и современной аппаратуры провести полную диагностику всех своих, уже не молодых, внутренних органов желудочно-кишечного тракта (пищевод, кишечник, двенадцатиперстная кишка...) Последнее время они начали ее беспокоить.

Но дела не оставляли ее и здесь. Пять минут назад она получила sms-сообщение от Дюбуа. Они с Клеман

¹¹ Инфузомат – устройство, позволяющее отмерить и ввести пациенту точную дозировку определенного лекарственного препарата, проконтролировать скорость введения.

решили оргвопросы с Олегом Третьяковым и завтра выезжают к месту нахождения тайника. Но их беспокоит повышенное внимание к ним (всем троим). Эти назойливые интересные могут сорвать операцию.

Конечно, директор Фонда понимала, что на их операцию по поиску тайника откликнутся многие сила. Но, по недавним словам майора Зарембо, Кристоаль Третьяков уже отсечен, мошенник Гриценко тоже. Значит... интересантами могут остаться еще местные бандиты и... спецслужбы.

Третьяковой-Лаган необходимо было принять правильное решение в рамках операции поиска тайника. От него могла зависеть дальнейшая судьба и даже жизнь Дюбуа и Клеман. И, конечно, репутация Фонда и лично ее самой. Особенно в период нестабильных отношений между Европой и Россией. Хотя судьбу своего Фонда после исполнения последнего желания Павла Михайловича она уже решила...

Подумав какое-то время, она взглянула на бронзовый мужской бюст. Очевидно, мысленно «посоветовавшись» и получив его «одобрение», решила обратиться за содействием к майору Зарембо. Взяла с тумбочки сотовый телефон...

Подал сигнал домашний телефон.

Помня слова Клеман, Олег не стал отвечать на звонок. Вскоре подав сигнал его сотовый аппарат.

Олег слегка ругнулся и снова не стал отвечать.

— У меня сегодня большой праздник! — весело воскликнул. — Кто бы это ни был, он или даже они, мне не испортят мой праздник! — и лихо опустошил фужер...

Кострома, кафе «Главный фаворит»...

В отдельном номере, за изобильно накрытым столом находилось несколько серьезных мужчин.

— Мы так и не знаем, зачем приехали в наш город эти двое французов! — воскликнул сидящий в кресле короткостриженный крупный мужчина с косым шрамом на лбу, известный как Рог. — Шакал, в чем дело?

— Нестандартная ситуация, босс, — изрек невзрачный, худой мужчина, сидящий неподалеку с сигаретой в руках. — Ведь они иностранцы. Мы по твоему приказу ограничены в действиях. Они вышли на Третьякова Олега. Он в долгах, как в шелках...

— Да мне... (ненормативная лексика), что они иностранцы! — бросил Рог. — Они точно помогли рассчитаться Третьякову с банковским кредитом. А почему? Да потому, что они приехали, дабы крупно пожить! А мы не в курсах! Этот автомеханик — Крут, чем занимается?

— Он старается, пытается выйти на контакт с Третьяковым, втереться в доверие. Но пока ничего нет. Мы хотим сегодня ночью установить маячок на машину французов и постоянно их отслеживать.

— Ну, хоть что-то будет! — воскликнул Рог. — Мы должны про них знать абсолютно всё...

Олег плотно поужинал. Затем включил телевизор.

Шли международные новости, но мысли его витали совсем в другом направлении. Он мысленно планировал

свои первоочередные дела после получения ценностей из тайника. Нужно было: сделать ремонт в квартире, установить памятник на могиле родителей и сестры, можно обновить свой прикид (то есть купить новую одежду), заменить резину на машине... А впрочем, почему бы не купить новую шикарную иномарку? Эта его простенькая Renault LOGAN уже приелась. И еще много-много чего хотелось...

Раздался сигнал звонка из прихожей.

— Они мне не испортят мой праздник! — весело воскликнул Олег. — Ну вас всех...

Кострома, отель «Екатерина»...

В гостиной номера Дюбуа и Клеман в банных халатах сидели в креслах. Между ними столик, на котором стояли бокалы, бутылка вина и ваза с фруктами. Напарники смотрели телевизор, спутниковый канал «France-24» с французскими новостями.

— Времена! — усмехнулся Дюбуа. — В России французское телевидение. А наши СМИ вещают, что Россия — закрытая страна.

— Современная западная медиа-индустрия полностью заказная, — бросила Клеман. — А заказ делают владельцы-толстосумы вкупе с продажными политиками.

— Мне как-то не верится, что завтра мы сможем закончить наше дело и отправимся в обратную дорогу, Париж, — вымолвил Дюбуа.

— Я бы так не обольщалась, — бросила Клеман. — Последний этап может затянуться.

— Это почему затянуться?

— По многим причинам. Но я не хочу сейчас гадать. Но, на всякий случай, заказала номера в отеле. Ты заметил, как изменились глаза Олега, когда он узнал о тайнике?

— Не обратил внимания.

— Глаза нашего объекта ярко вспыхнули. Это значит, что он приложит все силы, дабы реализовать нашу операцию.

Дюбуа промолчал.

— Кстати, Даниэль, — продолжала Клеман, — как ты относишься к тому, что ваш Фонд скоро будет ликвидирован?

Эти слова, судя по мимике, сильно удивили Дюбуа.

— Почему ликвидирован?

Клеман не спеша отпила из своего бокала.

— Последнюю волю основателя Фонда вы выполните. Зачем нужен тогда этот Фонд? Тем более, что при московской Третьяковской галерее недавно образованы и сейчас существуют Фонд поддержки, а также Попечительский совет. Я читала, что основная миссия Фонда — вдохновлять и поддерживать новые и актуальные проекты в рамках общей стратегии развития Третьяковской галереи. Системная работа Фонда направлена на привлечение средств для реализации новых концепций постоянных экспозиций, пополнения существующих коллекций музея, поддержки выставочной деятельности в регионах России и за рубежом, реконструкции зданий музея, развитие образовательной и издательской работы. То есть будет реализовано всё, чем вы, по сути, в настоящее время занимаетесь. Вы что, эмигранты, будете с ними конкурировать? Это же пустой номер! За ними

стоит мощное Российское государство. А за вами нет никого.

«Сколько она всего знает?! — воскликнул Дюбуа. — И так она убедительна!? Откуда всё это?.. Она явно не просто офицер Европола...» — медленно выдавил:

— Твои слова для меня — большая неожиданность. Честно говоря, я об этом не думал.

— Так подумай, Даниэль. Впрочем, нам пора отдыхать, завтра будет непростой день, — сказала Клеман.

Она решительно поднялась с кресла. Шагнула к озадаченному напарнику, чмокнула-поцеловала его в щеку и направилась в спальную комнату.

Задумчивый Дюбуа остался в кресле.

Мысли в голове перемешались:

«Не будет Фонда?.. Как он тогда будет жить?.. Ведь с малых лет его жизнь связана с Фондом... А директор Вера Ивановна Третьякова-Лаган, по сути, его поводырь в жизни...»

Звонок в прихожей повторился. Затем раздался еще и еще раз.

Олег ругался последними словами. И всё же пошел посмотреть на гостя. В «глазок» он увидел Пашку Крутова.

«Объявился нежданный друг!?» — ругнулся Олег.

Сразу вспомнил предупреждения Клеман о лже-друзьях.

Олег решил не открывать дверь. Гость стал стучать рукой в дверь. Послышались и приглушенные слова:

— Олег! Я знаю, ты дома. Открой. Ну, дружище. Есть новости, новости важные для тебя...

«Пошел ты, дружище, на...» — ругнулся Олег, махнул рукой и покинул прихожую.

Он еще какое-то время смотрел спортивную телепрограмму. Затем пошел отдыхать. Правда, уснуть он никак не мог. Мысли Олега постоянно крутились вокруг тайника, ценностей...

И все же он уснул:

...на площадке красуется спортивный оранжевый красавец Lamborghini Aventador с поднятыми дверьми-ножницами¹². Просто глаз не оторвать!.. Но вот Олег уже сидит, вернее полулежит за рулем оранжевого суперкара. Какой комфорт в салоне! Машина заводится буквально с пол-оборота! Как она легко и быстро стартовала? А с какой скоростью он несется, обгоняя всех-всех!..

¹² Двери-ножницы (двери гильотинного типа, англ. *Scissor doors*, *Lamborghini doors*, *Lambo doors*) — автомобильные двери, открывающиеся вертикально на неподвижном шарнире спереди двери в отличие от обычной двери с отпиранием на внешнюю сторону.

Кострома...

Полночь, город практически уснул.

Отдыхает и отель «Екатерина». Лишь на первом этаже горит приглушенный свет.

Вот на полутемной парковке машин возле отеля появляется мужчина в куртке с капюшоном на голове. Он осторожно продвигается вдоль авто и останавливается у одной. Кажется, серого «Фиата». Мужчина наклоняется и что-то устанавливает на днище автомобиля. Оглядывается по сторонам и быстро исчезает...

Второй час ночи. На звездном небе показалась летящая яркая звезда. Две-три секунды, и она также внезапно, как и появилась, исчезает из вида...

К парковке машин отеля тихо подъезжает городской эвакуатор. Он останавливается, кажется, у серого «Фиата». Из кабины вышел мужчина в комбинезоне, подошел к авто. Несколько секунд, и кран-манипулятор (или выдвижная телескопическая стрела эвакуатора) ловко, буквально играючи, поднимает и ставит на свой кузов легковушку. Мужчина в комбинезоне закрепляет ее и снова садится в кабину. Эвакуатор тихо отъезжает от парковки...

Примерно через два часа городской эвакуатор возвращается на парковку машин отеля. Он аккуратно снимает со своего кузова и ставит на место серый «Фиат». И затем покидает площадку...

Олег проснулся рано, в пять утра. Вроде как он выспался, снился некий сон. Вроде он катался на какой-то красной, нет, оранжевой машине, суперкаре...

«А что, — подумал, — в свете текущих неожиданных событий, сон вполне может стать явью».

Но было ему как-то беспокойно.

Спать более совсем не хотелось. В голове витали мысли о дне предстоящем. Он выпил стоящий на тумбочке и подготовленный с вечера стакан воды. Мысленно пробежался по событиям вчерашнего дня. Французы, тайник, ценности...

Прикинул и предстоящие события наступившего дня. Поездка, поиск, недоброжелатели...

Всё это казалась ему неопределенным и неясным. Вчерашний позитивный настрой как-то быстро улетучился. Возникла и тревога за день предстоящий...

Олег поднялся, стал делать небольшую физическую зарядку.

Париж...

Майор Морель проснулся от сигнала сотового телефона.

Быстро взял аппарат. На дисплее высвечивалось — Рамо. А также время — 4:02.

— Слушаю вас, — выдавил майор спросонья. — Что-то случилось, господин полковник?

— Да, майор, случилось. Маяк с машины Клеман и Дюбуа пропал с радара в 3 часа по Москве.

Майор, похоже, тихо ругнулся.

— Что вы об этом думаете, Рамо?

— Ничего хорошего я не думаю. Очевидно, перед решающими событиями Клеман решила поработать,

почистила авто. Еще IT-ишники из информационно-аналитической группы посольства никак не могут подключиться к костромским городским камерам фото- и видеофиксации. Подключиться к российской банковской системе для отслеживания кредитных карт Клеман и Дюбуа мы не сможем. Полагаю, майор, у вас остается один реальный рычаг для их отслеживания — электронная спутниковая разведка.

Несколько секунд майор раздумывал.

— И, тем не менее, Рамо, прошу вас, продолжайте искать контакт с камерами на машине и костромскими городскими камерами...

Глава 13

Кострома, ул. Симановского...

В утренний час на улице было минимальное движение. Серый «Фиат» остановился у знакомого трехэтажного дома.

Находящиеся в машине Дюбуа и Клеман какое-то время осматривали округу.

— Вроде всё чисто, — выдавил сидящий за рулем мужчина.

— Даниэль, оставайся в машине и отслеживай ситуацию, — строго изрекла Клеман и быстро вышла из машины.

Вот она уже заходит в подъезд дома, поднимается по лестнице.

На лестничной площадке между первым и вторым этажом, у окна стоит невзрачный худой парень. Он улыбался, в его зубах сверкала «фикса».

Увидев поднимающуюся по лестнице женщину, он явно издевательски выдавил сквозь зубы:

— Здравствуйте вам, — слегка поклонился.

Клеман как будто его не замечает, спокойно поднимается на лестничную площадку. Вот она поравнялась с парнем.

— И нам не хвора...

Договорить мужчина не успел. Женщина сделала резкое движение правой рукой в область мужского горла. Парень схватился руками за шею, ртом хватая воздух, стал медленно оседать на пол.

Женщина между тем, как ни в чем не бывало, продолжала подниматься дальше по лестнице...

К приходу француженки Олег был уже полностью готов к выезду. Он слегка нервничал. Они поздоровались.

— Готов? — спросила Клеман. — У тебя всё нормально?

— Да, готов. Всё нормально.

— Тогда вперед.

Клеман и Третьяков вышли из квартиры, стали спускаться по лестнице вниз.

На лестничной площадке между первым и вторым этажом под окном лежал на полу мужчина.

Олег хотел наклониться к лежащему. Но его резко прихватила за руку Клеман.

— Не надо ему помогать. Наверное, утомился после ночной слежки за тобой, пусть отдохнет.

Они проследовали на выход.

— Он ко мне весь вечер рвался, — вымолвил Олег. — Но я его не впустил.

— И правильно сделал.

Вскоре Олег и Клеман сидели на заднем сидении «Фиата». За рулем находился сосредоточенный Дюбуа. Автомобиль уверенно двигался по городским улицам. Клеман достала из дамской сумочки сотовый аппарат и стала что-то искать...

— Куда мы едем? — спросил Олег.

– Как? Ты разве не понял из нашего вчерашнего разговора? – спросила Клеман.

– Я понял, что мы направимся к старинному тайнику. Но, куда именно, не понял.

– Дорогой мой, – весело изрекла Клеман, – как говорится: приедешь-увидишь-узнаешь. Или ты очень спешишь?

– Не то, чтобы очень спешу, но быть болванчиком в чьих-то руках не очень интересно, – сердито изрек Третьяков.

– Олег, – бросил Дюбуа, – мы на пороге великой исторической миссии. Попытайся это понять и осознать, и отбросить всё мелкое.

– Пытаюсь. Но как-то это не получается.

– Успокойся, друзья, – изрекла Клеман, – не будем спешить и просто поговорим дорогой.

– Разговоры имеют смысл, только если вы общаетесь открыто и искренне и готовы распахнуть перед человеком сердце, – вымолвил Олег.

Клеман всплеснула руками.

– Уважаемый Олег, поверь, мы твои друзья. Мы понимаем, что наш приезд обострил твои чувства и эмоции. Но острота и азарт должны уступить место разуму и логике...

Кострома, Управление МВД России по Костромской области...

Генерал-майор Мазур располагался в кресле за своим рабочим столом и пил утренний кофе. Одновременно он вел разговор по сотовому телефону. Громкий мужской голос абонента раздавался почти по всему кабинету.

– Да не кричи ты, Рогов! – обрывает абонента генерал.

– Не могу я никак успокоиться, Григорий! Французы ушли буквально из-под моего носа! То есть, наблюдения!

– Давай по порядку.

– Слушай. Ночью мои люди установили маяк на машину французов. А утром он оказался вне работы. Они его вырубili.

– А ты думал, – усмехнулся Мазур, – капитан Европола не раскусит этот твой элементарный трюк?

– Возможно, далее. Наблюдать за Третьяковым и его квартирой я отправил его школьного знакомого. А утром его нашли бездыханным в подъезде дома Третьякова!

– Ты хочешь труп своего человека повесить на мою контору? Чтобы она прошла по всем сводкам?

– Да нет, Григорий...

– С трупом разбирайся сам.

– Да разберусь я, разберусь. А дальше. Французов и Третьякова сейчас нет нигде. Ты лучше по городским камерам ГАИ отследи их машину. Куда они слились?

– Ладно, отследим. А ты давай без глупостей, мне международные скандалы не нужны.

– Заметано. Ты мне, Григорий, обещал информацию по парижскому Фонду.

– Да, сейчас сброшу на твой сотовый...

– Это автомобильная дорога федерального значения Р-243 «Кострома – Пермь», – осматриваясь по сторонам, вымолвил Олег. – Мне она неплохо знакома.

Серый «Фиат» уже минут 15, как покинул городские кварталы. Шоссе было хорошего качества, Дюбуа уверенно вел машину. Клеман возилась со своим гаджетом. Внезапно она спросила:

— Олег, в Костроме есть орган?

— Есть, — ответил Третьяков. — Голландцы недавно установили в городской филармонии.

— Люблю этот божественный инструмент. Когда сделаем дело, нужно будет заехать, послушать, — бросила Клеман.

Миновали какое-то небольшое и, очевидно, заброшенное поселение. Где-то у дома рухнула крыша, где-то уже стены сложились, где-то окна смотрят на проезжающих пустыми глазами. А в целом картина унылая — скособоченные, полуразрушенные, заросшие крапивой и лопухами деревянные дома.

По обеим сторонам дороги потянулся смешанный густой зеленый лес, проскакивали и заросшие травой полянки. Мелькнуло небольшое озерцо с голубой водой.

— Красивая здесь природа, — озираясь по сторонам, изрекла Клеман.

— Да, благодатные, казалось бы, красивые места, — подтвердил Олег. — Только люди здесь последнее время не уживаются — нет работы. В итоге люди уезжают в города. В области очень много заброшенных и вымирающих деревень. Зато урбанизация уверенно шагает по стране.

Вот, с пригорка, впереди показалось утопающее в зелени небольшое село. И...

...в сторонке — бесхозный храм. Большой и некогда несомненно светлый, с трехъярусной колокольной и крестами, и... черными куполами, определенно заброшенный людьми и постепенно разрушающийся. Некогда

красивый и, несомненно, активно функционирующий. Краска со временем выцвела, покрылась лишайником, и храм приобрел серо-коричневый цвет. И даже в полу-разрушенном состоянии он выглядел достаточно величественно. А рядом виднелся заросший бурьяном погост с покосившимися и упавшими крестами на могилах.

Невдалеке брошенные людьми дома, сараи, сады, заросли борщевика и кустарника и еще, кажется, малины. Странно сохранившиеся, без проводов, одинокие столбы линии электропередач. Явно давно заброшенные поля, на которых когда-то выращивалась рожь и другие культуры. Смотрелось всё это исключительно печально-тоскливо.

— Почему так происходит? — кивая на храмы, спросила Клеман. — Зброшенные, ненужные храмы? Ведь это история и культура великой страны. Ее должны уважать и ценить все, кто жил, кто живет сейчас и будет жить дальше.

— Всё так, и таких картин по области великое множество. В годы СССР это как-то поддерживалось, были колхозы, совхозы. Деревня жила, работала. Но после демократической революции 1991 года, я полагаю, элементарного гос. переворота Ельцина и его компании, страна пошла вразнос, — изрек Олег. — Коллективные хозяйства просто развалились, люди, кто куда сможет, разъехались. Мертвые и полумертвые деревни. Люди забросили культуру, веру, семейные традиции и бросились зарабатывать деньги и только деньги, желательны доллары. И некогда большое село умирает, умирают и деревни. И сколько их таких по области? Не счесть. Село сейчас в жестком упадке. Это еще хорошо, что эти, нами увиденные церкви не разобрали по кирпичику для виллы какого-нибудь бандита или чиновника.

— Россия постоянно переживает какие-то катаклизмы: революции, войны, перестройки, — вымолвила Клеман. — Мне жаль русский народ. Ведь все эти катаклизмы (реформы) — удар по простому народу.

— Не надо нас жалеть, сами виноваты, — бросил Олег. — Мы сами творим свою историю. Да, историю разную. Кстати, мадам Клеман, во Франции ведь тоже есть заброшенные и вымирающие деревни?

— Да, есть. В стране действует программа по борьбе с вымиранием деревень. Правительство старается направлять в эти места мигрантов, в основном из Азии и Африки. Но мигранты стремятся остаться в больших городах, получать социальные деньги и наслаждаться благами современной цивилизации.

— Нам надо сохранить нашу тысячелетнюю историю и культуру, — тихо вымолвил Олег. — Пока еще есть, что сохранять.

Дальше ехали молча.

Мелькали поселения, поля, луга, лес, некие строения...

Справа на пригорке показалась радиолокационная станция и радар. На гравийной дороге-отворотке, ведущей к ним, стояли бульдозер и грейдер...

Хальштатт, Верхняя Австрия...

Гриценко сидел на веранде своего «игрушечного» домика. Тихо играла музыка, на столике находились фрукты и бутылка вина. Взирая на голубое озеро и покрытые зеленой растительностью горы, явно довольный собой мужчина отдыхал и наслаждался жизнью.

Подал сигнал лежащий на столе сотовый телефон. Мужчина никак не отреагировал.

Сигнал повторился. Гриценко нехотя взял аппарат в руку, взглянул на дисплей. Высвечивалось — Диана.

Пресс-секретарь французского посольства Диана Шерези — Шико пару раз за вознаграждение сообщала ему интересные сведения. Но на последней встрече она попросила кокаина. А наркоманов Гриценко не терпел и не доверял им. Он считал, что каждый наркоман — потенциальный неуправляемый шизофреник, не способный контролировать себя и свое поведение. Тем не менее, он решил ответить на звонок. Вдруг узнает нечто интересное о французах в России.

— Слушаю, Диана.

— Здравствуйте, Николай Николаевич. Вы куда-то пропали. Наобещали девушке, она поверила. И пропали.

«Ждет свой кокаинчик», — усмехнулся Гриценко и ответил:

— Понимаешь, Дианочка, возникли проблемы с моим здоровьем. Пришлось срочно вылететь за границу на лечение.

— Вы не в России?

— Нет, но, полагаю, скоро вернусь. Какие у вас новости по известному делу?

— А... Туристы продолжают путешествие, но связь с ними у Рамо оборвалась. Поэтому точных сведений нет. Поправляйтесь, пожалуйста. С нетерпением жду нашей встречи. Могу на нее надеяться?

— Можешь, несравненная Дианочка.

— До свидания, Николай Николаевич.

— До свидания...

Впереди на обочине шоссе показался бело-черный дорожный указатель:

Судиславль

Вот машина по шоссе поднялась на пригорок, внизу открылось взору большое поселение.

— Это и есть Судиславль¹³, население 5 тысяч человек, — вымолвил Олег. — Тихий и откровенно провинциальный, патриархальный городок, расположенный на холмах. Интересно, что в XVIII—XIX веках Судиславль был одним из крупных центров старообрядчества.

¹³ Судиславль — по некоторым историческим данным город существовал уже в XI веке. Происхождение названия города связывается с именем князя Судислава Владимировича, который, скорее всего, и основал город в первой половине XI века, как крепость на северном рубеже Киевской Руси. Включен в перечень исторических поселений регионального значения.

В то время здесь кипела жизнь, развивались ремесла — ткацкое, кожевенное, столярное, гончарное. Строились дома и дороги. Здесь и сейчас сохранилось большое количество старинных зданий, являющихся яркими образцами архитектуры царских времен. Я читал, что туристы всегда интересуются местным краеведческим музеем, так как в нем находится большое количество различных экспонатов и материалов. Кстати, когда-то в царские времена через город проходил знаменитый Екатерининский тракт из Санкт-Петербурга в Сибирь. Это по нему пробивались сквозь зимнюю пургу извозчики и шли на каторгу осужденные. Да, еще город известен своими особыми старообрядческими традициями. Важной фигурой для общины города был старообрядец, крупный купец Папулин...

— Прекрасно, — бросила Клеман. — Молодец, Олег. Хорошо знаешь историю и географию своего региона.

Она по-прежнему возилась со своим гаджетом.

— Даниэль, сбавь скорость.

Миновав производственные корпуса слева от дороги, машина спустилась вниз. Пересекли мост через небольшую речку.

— Что это? — спросила Клеман.

— Судиславль находится на реке Корба, это приток более крупной реки Андобы бассейна великой Волги, — ответил Олег. — Сейчас в это трудно поверить, но в давние времена река была широка, и по ней на больших лодках перевозили товар. Вода была чиста, и что в ней водилась царь-рыба — таймень из семейства лососевых.

Машина оставила слева зеленый холм с белоснежным собором и высокой шатровой свечой-колокольней. Авто оказалось на небольшой площади.

— Это центральная рыночная торговая площадь, — изрек Олег. — Торговые ряды, универмаг, сквер, памятник Ленину, краснокирпичное двухэтажное здание городской Думы, Дом культуры. Есть и средняя школа, детские сады, больница, почта, отделение Сбербанка, сетевые продуктовые магазины. Всё, как в типичном провинциальном русском городке...

– Так, – решительно руководила движением Клеман, – теперь направо. Э... затем налево, прямо и снова направо.

Управляя машиной, Дюбуа с интересом рассматривал улицы и строения на ней.

– Мы куда конкретно едем? – спросил Олег.

– Еще вперед, – не отвечая на его вопрос и продолжая руководить движением, изрекла Клеман.

Автомобиль стал подниматься вверх.

– Хорошо, – сказала Клеман. – Теперь припаркуйся у этого здания. Отлично, выходим.

Дружно все вышли из автомобиля, осмотрелись.

Перед ними находился трехэтажный и, судя по вывеске, трехзвездный отель под названием «Третьяков».

За зданием отеля виднелся холм, поросший высоким сосновым бором.

— Это теперь наше временное пристанище, — кивая на здание, изрекла Клеман. — За мной, мальчики.

— Что мы здесь вообще делаем? — громко спросил Олег.

— Мы здесь находимся по нашим важным делам, — тихо ответила Клеман. — И давайте, товарищи, соблюдать взаимовыгодную корректность и ответственность. И не забывайте о конфиденциальности нашей поездки, и что конкуренты не дремлют.

— А почему отель носит имя «Третьяков»? — спросил Дюбуа.

— Очевидно, когда-то этот дом принадлежал Третьяковым, — на ходу ответила Клеман.

— Как много, оказывается, в России Третьякова, — тихо изрек Дюбуа.

— Да, друг мой, — весело бросила Клеман. — Много, и это, поверь, по праву. А ты, похоже, в Париже плохо изучал «матчасть».

Олег с интересом слушал разговор французов...

Кострома, Управление ФСБ России по Костромской области...

Майор Зарембо вел телефонный разговор со своим московским шефом подполковником Нововым.

— ...Федор Федорович, я полагаю, что именно Судиславль является их конечной точкой. Здесь многое, очень многое связано с семейством Третьяковых.

— А если это отвлекающий маневр? Ведь Клеман очень опытна, и она понимает, что за ними наблюдают многие. Она способна на «ход конём». Поэтому, давай, Иван Егорович, не будем спешить. Вы по-прежнему намерены действовать скрытно?

— Да...

Клеман, следом Дюбуа и Третьяков вошли в здание и оказались в просторном светлом фойе. У входа дежурила крупная женщина-охранник в униформе. Далее, за стойкой, администратор — миловидная молодая девушка. Напротив стойки размещался небольшой открытый киоск с книгами, буклетами, сувенирами. Рядом стояли две симпатичные женщины средних лет. Все они с легким удивлением взирали на вошедшую тройцу.

— Добрый день, — широко улыбаясь, весело бросила Клеман. — Да у вас тут просто женский цветник!

— Есть такое, — в тон ответила охранница. — Не хватает у нас мужчин. И это факт.

Мужчины также поздоровались. Улыбающиеся гости прошли на ресепшен.

Клеман, мило улыбаясь, вымолвила:

— Моя фамилия Клеман, я заказывала у вас три номера «люкс». Но, принимая во внимание ситуацию у вас с мужчинами, — усмехнулась, — мы ограничимся двумя номерами. Один — для меня, и один — для моих двух мальчиков, то есть коллег по работе.

Тройца дружно выложила свои паспорта.

— С какой целью прибыли? — рассматривая документы, спросила администратор.

— С туристической, — быстро ответила Клеман. — Я оплачу оба номера на три дня.

— У нас есть, что посмотреть, — вымолвила администратор, передавая красочную карту (буклет) Судислава «туристам». — Сохранилось большое количество старинных зданий, являющихся яркими образцами архитектуры царских времен. Кроме того, туристов может очень заинтересовать местный краеведческий музей, так как в нем находится большое количество экспонатов...

Процедура оформления номеров заняла немного времени.

— Ресторан работает? — спросила Клеман.

— Ресторан, бар, бильярдный зал и спа-центр ждут вас, — ответила администратор. — А также парикмахерские услуги и экскурсовод. Завтрак включен в стоимость проживания. Еду и напитки можно заказать по телефону в номер.

— Прекрасно! — воскликнула Клеман. — Всё как в лучших отелях мира!

Вскоре троица, под взглядами персонала отеля, стала подниматься по лестнице на второй этаж. А там их встретила улыбающаяся молодая горничная в униформе.

— Друзья, нам вперед, — видя взгляды на девушку Дюбуа и Олега, строго изрекла Клеман. — И вообще, добры молодцы, у нас есть важнейшее дело. Всё должно быть направлено для его реализации. Всё остальное, включая девочек, потом. Я это требую.

— Да, конечно, — ответил Дюбуа.

Закивал в знак согласия и Третьяков.

Сначала все они зашли в номер «мальчиков». Клеман по-хозяйски обошла все помещения номера и констатировала:

— Все вполне приемлемо: туалетная комната с душем, гостиная и спальная комнаты. Светло и чисто. Мебель не первой свежести, но это не страшно. Дюбуа будет ночевать в спальней, — строго распорядилась, — Третьяков — в гостиной на диване.

«Мальчики» переглянулись.

Клеман подошла к окну и вымолвила:

— Мальчики, не забывайте посматривать в окно на нашу машину.

— Мы здесь будем три дня? — спросил Олег.

Клеман мило улыбнулась.

— Сколько потребуется, столько и будем. Главное — сделать дело. Еще вопросы?

— Нужно понимать, что тайник находится в этом городе, — настаивал Олег.

— Предположительно. Еще вопросы?

Поскольку их не последовало, Клеман уверенно продолжила:

— Я, господа, пойду осмотрю свой, вероятно такой же как и ваш номер. Отдохните немного. Зайду за вами через 15—20 минут. Все дружно пойдем обедать в ресторан...

Париж, штаб-квартира DGSE...

В своем кабинете майор Морель работал на компьютере с электронными документами.

Подал сигнал стоящий на рабочем столе телефон спецсвязи. Майор поднял трубку, четко ответил:

– У аппарата Морель.

– Здравствуйте, майор, – раздался мужской голос. – Вас беспокоит старший инспектор TRACFIN Фабиш.

Морель сразу вспомнил Фабиша, они были немного знакомы. Их ведомства были в некотором роде конкурентами, и личные контакты не приветствовались.

– Здравствуйте, старший инспектор. Чем обязан?

– Видите ли, я по долгу службы курирую Фонд Третьякова. Из оперативных данных мне стало известно, что мадам Третьякова-Лаган изъяла из депозитарной банковской ячейки некий важный документ. И что после этого она отправила в Россию двух гонцов. В связи с этим у меня к вам есть служебный вопрос. Есть ли новости о деятельности гонцов в России?

Морель ругнулся про себя.

– Уважаемый старший инспектор. А почему, собственно, вы мне задаете этот вопрос?

– Я уверен, что ваше ведомство в курсе происходящего.

– Возможно. Но почему я вам что-то должен сообщать? Лишь только потому, что Фонд и Третьякова-Лаган наверняка находятся в вашей картотеке важных персон?

– Значит, мы в рабочем порядке не договоримся?

– Вы меня удивляете...

– Очевидно, вы просто ничего не знаете об этом деле. Жаль, жаль.

– Ну, знаете ли, старший инспектор...

— Передавайте привет Рамо, мы с ним неплохо знакомы. Пока.

— Пока, — автоматически бросил майор.

Он глубоко задумался:

«TRACFIN следит за нашей операцией и, в случае нашей неудачи, раздует скандал. А в случае удачи постарается украсть наш успех... Что делать мне?.. Прежде всего, дабы не остаться крайним, надо доложить своему шефу. Хотя он точно расшумится...»

Как и предполагал Морель, полковник Бернар его как следует взгрел. А когда майор скромно спросил:

— За что вы меня так? Ведь Фабиш позвонил сам, и я ему ничего не сказал...

Полковник, не моргнув глазом, бросил:

— Для профилактики, на будущее...

Интерьер ресторана оказался контрастным: белый потолок и белая напольная плитка, стены оклеены ярко-красными обоями, черные столы и стулья.

У троицы приняли заказ и обслужили на удивление быстро. Пища оказалась вкусной и вполне качественной.

В какой-то момент в ближайшее к троице открытое окна влетела небольшая птичка, села на подоконник и стала рассматривать людей.

— Птичка эта — зяблик, размером с воробья, — вымолвил Олег. — Прилетела из парка отдыха.

— Из парка отдыха? — спросил Дюбуа.

— Да, — подтвердил Олег. — За гостиницей поросший высокими соснами холм, дальше небольшое озеро.

Это и есть городской ландшафтный парк отдыха. Обратите внимание, клюв зяблика конический и толстый у его основания. Этот экземпляр — самец. Он имеет довольно яркую окраску. Сизо-серая шапочка контрастирует с розовато-кирпичными щеками и грудкой. На крыле есть две белые полосы, по которым их легко идентифицировать. Зяблик обитает по всей Европе, в Северной Америке и лесной зоне Азии...

Подошла официантка, и птичка улетела.

— Откуда такие познания по птицам? — спросила Клеман.

— В детстве увлекался орнитологией, наукой о птицах, — ответил Олег.

— Похвально, — неопределенно изрек Дюбуа.

— Куда мы теперь отправимся? — спросил Олег после того, как Клеман рассчиталась за обед.

— Отправимся на прогулку по городу. Ведь мы, если вы не забыли, мужчины, туристы. И должны соответствовать этому, ведь за нами наверняка приглядывают.

Глава 14

Женева, Швейцария, эндоскопический центр...

Тихая белоснежная медицинская одноместная палата. В ней на функциональной кровати лежала прикрытая простыней женщина с истощенным и бледным морщинистым старческим лицом, без всякой косметики. Седые волосы разметались по подушке. Инфузии растворов уже прекратились. На мониторах в пульсирующем режиме высвечивались параметры организма пациентки. На белой прикроватной тумбочке стоял небольшой бронзовый бюст солидного мужчины с бородой.

Рядом стояли две женщины и мужчина, в белых халатах.

Вот мужчина поправил очки и вымолвил:

— Уважаемая мадам Третьякова-Лаган, мы закончили обследование ваших внутренних органов желудочно-кишечного тракта. Наше заключение вы хотите получить в письменном виде или устно?

Лежащая женщина слегка улыбнулась.

— Уважаемый профессор. Мне 79 лет, и я готова выслушать любой свой диагноз. Пожалуйста, расскажите мне доходчиво и всё без утайки. И смелее, смелее.

Мужчина взглянул на своих коллег и вымолвил:

— Хорошо. Мы диагностировали у вас рак 3 стадии с метастазами во многие внутренние органы, включая печень.

— То есть, если я покушаю, что мне нравится, то могу умереть буквально через 2—3 дня?

— Ну что вы, мадам Третьякова-Лаган. У вас онкология средней стадии, и она лечится. И вообще, с таким диагнозом люди спокойно еще живут 10—15 лет, а то и больше.

— Уверена, это не в моем случае.

— Именно в вашем. Если вы не против, мы спланируем ваше лечение на ближайшие полгода.

— А стоит ли? Стоит мучить меня, вас?

— Мы уверены: да, стоит.

— Итак, вы мне даете гарантию на жизнь, на сколько лет?

Мужчина снова взглянул на своих коллег и вымолвил:

— Если ничего не делать, то полгода-год. Если активно бороться...

— Спасибо. Я всё поняла. Но возможна и операция по удалению злокачественной опухоли?

— Да.

Больная взглянула на бронзовый бюст мужчины.

И вскоре вымолвила:

— Я подумаю до утра. Можно?

— Разумеется...

За руль серого «Форда» села Клеман.

— Эх и прокатимся сейчас! — воскликнула она. — А ты, Олег, комментируй, ведь ты уже бывал здесь неоднократно.

Автомобиль покати́л.

— С удовольствием, — весело бросил Третьяков. — Сразу сообщаю, Судиславлю чужды шум и пафос, ему к лицу спокойная провинциальность, не зря же он был известным в России центром старообрядчества — уж они-то шума лишнего точно не любили...

— ...Судиславские улочки сохранили для нас преинтереснейшую, богатую на каменные и полукаменные особняки историческую застройку периода начала-середины XIX века, — вещал Олег. — Типичную для малых российских городов...

Серый «Фиат» уже около часа медленно ездил по далеко не самым ровным и ухоженным улочкам и переулкам. Тут и там встречалось много разного мусора, иногда целые заросли полыни, да лебеды, и еще крапивы. Встречались и брошенные дома, заросшие буйной растительностью. Попадались убогие и некрасивые вывески, порой несоразмерно большие, которые портили облик фасадов домов. Впрочем, и на некоторых самих стенах «красовалась» бессмысленная «наскальная живопись». Хотя встречались и здания, украшенные оригинальными историческими вывесками под старину, с той тематикой, которая была в далекие царские времена. Улицы казались пустынными, лишь изредка встречались прохожие, да проносились редкие автомобили. Правда, встретили несколько скамеечек у ворот домов, на которых сидели словоохотливые бабушки.

— ...Судиславль будто бы заснул надолго. Мимо него пронесся бурный событиями XX век, полный глобальных потрясений: революций, войн, безвременье бандитских 90-х. Но он не затронул городка, здесь живут тихо и неторопливо. Город как бы потерялся во времени,

замер в своем развитии, как бы «законсервировался» и донес до нас свой естественный исторический облик. Где-то интересный и своеобразный, где-то совсем наоборот, неприглядный и неприветливый...

Попадались на пути и красивые, нарядные дома. В окнах занавески и цветы на подоконниках. Вот небольшой симпатичный деревянный, солнечный (желтого цвета) дом. Стены рублены из бревен и обшиты по фасадам тесом. Выступы бревен на углах и перерубах оформлены филенчатыми лопатками, украшенными накладным орнаментом (резьбой). Окна заключены в удивительной красоты красные наличники с ярусной бахромой и увиты зеленым плющом.

Клеман и Дюбуа не особо внимательно рассматривали округу, дома, да и слушали Третьякова. Можно было предположить, что они заняты своими раздумьями.

— ...Жаль только, что большинство памятников прошлого находятся сейчас в плачевном, а некоторые даже в разрушенном состоянии. Реставрации никакой не ведется. Городу не хватает порядка и грамотного косметического восстановления. Очевидно, он стеснен в финансах. Маленький и сонный город с неторопливыми людьми. Зато здесь фильм про XIX век снимать можно. Многие здания стоят больше века...

— Внимание! — решительно перебила гида Клеман. — Все взоры, друзья, налево, налево. Здание Г-образного двухэтажного дома имеет необычную композицию и интересный декор, хотя и поврежденный временем. Видите, на входе в дом на ступенях размещена скульптурная группа со спящими львами. Правда, покрашенными в невероятные цвета.

– Это наиболее известное из светских сооружений Судиславля – «дом со львами» купца Третьякова, – воскликнул Олег. – Кстати... вы о нем рассказывали в Костроме, что это дом моего дальнего родственника. Что там сейчас больница...

– Вероятно, это и есть наш искомый объект, – решительно отчеканила Клеман.

– Кое-где у дома штукатурка отлетела, не мешало бы его подремонтировать, – обозревая здание, хмуро бросил Дюбуа. – Да и львов я бы перекрасил.

– Значит, именно там находится тайник! – весело воскликнул Олег.

– Рано радуешься, друг, – оборвала его Клеман. – Это еще не безусловный факт. Надо всё еще проверить...

Но сердце Олега учащенно застучало...

**Нижняя Калифорния, Мексика,
одинокое скромное ранчо на краю пустыни...**

Кристобаль сидел в кресле и смотрел старенький вестерн по маленькому телевизору. Рядом на столе стояла ополовиненная бутылка текилы, стакан, лежало три банана, какие-то орехи, что-то еще.

Раздается резкий сигнал лежащего на столе сотового телефона. Мужчина выключает звук телевизора и отвечает на звонок.

— На проводе.

- Привет, Кристобаль.
- А! Привет, Отто. Ты из Парижа?
- Да. А ты всё гоняешь на своем огненном мустанге по прериям с зарослями кактусов, да горным серпантинам? Или на своем ранчо пьешь текилу? А может ты на Карибском море с белоснежным песком и девочками-мулатками?..
- Что хотел? – перебил Кристобаль. – Говорю сразу, денег у меня сейчас нет.
- Что-то ты не ласков, дружище.
- Жизнь не радует. А ты что, предлагаешь мне бессрочный и беспроцентный кредит?
- Нет, дружище. Просто хочу сообщить приятную для тебя новость.
- И какую?
- Твоя «бесподобная» мадам Третьякова-Лаган лежит в онкологической клинике.
- Неужели всевышний услышал меня?!
- На этот раз, очень похоже.
- Я за это известие выпью целый стакан виски!

Серый «Фиат» подъехал к отелю «Третьяков».

У входа стоял зеленого цвета крупный внедорожник брутальной внешности.

– О! – воскликнул Олег. – Российский шестиместный внедорожник «Булат»! Под капотом его установлен дизельный турбированный двигатель мощностью 120 лошадиных сил. Создан на базе ГАЗ-66, правда трансмиссия была заимствована от Mercedes. Ручная сборка, индивидуальный заказ. Раритетная техника!

– И чей он, такой крутой «Булат»? – спросила Клеман.

– В Костроме, да и в области только один он такой, – продолжал уже спокойно Олег. – Владельцем его является «бизнесмен» с криминальным прошлым по фамилии Рогов, по прозвищу Рог.

– Дождались бандитского внимания, – тихо вымолвил Дюбуа.

– Может это просто совпадение, что он оказался здесь, – изрек Третьяков. – Кстати, возможно, он хозяин этого отеля.

– Скоро всё узнаем, – хмуро отрезала Клеман. – Выше голову. Вперед, друзья, в свои номера. В них наверняка уже установлена скрытая прослушка, а может и видеокамеры. Будьте внимательны, мальчики. Приводим себя в порядок и затем отправляемся на ужин в ресторан. А вечером, во время прогулки по парку отдыха, мы обсудим план действий по нашему искомому объекту...

Клеман, Дюбуа и Третьяков направились в ресторан.

Открыв двери, услышали тихую мелодию, под которую хрипатым мужской голос что-то напевал-говорил.

Перед ними появилось двое крепких парней в спортивных костюмах.

— Спецобслуживание. Свободны, — грубо бросил один из них.

— А я бы ее трахнул, — нагло рассматривая Клеман и кривляясь, изрек второй «качок».

Вошедшие увидели, что в центре зала за большим и изобильно накрытым столом восседало трое мужчин.

— Уйдемте отсюда, — тихо изрек Олег.

В этот момент Клеман сделала резкое движение рукой, и второй «качок» с криком рухнул на пол. К входу стремительно подбежал еще один грозный охранник.

— Ша! — раздался громкий мужской окрик из зала ресторана. — Пропустить их...

«Качки» недовольно расступились и отошли от дверей.

— Проходите, дорогие гости, и простите моих ребят.

Это громко сказал сидящий в центре троицы, в белой рубашке, крупный мужчина с косым шрамом на лбу.

Клеман, Дюбуа и Третьяков вошли в зал.

— Олег, ты наверняка меня знаешь? — спросил мужчина со шрамом.

— Да. Вы костромской бизнесмен, господин Рогов.

— Правильно. Слева от меня мэр этого города, справа — начальник полиции, подполковник. Вот, решили мы перекусить. Пожалуйста, присоединяйтесь к нам. Мы гостям всегда рады. Мадам Клеман, господин Дюбуа, Олег.

— Спасибо за приглашение, — ответила Клеман. — Нам неловко вас напрягать...

— Да что вы! — воскликнул Рогов. — Никакой напряги. Нам будет очень приятно пообщаться с гостями. Узнать новости. Да и рассказать вам о Судиславле, его

перспективах. Может, вы решите инвестировать сюда свои средства...

— Спасибо, господин Рогов. Мы не инвесторы, мы — туристы, покушаем мы сами и отдельно, — твердо сказала-отрезала Клеман и направилась к стоящему в углу столику.

За ней последовали Дюбуа и Третьяков. Они все разместились за столиком.

— Значит, брезгуете нами, не хотите нормально общаться? — зло бросил Рогов. — Зря, зря.

— Вовсе нет. Просто у вас свои разговоры, у нас свои, — вставил Дюбуа.

— Разговоры! — крикнул Рогов. — А вот мой парень, которому мадам Клеман отшибла печень, попадет в больничку на месяц. А начальник полиции, подполковник Сидоров, не имеет права оставить этот инцидент без внимания. Свидетелей предостаточно и видеокamera зафиксировала ваше, мадам, нападение.

«Качок», получивший удар от Клеман, сидел на полу.

— Так точно, — поднимаясь из-за стола, изрек сидящий справа от Рогова высокий худой мужчина. — Я вызываю наряд полиции. А вы, мадам Клеман, обвиняетесь в хулиганстве с причинением вреда здоровью потерпевшему мужчине...

— Он первый меня оскорбил. Есть и свидетели этого, — вымолвила Клеман.

— Видеокamera не записывает словесных оскорблений, — язвительно бросил Рогов. — А на ваших свидетелей найдутся и наши тоже. Так что, тюремная камера, пока предварительная досудебная, вас уже ждет, мадам Клеман.

Подполковник в это время по сотовому телефону давал указания на вызов опергруппы.

— Я иностранка, и вы не имеете права на мое задержание без французского консула, — заявила Клеман.

— По российскому закону мы имеем право задерживать вас на 48 часов, — вымолвил подполковник. — За это время будет и консул. Вы обвиняетесь по чисто уголовной статье. И не советую оказывать сопротивление, будет применено оружие.

— Мы, конечно, можем договориться... — вмешался в перепалку Рог.

— Никаких договоренностей с бандитами быть не может, — перебивая Рогова, решительно отрезала Клеман.

— Хуже будет только вам, — бросил Рогов.

Дюбуа в это время по своему смартфону набирал sms-сообщение.

— Зря стараетесь, Дюбуа, — весело бросил Рогов. — Ваша мадам Третьякова-Лаган лежит при смерти в жевневской клинике. Она вам более не помощник.

Показав свою осведомленность, он с самодовольным выражением лица взирал на троицу. Изрек:

— Олег, иди к нам, покушаем, выпьем, поговорим. Я помогу решить все твои проблемы, и с банками тоже.

Третьяков вопросительно взглянул на Клеман и Дюбуа. Они, в свою очередь, внимательно смотрели на него.

— Э... — в раздумье вымолвил Олег. — Спасибо, господин Рогов. Но я останусь со своими французскими знакомыми.

— Хочешь получить посмертный орден! — усмехнулся Рогов. — Ведь они тебя затянут в какую-нибудь опасную аферу, а сами потом уедут в свою Францию.

В это время с улицы послышался звук полицейской сирены...

Судиславль, отдел МВД России по Судиславскому району...

В кабинете начальника отдела помимо его хозяина, подполковника Сидорова, находился раскрасневшийся бизнесмен Рогов. Между ними происходил серьезный разговор.

— Надо действовать быстро, — стоя у висевшей на стене карты района, говорил Рогов. — Ибо уже завтра тебе поступит команда извиниться и выпустить эту Клеман и, вообще, не приближаться к ним всем троим. За ночь мы должны узнать, зачем они приехали сюда. Действуй подполковник, действуй. Но, соблюдай меру, прояви гибкость и хитрость...

Комната для допросов...

В помещении находилось двое — Клеман и подполковник Сидоров.

— Мадам Клеман, вы можете честно ответить мне на один вопрос? — спрашивает подполковник.

— Да, — отвечает невозмутимая француженка. — Хотя и не понимаю, почему я должна отвечать вам.

— Я с вами беседую в рамках доследственной проверки. Закон это разрешает.

— Хорошо.

— Зачем вы приехали в Судиславль?

— Исключительно с туристической целью.

— Не понимаю, разверните этот тезис.

— Попробую разъяснить популярно и кратко. Я и Дюбуа приехали в Россию по поручения Фонда братьев Третьяковых. Цель поездки — посещение мест жизни

и деятельности П.М. Третьякова. Мы были в Москве, затем в Костроме и вот теперь в Судиславле. В поездке в Судиславль нас сопровождает костромич Олег. По возвращению в Париж мы предоставим отчет Фонду. Всё.

— Разве великий коллекционер Павел Михайлович бывал в Судиславле?

— По нашим данным — бывал. Мы как раз и должны это перепроверить.

Подполковник улыбается.

— Вы что-то недоговариваете.

— Я дала вам исчерпывающую информацию, господин подполковник. Вы можете сделать запрос во французское посольство в Москве, в Фонд Третьяковых в Париже. Они подтвердят мои слова. Почему вы меня задержали? Я ничего противозаконного не сделала. Разве европейская хартия неприкосновенности у вас не действует?

Подполковник помнил слова Рогова. Задержание француженки, камера, допрос — это всё может обернуться для него отставкой. Но послушаться авторитетного бизнесмена Рогова он не мог. Слишком многое их связывало по жизни.

— Разберемся...

— Разговор окончен, — решительно бросила Клеман. — Вы меня или отпускаете сейчас, или я ложусь спать в вашей камере. Я устала.

Подполковник закивал.

— Пока вас проводят в камеру. Я бы вас мог определить в женскую камеру, где бы вас точно лишили бы иллюзии европейской неприкосновенности. Но, сегодня она пуста. Поэтому, будете сидеть одна, мадам Клеман....

Глава 15

После задержания полицией Клеман явно расстроенные Дюбуа и Третьяков зашли в свой номер.

— Что теперь будет с Клеман? — хмуро спросил Олег.

— Ничего плохого не будет, — быстро ответил Дюбуа. — Ее освободят или ночью, или завтра утром.

Третьяков пожал плечами, вымолвил:

— Рогов страшный человек и способен на всё. Даже убить человека, и ему ничего не будет. У него всё схвачено.

— Несомненно, он силен в этих краях, — ответил Дюбуа. — Но он всё же не самоубийца.

Олег снова пожал плечами и изрек:

— А поужинать бы не мешало.

— Пожалуй. А мы сейчас закажем ужин в номер, — сказал Дюбуа и взялся за телефон.

Действительно, через 15 минут две официантки принесли на подносах обильный ужин и бутылку вина.

Напарники молча и с аппетитом бросились трапезничать.

— Ты давно знаешь Клеман? — спросил Олег.

— Нет. Познакомились перед самой поездкой.

— Ты ей полностью доверяешь?

— Да. Слушай, как-то нехорошо обсуждать человека, который сидит в камере полиции...

Судиславль, отдел МВД России по Судиславскому району...

В кабинете начальника отдела находились: его хозяин — подполковник Сидоров и бизнесмен Рогов. Мужчины «заседали» в креслах у небольшого кофейного столика. На столе стояла бутылка водки, рюмки, скромная закуска. Настенные часы показывали начало одиннадцатого вечера.

Строгие на вид мужчины вели нервный разговор.

— Плохо, что тебе не удалось ее разговорить, — ворчал Рогов. — У нас остается мало времени. Завтра всё может перемениться. А нам остается только ждать.

— Зря я с тобой связался, Василий, — наполняя рюмки, изрек подполковник. — Чувствую, из-за этих французов меня могут погнать из органов.

— Не ссы, подполковник. Главное — сделать дело, узнать, зачем они здесь, — бросил Рогов. — А если попрут из органов, то я возьму тебя к себе в команду. И получать будешь больше, — лихо опрокинул рюмку и громко рассмеялся.

Подполковник такому предложению визуально не обрадовался. Он опустошил свою рюмку.

— Спасибо, друг, — выдавил. — Что-то я заморился сегодня, пройдуся, пожалуй, пешком — отдохнуть домой.

Рогов улыбнулся.

— Пошли, уважаемый, отдыхать. Но зачем пешком, я тебя подброшу на своем «Булате»?

— Спасибо, Василий, я прогуляюсь, немного проветрюсь. А ты куда?

— В свой отель «Третьяков», — весело ответил Рогов, — у меня же там президентские апартаменты. Выпивка, девочки...

— Как там сейчас Клеман? — зевая, изрек Олег. — Наверное, в камере лежит на топчане и думает. Возможно, даже о нас тобой.

После сытного ужина оба — и Дюбуа и Третьяков, стали усиленно зевать, их определенно клонило ко сну.

Они сидели на диване и смотрели телевизор, шла музыкальная программа.

— Никогда не был в камере, — бросил Дюбуа. — А тебе приходилось?

— Да, один раз, — ответил Олег. — Лет пять назад подрался на улице с двумя наркошами. Нас всех доставили в отделение полиции. Я в камере с одним стариком провел ночь.

Он, конечно же, вспомнил и свое заточение в сарае у банкиров. Но не стал об этом говорить.

— А потом? — спросил Дюбуа.

— Утром выпустили, дѣла заводить не стали. Может, будем отдыхать? Завтрашний день будет непростой.

— Давай будем отдыхать, — изрек Дюбуа, добавил. — Спокойной ночи, — и направился в свою спальню.

— Спокойной, — бросил вслед Олег и завалился на диван.

Достал свой смартфон и стал искать по интернету сведения о Судиславле. А конкретно — о «доме со львами» купца Третьякова. Так... здание принадлежит районной больнице... Вот общая схема двухэтажного

дома. Вот главный вход со львами для важных гостей с одной улицы, вот второй вход — для менее важных гостей с другой улицы. А вот вход с внутреннего двора для прислуги и обслуживающего персонала...

Судиславль, отель «Третьяков»...

Два часа ночи. Постояльцы, да и практически весь обслуживающий персонал спит.

Вот дверь одного номера на втором этаже тихо открывается, в полутемное помещение осторожно входят двое мужчин. Они медленно, друг за другом, движутся и оказываются в гостиной. Мужчины осматриваются. На диване спит человек в плавках. Через приоткрытую дверь в спальную комнату видна кровать и лежащий на ней спящий другой мужчина.

Вошедшие переглядываются и тихо подходят к дивану. Один достает из кармана какой-то предмет и подносит его к носу спящего. Секунд пять-семь он его держит у носа. Затем убирает. Второй, крупный мужчина ловко, по-борцовски забрасывает тело спящего человека на свое плечо. Вся троица тихо движется к выходу...

Олег медленно открывает глаза и видит перед собой сидящего в кресле, в спортивном костюме, серьезного Рогова с одутловатым (отечным) лицом. Он осознает, что сам он сидит на стуле, руки его в районе кистей связаны скотчем, равно как и ноги в районе колен.

«Рог меня похитил...» — мелькнула мысль.

— У меня к тебе, Олег, есть серьезный разговор, — изрекает авторитет. — Ты должен честно ответить мне на несколько вопросов.

— Я отвечу вам честно, господин Рогов. Только, пожалуйста, развяжите меня, — говорит Третьяков. — Я никуда не сбегу, так как понимаю, что от вас нигде не спрячешься. И информацию от меня, нужную вам, вы всё равно получите.

Рогов улыбнулся, его шрам на голове принял фиолетовый оттенок.

— Да ты умный парень. Ребята, уберите с него скотч.

Из-за спины Третьякова появился парень с ножом. Быстро разрезал и снял скотч с Олега. Он немного размял руки и ноги.

— Я вас внимательно слушаю.

— Хорошо держишься, почти как наш лучший вратарь Третьяк, — раскатисто рассмеялся авторитет. — Итак, поехали. Почему французы приехали к тебе?

— Я по далекой-далекой линии являюсь родственником знаменитого Павла Михайловича Третьякова, коллекционера и основателя московской Третьяковской художественной галереи. Они, то есть эти двое французов, тоже являются дальними родственниками коллекционера и, следовательно, моими тоже.

— Как всё сложно, — усмехнулся Рогов. — Они приехали тебя навестить что ли?

— Нет. Они приехали с поручением.

— Каким? — быстро спросил авторитет. — Давай говори, не тяни.

— Павел Михайлович умер 120 лет назад. Перед смертью он оставил завещание и просил его вскрыть именно через 120 лет.

— Где оно столько лет хранилось?

— В одном банке в Париже. Парижский Фонд Третьякова изъясил это завещание и вскрыл. Как я понял, там речь идет о спрятанном тайнике с ценностями. А наследником по мужской линии должны стать его родственники по линии моей родни. Поскольку отец мой умер, наследником оказался я.

— Как всё запутали эти царско-режимные интеллигенты! — воскликнул Рогов. — Где тайник? Что в нём?

— Французы очень хитры. Они не стали об этом говорить. Лишь сообщили, что в моих интересах всё узнать в самый последний момент. Очевидно, боялись, что я проболтаюсь.

— То есть, самого важного они тебе не сказали.

Олег твердо решил, что о «доме со львами» купца Третьякова он ничего не скажет.

— Не сказали. Лишь, когда мы приехали в Судиславль, сообщили, что тайник находится здесь, и всё.

— Хитромудрые французы! — воскликнул Рогов и ругнулся. — Когда они хотят приступить непосредственно к поиску тайника?

— Не знаю. Они всё делают не спеша, ведь они вроде как отдыхающие туристы.

Рогов снова ругнулся.

Какое-то время он раздумывал.

— А ты не думал, Олег, что, прикрываясь тобой, французы тебя обманут. Чтобы этого не произошло, мы с тобой должны сотрудничать. Мы — русские люди,

земляки. Я тебя не подведу и не обману. Теперь ты должен мне сообщать все новости. Уразумел?

В голове Третьякова вертелись самые разные, порой противоречивые мысли. Преодолев некоторое внутреннее сопротивление, он вымолвил:

— Да, господин Рогов.

— Можешь ко мне обращаться по имени и отчеству — Василий Васильевич, — довольно выдавил авторитет. — Ведь мы с тобой теперь партнеры по делу о тайнике. Я тебе буду помогать. И общаешься только со мной, более ни с кем. Запомни мой номер телефона, он простой. Новости будешь слать сообщениями за подписью «Третьяк». Уразумел? — назвал действительно легкий для запоминания телефонный номер.

Третьяков закивал.

— Мы сейчас на третьем этаже. Дойдешь до своего номера на втором этаже?

— Дойду.

— Тогда вперед. И заруби себе, обманешь меня, убью...

Судиславль...

Подполковник Сидоров проснулся и услышал громкие звуки, доносящиеся из прихожей. Домашние электронные часы показывали третий час ночи.

Шум из прихожей не прекращался.

Ругаясь, Сидоров поднялся с кровати и прямо в трусах пошел в прихожую. Открыл дверь. Перед ним предстал дежурный по отделу капитан Овечкин.

— Какого рожна?.. — заругался подполковник.

— Виноват, — заморгав глазами, выдавил капитан. — Товарищ подполковник, звонил из Костромы генерал Мазур. Сильно ругался, что не может до вас дозвониться.

Вчера подполковник пришел домой поздно, выпивши, и с больной головой. Дабы как следует выспаться, он напрочь отключил домашний и сотовый телефон.

— Ну-ну, дальше, капитан.

— Генерал сказал, чтобы вы немедленно прибыли в отдел, — бодро рапортовал капитан. — К вам приедет майор Зарембо из ФСБ. И что вы должны оказать ему содействие и помощь. Всё. Вас подождать, товарищ подполковник?

Две-три секунды Сидоров раздумывал.

— Да, подожди, капитан...

Камера в отделе МВД России по Судиславскому району...

На деревянной скамье сидит строгая Клеман. Напротив нее стоят: в форме — подполковник Сидоров и в штатском костюме — майор Зарембо. Офицеры на лицо тоже строги, если не сказать суровы.

— Госпожа Клеман, я хотел бы услышать вашу версию произошедшего в ресторане отеля инцидента, — вымолвил Зарембо после того, как он представился даме.

— Пожалуйста, господин майор. Мы с друзьями направились в ресторан поужинать. Дверь была открыта, играла музыка, но нам загородили дорогу два спортивного вида молодца. Один из них сказал, что ресторан на спецобслуживании. А второй словесно унизил меня как

женщину. Поскольку извиняться он явно не хотел, я его слегка ударила в причинное место. Наглец упал. Тут подскочил еще один «спортсмен». Но бизнесмен Рогов дал команду пропустить нас в ресторан. Вот, собственно и всё.

Зарембо взглянул на хмурого Сидорова.

— Подполковник мне изложил несколько другую версию, — изрек майор. — Но, в любом случае, пожалуйста, госпожа Клеман, примите мои личные извинения за то, что вы оказались в камере. Эта ситуация неприемлема, никакого дела против вас не будет возбуждено.

— Извинения приняты, — отчеканила Клеман. — Что дальше?

— Все обвинения с вас снимаются, вы можете идти в отель. И дальше спокойно заниматься своими туристическими делами со своими друзьями. Да, я могу вас подвезти до отеля?

Клеман слегка улыбнулась.

— Спасибо, господин майор, не откажусь. Ведь, как у вас говорят, ночь на дворе.

Она поднялась и направилась к выходу. Поравнявшись с Сидоровым, сделала движение коленом. И... очевидно, задела причинное мужское место подполковника. Бедняга слегка согнулся, а Клеман и Зарембо проследовали на выход и вышли из камеры.

В машине Зарембо строго вымолвил:

— Капитан Клеман, надеюсь вы знаете, что по российским законам клады и их содержимое сроком более 100 лет безусловно принадлежат российскому государству. Поскольку являются национальной историко-культурной ценностью.

Женщина несколько секунд обдумывала ответ.

— Да, майор. Но по тому же законодательству российское государство вправе до 50% содержимогоклада или в натуральной форме, или в денежной передать его владельцу или нашедшему лицу.

Майор улыбнулся.

— Согласен. Чем я могу вам помочь?

Улыбнулась и женщина.

— Отсечь от нас любопытную полицию и еще более любопытный криминальный бизнес.

— Я вас услышал...

Отдел МВД России по Судиславскому району...

Проводив из отдела Зарембо и Клеман, уже из своего кабинета подполковник Сидоров звонил Рогову.

— ...Василий, ты пойми, я получил приказ не трогать компанию французов. Теперь с ними работает майор ФСБ Зарембо. Как я понял, там задеты интересы национальной безопасности. Майор освободил Клеман, снял с нее все обвинения, разрешил им заниматься своими делами.

— Да не переживай ты так сильно! Всё идет нормально. Ведь тебя не сняли с должности?

— Не сняли. Но тебе, Василий, лучше держаться от них подальше и уехать. Понимаешь! Я тебе в этом деле уже не помощник.

— Как? Ведь твои стукачи будут тебя информировать о передвижениях тройцы? Ну, а ты мне сообщать?

— Моих стукачей, как ты говоришь, в городе раз-два и обчелся. Круглые сутки за французами они наблюдать не смогут.

— Не переживай, подполковник, всё будет пучком. Я сейчас уезжаю в «Берендеевы Поляны»¹⁴, отдохну там некоторое время. Связь держим по телефону...

Утром Олег поднялся в начале восьмого. Судя по тишине в спальне, Дюбуа еще спал.

Ситуация с его похищением и разговором с Роговым казалась каким-то плохим сном. Но она была в реальности! И неясно было, к чему это приведет. Да еще непонятная ситуация с Клеман... Но жизнь продолжалась, где-то уже совсем рядом находился тайник с ценностями, его тайник...

Олег делал небольшую разминку, затем отправился принимать душ.

Вернувшись в гостиную, услышал через приоткрытую дверь в спальную комнату разговор Дюбуа по телефону.

Вот веселый француз в плавках выскочил в гостиную и бросил:

— Клеман в своем номере, у нее всё нормально. Она придет к нам через 15 минут, и мы пойдем завтракать.

— Отлично! — воскликнул Олег. — Молодец, мадам Клеман! Я уже почти готов.

Тут же вспомнил разговор с Роговым и загрузил.

— А я еще не готов, — изрек Дюбуа и скрылся в туалетной комнате...

¹⁴ «Берендеевы Поляны» — база отдыха для семейного и молодежного отдыха. Расположена на берегу озера в 2 км от Судиславля. Мягкий климат, свежий воздух, живописные виды вокруг и удивительной красоты природа создают здесь прекрасные условия для полноценного отдыха.

Дверь распахнулась, вошла улыбающаяся Клеман. Она выглядела потрясающе: клетчатая кепка на голове, светлый пиджак на голое тело, шейный платочек, брюки бордо из экокожи с элементами лазерной перфорации, в руке эффектная золотисто-бежевого тона сумочка кросс-боди.

Дюбуа и Третьяков восторженно рассматривали молодую женщину.

— Мы волновались... — начал удивленный Олег.

Но Клеман его сразу решительно перебила:

— Забыли эту неприятную ситуацию и более не вспоминаем. Сейчас завтрак в ресторане, а затем прогулка на свежем воздухе. Мальчики, вперед, вперед...

В коридоре отеля Олег тихо вымолвил:

— Мадам Клеман, мне нужно сообщить вам нечто важное.

— Говори.

— Ночью меня похитили люди Рогова. Я имел с ним разговор. Он предложил сотрудничать, я вынужденно согласился.

— Понимаю тебя. Всё правильно сделал, что не полез на рожон. Как ты должен ему передавать информацию о нас?

— Сообщениями по моему сотовому аппарату.

— Так... по твоему аппарату они будут нас отслеживать. Вот что, Олег. Я забираю твой аппарат и оставляю его в своем номере. А ты потом Рогову так и скажешь, что я забрала все сотовые и оставила их в своем номере. Поэтому ты ему ничего не смог передать.

«Просто и гениально!» — воскликнул про себя Олег.

С плеч его словно упал камень.

— Здрóрово, — лишь смог выдать он...

Судиславль...

Из своего автомобиля, припаркованного недалеко от отеля «Третьяков», Зарембо докладывал по сотовому телефону своему начальнику.

Выслушав доклад, подполковник Новов, очевидно, стал задавать вопросы.

— Так точно, Федор Федорович, — отвечает бойко майор. — Рогов предпринял разведку боем и, как я полагаю, временно ушел в сторону. Он будет со стороны наблюдать за происходящими событиями. По подполковнику Сидорову. Я уверен, трогать его пока не стоит. Он в районе сейчас реальная сила. Наши резкие движения по нему могут повлечь ответные резкие движения со стороны Рогова и прочих лояльных Сидорову сил...

После завтрака Клеман, Дюбуа и Третьяков вышли на улицу. Брутального внедорожника «Булат» не было видно.

— Пойдемте, мальчики, прогуляемся в городской парк отдыха, — вымолвила Клеман. — Он, кажется, называется «Лобанка»? Так, Олег?

— Совершенно верно, — изрек Третьяков, рукой показывая направление движения в парк.

— А почему именно Лобанка? — спросил Дюбуа.

— Я читал, что с Лобанкой связана легенда о лобном месте.

— Лобное место! — воскликнул Дюбуа. — Это как на Красной площади?

— Примерно да. По преданию, здесь в далекие времена судили, а подчас и казнили провинившихся людей. Захоранивали тела преступников тут же, у подножия горы.

— Были времена, — неопределенно бросил Дюбуа.

— А ты молодец, Олег, много знаешь о своем крае, — весело вымолвила Клеман.

Третьякову было приятно услышать похвалу от такой интересной, сильной и умной женщины. Он в своей жизни таких женщин еще не встречал. Но он лишь скромно промолчал.

Парк начинался буквально за углом отеля. Они не спеша зашли на его территорию. Могучие корабельные сосны, задевающие кронами небо, смолистый запах, слышалось пение птиц. То, что здесь некогда было место захоронений, указывал лишь одинокий скромный крест.

Вдали — водная гладь озера.

— А озеро, что впереди, я читал, рукотворное, — вымолвил Олег. — Насыщается и пополняется оно водами родников.

По парку неспешно ходили редкие посетители, в основном пожилые люди. На берегу, на небольшом песочном пятчке, играла и шумела детвора. А парочка купальщиков курсировала по водной глади озера. И совсем вдали, кажется на резиновой лодке, виднелся рыбац. Одним словом, жизнь не очень бурно, но шла своим чередом. Как и принято в парке, встречались деревянные лавочки.

— Присядем на лавочку, поговорим о жизни, — вдыхая воздух полной грудью, предложила Клеман.

Она села на деревянную лавочку, справа от нее присел Дюбуа, слева — Третьяков.

Вот Клеман подняла голову кверху и изрекла:

— Тишина и покой, мирно отдыхающие люди. Вдохнешь смолистый аромат, посмотришь сквозь кроны столетних сосен вверх в голубое небо и... увидишь вечность.

Дюбуа и Третьяков переглянулись между собой, но... ничего не сказали...

Издали послышалось определенно пьяное мужское пение...

Из-за одного широкого ствола сосны за троицей наблюдал жующий жвачку волосатый молодой человек.

Париж, штаб-квартира DGSE...

Начальник Управления исследований полковник Бернар обсуждал со своим ведущим сотрудником, майором

Морелем, информацию, полученную от Управления электронной разведки ведомства.

— То есть наши электронщики сумели войти в костромские городские системы видеонаблюдения, — изрек полковник. — И что они там нашли по нашей теме?

— Нашли, что машина Клеман и Дюбуа покинула Кострому по шоссе федерального значения Р-243 «Кострома — Пермь», — ответил майор.

— Пермь? Это уже, по-моему, Урал! Насколько я в курсе, у московского коллекционера Третьякова не было в тех краях никаких интересов.

— Совершенно верно. Но зато были в первом встречном по шоссе небольшом городе Судиславле.

— А там что?

— Аналитики подняли архивные документы, еще царские. Так вот, в этом городе был заметной фигурой купец Третьяков. Неясно, то ли родственник московского коллекционера Третьякова, то ли его однофамилец. Часть документов была уничтожена после 1917 года. В его собственности были дома, предприятия...

— И вы полагаете, майор...

— Совершенно верно. Но в этом Судиславле нет уличных камер наблюдения. Мы окончательно теряем Клеман и Дюбуа...

Глава 16

— Мы сегодня пойдем «на дело»? — спросил Олег.

Клеман в это время расслабленно сидела с закрытыми глазами. Дюбуа смотрел по сторонам.

— Мальчики, вы не умеете расслабляться, — весело вымолвила Клеман. — Не умеете просто наслаждаться жизнью. Как здесь чудесно дышится! Как здесь приятно находиться!?

— И всё же, когда мы пойдем «на дело»? — настаивал Олег.

— Мы — беззаботные туристы, мы всё должны делать не спеша, — медленно изрекла Клеман. — Давайте не будем дергаться. Пусть дергаются наши противники.

— То есть, ты предлагаешь объявить сегодняшний день выходным? — бросил Дюбуа.

— Правильно мыслишь, Даниэль. Ближайшие пару часов просто беззаботно проведем здесь. Олег, ты бывал в Европе?

— В Европе? — переспросил Олег. — Э... Только в Калининграде. В детстве с родителями ездили, — слегка улыбнулся. — Остались приятные воспоминания о море, морских пейзажах. Помню, как искал кусочки янтаря на берегу, как гуляли у воды на фиолетовом закате, как с моря надвигался серый туман. Еще понравились живописные аллеи из могучих деревьев по обочинам

дорог. Едешь как будто по зеленому тоннелю. Врезались в память белые аисты на столбах, трубах и крышах.

— Интересные воспоминания, — сказала Клеман. — Даниэль, расскажи нашему другу взрослые воспоминания о Франции и о Париже. А я дополню твой рассказ. И вообще, мальчики, мы засиделись, предлагаю прогуляться.

Неспешно прогуливаясь по сосновому бору, они наткнулись на юного художника. Он запечатлевал действительно живописные места...

Судиславль, отдел МВД России по Судиславскому району...

В кабинете начальника отдела находился его хозяин, подполковник Сидоров и, судя по лицу, вел неприятный телефонный разговор. Это генерал Мазур из Костромы, не стесняясь в выражениях и эпитетах, отчитывал подчиненного за все совершенные и не совершенные преступления и, как говорится, на 10 лет вперед...

Обедала троица в ресторане отеля. После прогулки сделали обильный заказ. Клеман попросила принести бутылку красного вина.

Зал заполнен наполовину — разношерстной, очевидно туристической, публикой. Играла легкая музыка. Вот из репродукторов раздался протяжный женский голос:

*В сагу горит костер калины красной,
Но никого не может он согреть...*

Одна пара принялась танцевать.

Заказ выполнили быстро, троица приступила к трапезе.

Внезапно к их столику подошла экзальтированная дама неопределенного возраста и чуть ли не силой увела потанцевать Дюбуа. Во время танца дама тесно прижималась к кавалеру, непрерывно о чем-то говорила. Клеман была явно недовольна. А после танца энергичная дама долго не отпускала Дюбуа.

Вскоре одна разбитная деваха с умопомрачительной синей прической пригласила на танец и Третьякова. Но он решительно отказался и получил в ответ матерную брань.

Закончив обед, Клеман, Дюбуа и Третьяков направились на второй этаж в свои номера.

— Сейчас отдыхаем, — строго вымолвила Клеман. — Даниэль, проводи меня, пожалуйста, в мой номер.

Олег направился в свой номер, а Клеман и Дюбуа, не спеша, проследовали дальше...

Клеман и следом Дюбуа зашли в номер.

— Что это было? — грозно спросила женщина.

— Но ты же всё видела сама.

Несколько секунд, и Клеман сменила гнев на милость.

— Как ты сам? — спросила она уже мягко.

— Я неплохо. Как ты сама после передрыг с полицией?

Женщина сбросила на диван сумочку, кепку, пиджак.

— Неважно, — ответила Клеман. — Ощущаю некое напряжение и усталость, а также сонливость. Ночь

получилась беспокойной. Милый, — добавила буднично и без эмоций, — иди в спальную комнату, раздевайся, я сейчас приду.

Дюбуа довольно заулыбался.

«Возможно, — подумал он, — на секс с ним Клеман подтолкнула экзальтированная женщина в ресторане. Она, между прочим, предлагала встретиться вечером...»

Он вспомнил недавние слова капитанши о том, что мужчина — всегда должен надеяться и ждать.

«Значит, я дождался!?» — весело усмехнулся.

Обнаженная и прекрасная Клеман пришла через 10 минут. Ах, какая естественная, гармоничная, гибкая девичья фигурка! А какие горящие, ненасытные глаза! Она как голодная тигрица буквально набросилась на красивого обнаженного Дюбуа. Отброшены напрочь и будничность, и некие неприятные воспоминания! Начался вечный праздник неиссякаемой любви между мужчиной и женщиной...

В номере Олег завалился на диван.

«Как-то всё нескладно получается здесь, в Судиславле, — хмуро раздумывал. — Французы совсем не спешат найти тайник. Мне о координатах его вообще ничего не говорят... Вот зачем они сейчас пошли вместе? Трахаться?.. Они родственники или любовники?.. Или это у них одно и то же?.. Был ли я в Европе? Да зачем она мне...»

Он незаметно уснул...

...белоснежный песок, изумрудное море, сочная растительность и голубое небо с пеленой белесых облаков. Одним словом — земной рай...

Вот к лежащему на песке одинокому белому парню подходит девушка-мулатка в мини-купальнике. Какая у нее фигура! Какие женственные формы! Точеные ножки! Какой бюст! Какие пышные бедра! Как она мило воркует и призывно улыбается! Самая, что ни на есть, природная естественность и непосредственность! Девушка садится на песок. Она тут же погодвинулась ближе. Очевидно в надежде, что мужчина не откажется от сексуальных шалостей, выходящих далеко за рамки обычных дружеских отношений. Ах, какой жаркий поцелуй! После поцелуя с женщиной мулатка-шоколадка положила свою руку на мужское достоинство, а сама выставляла груди с налитыми темно-коричневыми сосками. О! Что тут началось!..

Удовлетворенные Клеман и Дюбуа лежали рядом. Она дышало ровно и спокойно, он — глубоко и шумно.

— Рогов сказал, что Третьякова-Лаган лежит...

— Да, это правда, — перебила Клеман. — Вера Ивановна на обследовании в Женевской клинике. У нее обнаружили онкологию, и она согласилась на операцию. Кстати, она направила письма министру культуры России, исполнительному директору Фонда поддержки Третьяковской галереи и председателю его Попечительского совета.

Две-три секунды Дюбуа переваривал услышанное.

— И что теперь будет с нашим Фондом?

— Вера Ивановна предложила сделать наш парижский Фонд филиалом московского Фонда поддержки галереи. И тебя, Даниэль, назначить управляющим этим филиалом.

— И ее там послушают?

— Конечно. Ведь она орденосеиц.

— Не понял?

— Три месяца назад закрытым указом президент России наградил ее за заслуги в области культуры орденом Святого апостола Андрея Первозванного.

— Закрытым указом? — переспросил Дюбуа.

— Да, секретно, чтобы не раздражать власти Франции. Ты же знаешь, что после вооруженного и кровавого государственного переворота в 2014 году на Украине и прихода к власти националистов-бандеровцев, в русском понятии — фашистов, отношения Запада и России до предела накалились.

— Почему русские называют бандеровцев фашистами?

— В годы последней мировой войны бандеровцы служили в немецко-фашистских войсках и сражались против Красной Армии. Служа в карательных частях, они отличались особой жестокостью по отношению к пленным и мирным жителям. Карликовый, загнивающий и разлагающийся Запад в своем маниакальном страхе перед могучей Россией готов поддерживать фашистов, террористов, разного рода сепаратистов, экстремистов, сектантов, «голубых»... и прочих, ненавидящих и гадящих России.

Дюбуа внимательно выслушал и спросил:

— Мариз, почему ты в курсе всего? Ты работаешь на французское государство или другое...

— Милый, не сочиняй. Я просто подруга Стефании, внучки Третьяковой-Лаган. И Веру Ивановну знаю с детства. Это она попросила меня поучаствовать в поездке в Россию, решила вопрос с моим начальством.

По мужскому лицу было трудно понять, поверил ли он словам женщины. Или же нет.

— Почему я о тебе, Мариз, раньше ничего не слышал?

— Видимо... всё так сложилось. Как тебе известно, я и в поездке поддерживаю связь с Верой Ивановной.

— Интересно... И всё же, почему ты сейчас не замужем? — в раздумье спросил Дюбуа. — Ну, как говорят русские, первый блин у тебя был комом. Но жизнь продолжается. Кругом столько молодых современных мужчин!

Клеман улыбалась.

— Молодых? У большей части молодого поколения привычки не совсем полезные: сигареты, алкоголь, кальяны, ночные клубы, наркотики, смартфоны, селфи и т. д.

— Неужели тебе не хочется счастья, любви, нежности, теплоты, заботы, — не унимался Дюбуа. — Это можно получить в полной мере только в браке.

Клеман продолжала мило улыбаться.

— Это теория. А я знаю одну из практических мужских истин: мужчина за женщиной ухаживает полгода, а женщина за мужчиной — всю оставшуюся жизнь. Я этого, милый Даниэль, совсем не хочу.

— А настоящая любовь не спрашивает: хочу — не хочу...

— И ставим на этом точку, — строго отрезала Клеман. — Даниэль, сходи, пожалуйста, к нашей машине и посмотри, всё ли там на месте. Внимательно осмотри и инструменты для предстоящих работ.

Дюбуа стал серьезным.

— Хорошо. Когда идем работать?

— Сегодня ночью, — буквально прошептала Клеман. — Поэтому надо отдохнуть. Одевайся и иди, милый...

Услышав шум открывающейся двери в номер, Олег проснулся. Дюбуа осторожно вошел. Он также осторожно, буквально на цыпочках, миновал гостиную и прошел в спальную комнату.

«Что-то там они с Клеман интригуют», — вяло подумал Олег.

Подумал и о приснившемся благодном сне. Что он отдыхает где-то на южном райском острове...

«Скорее бы мы нашли тайник!» — воскликнул.

Он попытался снова уснуть...

«Берендеевы Поляны»...

На базе отдыха Рогов занимал отдельный деревянный, пахнущий сосной домик. Он был расположен в березовой рощице и, одновременно, на берегу озера.

В комнате был накрыт стол с закуской и выпивкой, установлен кальянный аппарат... Раскрасневшийся Рог, с изрядно татуированным голым торсом, две полураздетые смазливые веселые девчонки. Звучал любимый авторитетом околотюремный шансон...

Но расслабиться по полной программе авторитету как-то не удавалось. Уж очень его зацепила история с приехавшими за старинным тайником французами. Как они смело, если не сказать нагло, действовали. Они его авторитета вообще не признают и ни во что не ставят!?

Вот и обещавший сотрудничать Олег Третьяков молчит, ничего не шлет.

Рогов решил позвонить подполковнику Сидорову.

— Привет, служивый. Что слышно по французам?

— Привет отдыхающим. Ничего особенного не слышно. Мне сообщили, что они все втроем ходили в наш парк отдыха «Лобанка». Видимо, решили отдохнуть.

— А потом?

— Потом вернулись в отель, поели в ресторане и сейчас, видимо, дрыхнут в номерах. Расслабься и ты, Василий...

В номер стремительно вошла Клеман.

— Мальчики! — громко воскликнула она. — Я заказала в ваш номер ужин на всех нас. Быстро приводите себя в порядок. Ужин подадут через 15 минут.

В это время Олег дремал на диване. Дюбуа, кажется, вообще спал без задних ног в спальном комнате.

— Мальчики, вы всё поняли?

«Клеман блюдет нас, сегодня ужина в ресторане и танцев с девочками не будет», — усмехнулся Олег.

— Поняли, — поднимаясь с дивана, ответил он.

— Да, — тихо буркнул и Дюбуа...

Дверь номера с шумом отворилась, и вошла девушка-официантка с большим подносом в руках. Следом — улыбающаяся Клеман.

Официантка быстро составила содержимое подноса на стол и удалилась. Салат, отбивная, сок и... бутылка красного вина.

«Что-то Клеман сегодня расщедрилась, — усмехнулся Олег. — В обед вино, на ужин вино».

— Во Франции, особенно в южных ее частях, ни завтраки, ни обеды, ни ужины не обходятся без бокала доброго вина. Поэтому и люди там в большинстве энергичные и веселые, здоровые и предприимчивые. Да и живут они долго, — словно отвечая на сомнения Третьякова, весело вымолвила Клеман. — Друзья, прошу к столу. Олег, наполняй бокалы.

Мужчины были явно не против.

— За наше успешное мероприятие, — предложила тост Клеман...

После сравнительно скоротечной трапезы Клеман подошла к окну, выглянула на улицу.

— Даниэль, у нас с машиной всё нормально?

— Да, — ответил Дюбуа.

— Мы завтра идем «на дело»? — спросил Олег.

— Да, готовность номер один, — ответила Клеман. — Попрошу не выходить из номера, никого не впускать. И не забываем, за нами по-прежнему следят.

Мужчины стали серьезными и задумчивыми. Очевидно, каждый стал раздумывать о предстоящем важном мероприятии.

Клеман прошла к телевизору, включила его. Стала переключать каналы, нашла какую-то веселую шоу-программу. Полуголая певица, бегая по сцене, пела-орала что-то непонятное.

— Какое чувственное исполнение красивой песни! — весело бросила Клеман. — Олег, ты что предпочитаешь — современную эстраду, тяжелый рок или...

— Я не люблю музыку, — решительно ответил Третьяков. — Хотя порой и слушаю ее, и неважно какую.

Пребывание в номере Клеман почему-то стало его нервировать. Вернее, даже не лично ее, а, вероятно, некоторые ее манеры. Например, двусмысленные ответы, некое высокомерие и пренебрежение. Дюбуа вообще неприкаянно сидел в кресле и тупо смотрел на экран.

Возможно, Клеман, как тонкая и умная женщина, поняла неуместность в данный момент своего пребывания в номере.

Она направилась к выходу, бросив на ходу:

— Мальчики, ведите себя разумно. Еще раз напоминаю — никуда не выходите и никого не пускайте в номер. Просто отдохайте. Будет обидно и больно, если мы провалим дело в последний момент.

Вскоре поднялся с кресла Дюбуа, изрек:

— Пойду, отдохну. И тебе, Олег, советую поспать, — направился в спальную комнату.

Третьяков выключил телевизор, лег на диван...

Олег проснулся от прикосновения к своему плечу.

— Подъем. Быстро одеваемся, — вымолвила стоящая рядом с диваном Клеман.

Просыпаясь, Олег взглянул на свои наручные часы, они показывали час ночи.

«Они решили работать по тайнику ночью», — подумал.

Он стал подниматься и одеваться. А Клеман в спаль-ной комнате уже будила Дюбуа.

Вскоре тройца покинула номер, спустилась на пер-вый этаж. Дежурный администратор спала, положив голову на стойку, охранница-женщина дремала на сту-ле. Тройца осторожно вышла из здания отеля. На улице было темно, лишь тускло светила луна.

Они прошли к своей машине, серому «Фиату». За руль села Клеман, рядом Дюбуа, на заднем сидении расположился Третьяков. Машина медленно тронулась с места.

Занятые своими мыслями, они не обратили внимания, что стоявшая невдалеке темная иномарка также медлен-но и без включенных фар, двинулась за «Фиатом»...

Глава 17

«Фиат» набрал скорость, но довольно скоро стал тормозить. На улице было темно, в редких окнах домов горел свет.

Олег заметил, что машина свернула в ворота Г-образного двухэтажного дома, «дома со львами» купца Третьякова. Проехав немного, она остановилась во дворе.

— Даниэль и Олег, возьмите в багажнике необходимые инструменты для работы. Не забудьте фонари, — вымолвила Клеман, — и выдвигайтесь к служебному входу со двора. Справа от входа увидите дверь в цокольный этаж. И дальше — действуйте по обстоятельствам. Я вас буду здесь прикрывать. Связь по сотовому телефону. Вперед, мальчики, я верю в вашу удачу...

Судиславль...

Машина майора Зарембо заняла удачную позицию. Ему была видна машина, на которой приехала троица, и почти весь внутренний больничный двор. Увидев в прибор ночного видения (по форме напоминающий бинокль), что Дюбуа и Третьяков с инструментами в руках прошли в цокольный (подвальный) этаж здания, майор взялся за сотовый телефон.

Первый звонок он сделал коллеге в УФСБ по Костромской области и попросил срочно предоставить ему все, включая грифованные (секретные), материалы по Г-образному двухэтажному «дому со львами» купца Третьякова в Судиславле.

— Поднимите в архиве все документы царского периода, советского и нашего времени. Включая все секретные материалы. Особое внимание всему, что связано с тайниками,кладами и прочими тайнами. Сразу всё сбрасывайте мне на сотовый.

Второй звонок майор сделал своему начальнику, подполковнику Новову...

Уже два часа Дюбуа и Третьяков в полутьме и пыли с помощью молотка, кирки (кайла) и лома крошили фундаментные стены здания. В основном попадались старинные, красного цвета кирпичи. Но порой встречались и более поздние (периода СССР) белого цвета.

— Перекур, — изрек Дюбуа.

Он и Олег сели на груды выкорчеванных ими камней. Дюбуа достал сотовый аппарат.

— Мариз, мы обработали искомое место, и ничего. Взяли вправо на метр, потом влево, и опять ничего. Мы изрядно утомились, надышались пыли. Что нам делать?

— Где тайник? — крикнул Олег.

— М-да, успокойтесь, мальчики. Это надо всё обдумать, — медленно ответила Клеман. — Изрядно притомились, говорите? Значит так, сворачивайтесь и выходите наружу.

Вскоре усталые Дюбуа и Олег сели в машину. Она сразу взяла курс на отель «Третьяков»...

В машине повисла напряженная тишина. Каждый из троицы думал о чем-то своем. На улице темень...

Вот и отель. Все вышли, направились в отель. Их встретила женщина-охранница.

— Доброй ночи, господа. Никак совершали ночную прогулку?

— Доброй ночи, — ответила Клеман. — Да, немного прогулялись.

Троица направилась к лестнице. Вскоре все вошли в номер «мальчиков».

— И что это было? — нервно воскликнул Олег.

Он с горечью стал осознавать, что тайник с ценностями и все, связанные с ним надежды и мечты, могут оказаться мыльным пузырем.

— Давайте успокоимся, на дворе ночь, — сказала Клеман. — Было бы всё очень просто, если бы мы с наскока сразу нашли «чемодан» с ценностями.

— А есть ли он вообще, этот чемодан!? — резко вспылил Олег.

— А ты думаешь, мы приехали сюда за тысячи миль ради простой прогулки? — бросил Дюбуа.

— Мальчики, не будем ссориться и успокоимся, — решительно изрекла Клеман. — Эти дни были непростыми для всех нас. Нам всем надо поспать 6–7 часов. Никуда не ходить, никого не пускать. Завтрак — в вашем номере, я подойду. Всем приятных снов, — направилась к выходу.

«Берендеевы Поляны»...

На кровати спали трое: крупный, с изрядно татуированным голым торсом, похрапывающий мужчина,

и по бокам от него — две полураздетые смазливые девчонки. На двух прикроватных тумбочках стояла закуска, выпивка, рюмки, валялись мобильные телефоны, какие-то таблетки, рассыпанный порошок и еще кое-что по мелочам.

Подал резкий сигнал один из сотовых телефонов.

Мужчина открыл глаза, потянулся рукой через девичье лицо к аппарату. Достал, ответил:

— Ал-ло.

— Это охранница из отеля «Третьяков».

— Ну?

— Вся французская троица вернулась с ночной прогулки.

— С ночной прогулки? — повторил мужчина. — Где конкретно и сколько времени они гуляли?

— Это неведомо мне.

Несколько секунд мужчина раздумывал. Затем взглянул на часы, они показывали — 03:45 и выдал:

— Что еще?

— Ничего.

— Дура! — крикнул мужчина и швырнул аппарат на пол...

Олег завалился на диван.

«Неужели никакого тайника не будет? — сокрушался он. — А я уже столько всего нафантазировал!.. Кто всех обманул? Великий родственник и коллекционер? Или он специально указал неправильное место? Или здесь что-то другое?..»

Досада, злость, гнев... Комок подкатывается к горлу...

Но усталость давала себя знать. И вскоре он уснул...

Судиславль...

Майора Зарембо еще в Москве подготовился к поездке в Кострому. Но вот по Судиславлю он ничего не посмотрел.

Материалы от коллег из Костромы поутру стали поступать на его смартфон. Майор с интересом, а порой и с удивлением читал присланные сообщения. С некоторых, за давностью лет, уже был снят гриф секретности. Особенно поражали сведения по Г-образному двухэтажному «дому со львами» купца Третьякова.

Майор глубоко задумался. Ведь предстояло каким-то образом довести эти сведения до заинтересованных лиц и не вызвать их неадекватную реакцию...

Клеман, Дюбуа и Третьяков завтракали в номере «мальчиков». Завтрак получился поздним. Судя по лицам, у всех настроение было неважное. Виной тому, возможно, скомканная ночь и недосып. А может, и скорее всего, неудачная попытка найти тайник.

Подал сигнал телефон Клеман.

- Кто это? — нервно воскликнул Дюбуа.
- Я включу громкую связь, и всё услышите, — ответила Клеман, взяла аппарат в руки.
- Слушаю вас.
- Здравствуйте, госпожа Клеман, это Зарембо.
- Здравствуйте.
- Нам необходимо срочно встретиться.

Клеман взглянула на сосредоточенных «мальчиков» и ответила:

– Хорошо. Только нас будет трое.
– Я не против.
– Вы подъедете к нам в отель?
– Нет. Я не хочу, чтобы нас видели и слышали люди Рогова. Давайте на знакомом вам шоссе, в сторону Костромы на 5-м километре от Судиславля. Если вас будут преследовать, я их попробую отсечь.

Троица переглянулась.

– Хорошо, господин Зарембо. Через 40 – 45 минут мы будем на условном месте.

Клеман отключила аппарат.

– Кто этот Зарембо? – громко спросил Дюбуа.
– Офицер российской спецслужбы...

Серый «Фиат» затормозил на обочине шоссе. За рулем находился Дюбуа, рядом Третьяков. Клеман располагалась на заднем сидении.

Через несколько секунд рядом остановилась темная иномарка. Из нее вышел мужчина средних лет в синем костюме. Он прошел к «Фиату», открыл дверь и сел на заднее сидение. Окинул взглядом всех находящихся в машине, поправил рукой свои богатые каштановые волосы и вымолвил:

– Здравствуйте, господа. Сразу к делу. Должен сообщить вам пренеприятнейшую для вас новость. Тайник, который вы искали в цокольном этаже Г-образного двухэтажного «дома со львами» купца Третьякова, был обнаружен еще в 1971 году.

В салоне установилась тревожная тишина. На лицах троицы запечатлелась одновременно и тревога, и непонимание, и разочарование и... еще много различных эмоций.

– Как? – очевидно автоматически изрек Третьяков.

– Во время проводимого в то время капитального ремонта. Строители восстанавливали порядком износившийся фундамент и наткнулись на саквояж. Открыли его, а там оказались золотые царские монеты, целый пуд. По тем временам клад тянул на миллион долларов. А если прикинуть по сегодняшнему курсу, с учетом произошедшей почти за 50 лет девальвации и инфляции, то это будет два с половиной миллиона долларов.

Третьяков буквально побелел:

«Два с половиной миллиона долларов!?»

– Весь найденный клад отошел государству, – продолжал Зарембо. – Дабы избежать излишнего ажиотажа местных кладоискателей и, как следствие, их деятельности по разрушению старинного здания, находку засекретили. Со строителей взяли подписку о неразглашении, за находку им выплатили премию. СМИ об этом вообще не писали. Конечно, советские власти еще опасались и судебных разбирательств, которые могли организовать родственники хозяина дома и тайника. Гриф секретности с тайника был снят лишь в 2001 году. Но это уже было никому не интересно, СМИ вообще не обратили внимания на этот рассекреченный случай с найденным 30 лет назад тайником.

– Поэтому Фонд братьев Третьяковых в Париже этого не знал, – констатировала Клеман.

– Очень даже может быть...

– Но судебные разбирательства можно организовать сейчас! – воскликнул Дюбуа.

– За давностью лет – затея ничтожная. Вы, господа, можете приехать в краеведческий музей Судиславля на улице Комсомольской. Там, по-моему, есть небольшая

экспозиция, посвященная этому необычному для города явлению, — вымолвил Зарембо.

— Спасибо, вы нам очень помогли, — изрекла Клеман.

— До свидания. Если что, обращайтесь, — бросил Зарембо и вышел из машины.

Через несколько секунд его машина умчалась. А троица хмуро раздумывала.

— Я предлагаю съездить в местный музей, — вымолвила Клеман. — Так сказать, убедиться...

Дюбуа и Третьяков подавлено молчали.

Клеман продолжала:

— Даниэль, заводи и вперед...

Вот «Фиат» уже едет по улицам Судиславля.

Он подъехал к двухэтажному кирпичному зданию с деревянным флигелем.

Троица вышла из автомобиля, подошла к зданию. На входной двери скромная вывеска:

**Судиславский краеведческий
МУЗЕЙ**

Все трое не спеша вошли в здание музея. Клеман купила в кассе три билета. Билет на человека стоил 250 рублей. Кстати, в московской Третьяковской галерее — 500 рублей.

В зале их встретила молодая худенькая улыбающаяся девушка и сразу заученно затараторила:

— Здравствуйте, товарищи. Пожалуйста, проходите. Судиславский краеведческий музей, филиал Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, размещается в архитектурном памятнике конца XIX века, бывшем доме купца М.И. Соколова. Это небольшой, но невероятно уютный и интересный музей, где трепетно собирается и хранится информация и предметы, связанные с историей Судиславского края...

— Спасибо, — перебила Клеман. — Мы из Франции, из организации «Фонд братьев Третьяковых». Мы бы хотели посмотреть экспозиции, связанные с именем Третьякова. Нам сказали, что таковые у вас имеются.

— Да, конечно, — изрекла девушка. — Одну минуту, я приглашу директора музея, — и испарилась.

Вскоре появилась женщина средних лет, средней комплекции, в платье с мелким леопардовым рисунком, дополненным черными аксессуарами.

— Здравствуйте, я директор музея, Нина Яковлевна. Вы хотели бы посмотреть наши материалы, связанные с именем Третьякова?

— Совершенно верно, — подтвердила Клеман. — И особенно, с найденным в 1971 году тайником

в Г-образном двухэтажном «доме со львами» купца Третьякова.

— Я вас поняла, пожалуйста, пройдемте.

Они вошли в зал. Прямо напротив входа на стене под потолком висела небольшая картина. Сюжет ее казался знакомым.

— Это картина художника Бориса Кустодиева, 1906 года, под названием «Сумерки в Судиславле», — вымолвила директор музея. — У нас копия картины, оригинал хранится в Костромском музее. Сюрреалистическая картина маслом на холсте.

А ниже картины находился целый «дорожный» уголок: колесо от телеги, различная конская упряжь, бубенцы и валдайские колокольчики, альбомные страницы с изображением разных типов саней и росписей

дуг. И ямщицкий тулуп, чтобы не замерзнуть на облучке в самые лютые морозы...

— Почему картина сюрреалистическая? — спросил Дюбуа.

— На картине изображена группа из трех храмов, и она не имеет никакого отношения к городу. В Судиславле, как известно, всего два храма, которые стоят примерно в версте друг от друга...

Олег Третьяков всё наблюдал и слушал как во сне. Ведь все его планы и надежды рушились.

— ...здесь у нас зал декоративно-прикладной тематики. Давайте пройдем в следующий зал, там находится интересующая вас экспозиция.

Они прошли.

В следующем зале на входе, в большой витрине красовалась интересная нумизматическая подборка старинных монет.

— Экспозиция по вашему вопросу, пожалуй, было громко сказано. А уголок — да, пожалуй, — вымолвила директор, рукой приглашая пройти к небольшой витрине. — Наш музей был создан в 1967 году. Со дня основания музея мы, как вы понимаете, искали интересные экспонаты и исторические вещи. Об обнаруженном в 1971 году тайнике с ценностями в Судиславле никто не знал, всё было наглухо закрыто. Гриф секретности с тайника был снят в 2001 году, мы узнали об этом случайно. Старинный тайник в Судиславле!? Мы тогда сразу вступили в переписку с Минкультом России, МВД, прокуратурой, Банком России. Просили, чтобы нам прислали какие-то материалы по этому делу. Нам частично пошли навстречу.

Клеман, Дюбуа и Третьяков принялись рассматривать содержимое витрины.

В ней лежали два пожелтевших отпечатанных листа бумаги. Один (как можно было прочитать) — выписка из распоряжения Минкульта СССР о нахождении антикварных золотых монет царской чеканки в здании Судиславской районной больницы (бывшем доме купца Третьякова). Второй — выписка из приказа Совета Министров СССР о передаче 16 килограммов золотых монет достоинством 10 рублей в количестве 1240 штук, чеканки 1895 года, 900-й пробы в ведение Госбанка СССР. Стоял также коричневый саквояж. И лежали еще две желтые монеты (одна — лицевой стороной, с портретом Императора России Николая II — к посетителям, вторая — обратной стороной).

— Саквояж мы сами соорудили по присланному нам описанию из прокуратуры. А монеты две, после долгой переписки, нам прислали из Банка России, — продолжала директор.

Тихо рассматривающие витрину Клеман, Дюбуа и Третьяков больше уже не слушали директора. Им было всё ясно об интересующем их тайнике и ценностях.

Вскоре, поблагодарив сотрудников, они тихо покинули музей...

Клеман, Дюбуа и Третьяков рассчитались с отелем «Третьяков» и направились на машине в Кострому.

— Жаль, что так бесславно закончилась наша миссия, — вымолвил Дюбуа. — Что по домам мы отправляемся с пустыми руками.

— Вовсе не бесславно, — возразила Клеман. — Мы с тобой познакомились с частью великой России, с Олегом Третьяковым. Оказали ему практическую помощь. Так, Олег?

— Так. Спасибо большое вам. Я ваш должник.

— Не бери в голову, — отмахнулся Дюбуа.

— Вот видишь, Даниэль, — вставила Клеман. — Мы все вместе поставили точку в завещании Павла Михайловича. Тайник не пропал, он был вскрыт случайно, его содержимое послужило стране.

— Это всё так. И всё же, почему так получилось? Кто виноват? — настаивал Дюбуа.

— Никто не виноват, друг, — весело вымолвила Клеман. — Просто, такова жизнь. Она непредсказуема и полна неожиданностей. Иначе, — рассмеялась, — просто было бы неинтересно жить. Выше носы, «мальчики», жизнь продолжается...

Содержание

Пролог	3
Глава 1	6
Глава 2	28
Глава 3	54
Глава 4	76
Глава 5	93
Глава 6	114
Глава 7	126
Глава 8	143
Глава 9	158
Глава 10	174
Глава 11	187
Глава 12	204
Глава 13	218
Глава 14	237
Глава 15	250
Глава 16	266
Глава 17	278

Художественное издание

Смирнов Михаил Михайлович

ТРЕТЬЯКОВЫ

Издательство ИП Пиджаков А.В.
www.пиджаков77.рф
Тел.: (343) 286-03-87, 8-950-634-59-80

Подписано в печать 27.09.2021. Формат 70×100/32
Усл. печ. л. 8,49. Тираж 50 экз. Заказ № 14602

Отпечатано в ООО «Издательство
и типография "Альфа Принт"».
620049, г. Екатеринбург, пер. Автоматики, дом 2.
Тел. 8 (800) 300-16-00

Смирнов Михаил Михайлович

родился в 1953 году в Красноярском крае. Школьные годы прошли в Костромской области. Высшее образование получил в Ленинграде.

Трудовая и служебная деятельность проходила в Восточной Сибири, Центральном федеральном округе, республике Афганистан, на Крайнем Севере и в Москве.

М.М. Смирнов – полковник в отставке, член Союза писателей России.

Продуктивно трудится в литературном приключенческом жанре.

В творческой копилке 25 романов.

Неведомые и неразгаданные тайны прошлого!?!

Они всегда порождали легенды, мечты и прекрасные надежды. Надежды порой напрасные и несбыточные. А иногда, при попытке их реализовать, и просто зловещие, кровавые и даже несущие смерть...

Наши дни. Фонд братьев Третьяковых (Павла и Сергея, российских предпринимателей XIX века, меценатов и коллекционеров живописных шедевров), с офисом в Париже, должен выполнить последнюю волю, 120-летней давности, основателя Фонда – Павла Третьякова. Ни много, ни мало – передать тайник с ценностями одному из современных отпрысков семьи Третьяковых!!! Для этого в Россию отправляется эмиссар Фонда в сопровождении офицера Европола.

Но и не только они...

Владельцем указанного в завещании тайника неожиданно становится молодой житель Костромы Олег Третьяков, испытывающий в тот момент серьезные жизненные трудности. И вдруг... эта внезапно свалившаяся счастливая и загадочная удача! И она совсем рядом, в ближайшем уездном городе Судиславле...

Многие «друзья», как иностранные, так и российские, очень хотят «помочь» герою в поиске тайника и возможных ценностей в нём.

И, разумеется, далеко не бескорыстно. Ведь современный мир так неприветлив, холоден и алчен...

Романтические мысли и планы Олега на использование полученных ценностей из тайника наталкиваются на прозу жизни...